

**Российская диаспора
как фактор укрепления
национальных интересов России
на постсоветском пространстве**

**Российская диаспора как фактор укрепления
национальных интересов России
на постсоветском пространстве**

**Москва
2011**

УДК 327.83:323.113(161.1)(47+57)

ББК 66

Р 76

Авторский коллектив:

*Затулин К.Ф., Грозин А.В., Докучаева А.В., Егоров В.Г.,
Лобанов М.А., Михайлов В.П., Полникова О.В., Шibaева Е.И.,
Болтовский С.О.*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального научно-производственного центра
«ЦНИИТОЧМАШ»

Российская диаспора как фактор укрепления национальных интересов России на постсоветском пространстве. – Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2011. – 148 с.

ISBN 978-5-94293-022-6

В книге изложены результаты политологического анализа российской диаспоры как возможного фактора проведения национальных интересов России на постсоветском пространстве. Исследованы возможности реализации конкретных мер по развитию взаимовыгодного сотрудничества РФ и ее диаспоры в ближнем зарубежье на основе теоретических и концептуальных основ данного направления государственной деятельности, зарубежного опыта взаимодействия стран исхода и их диаспор, связанного с защитой интересов этнической родины, выявления особенностей складывающейся ситуации в отношениях России и общин ее соотечественников в ближнем зарубежье.

Книга адресована исследователям российской диаспоры, государственным и общественным структурам, занимающимся данной проблематикой.

© Институт диаспоры и интеграции
(Институт стран СНГ), 2011
Перепечатка материалов (частичная
или полная) разрешается только
после согласования с Институтом
стран СНГ

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Диаспора как объект исследования политической науки...8	
1.1. Понятие, типология, предпосылки формирования и основные формы функционирования диаспор.....	8
1.2. Основные модели участия диаспор во внутренней политике современного государства.....	45
1.3. Специфика участия диаспор во внешнеполитических процессах.....	54
Выводы и обобщения.....	66
Глава 2. Российская диаспора в ближнем зарубежье и ее роль в реализации национальных интересов современной России.....	72
2.1. Национальные интересы современной России в ближнем зарубежье: основные подходы к концептуальному осмыслению.....	72
2.2. Особенности современной российской диаспоры в ближнем зарубежье как субъекта политических процессов внутри- и наднационального уровней.....	94
2.3. Консолидация российских соотечественников – важнейший фактор становления эффективной диаспоры..	108
2.4. Российская диаспора как элемент реализации национальных интересов России в ближнем зарубежье....	114
Заключение.....	135
Примечания.....	139

Введение

Начало XXI столетия войдет в историю человечества как период кардинальных трансформаций в важнейших сферах жизни общества, включая сферу мировой политики и международных отношений. Наиболее существенные из этих изменений связаны с выходом на арену политической борьбы и активным включением в политические отношения и процессы разного уровня и динамики целого спектра новых сил и структур, не только превращающихся в полноправных субъектов внутренней и внешней политики, но и бросающих вызов традиционным институтам – государству, международным организациям и т.д.

Весьма справедливой представляется констатация многими исследователями уже начавшегося процесса реформативной структуры мира политического, в котором государство как политический институт утрачивает монополию на абсолютное лидерство и вынуждено при формировании и реализации своего внутри- и внешнеполитического курса все в большей степени обращать внимание, считаться с интересами и/или идти на далеко не всегда желаемое взаимодействие с новыми акторами – разнообразными не-, вне- и надгосударственными структурами, образованными на основе социально-экономических, культурно- исторических, этноконфессиональных и т.д. связей, интересов, сетей и т.п. При этом особую структурообразующую роль при возникновении новых субъектов политики все чаще начинают играть факторы этнополитического и политико-культурного свойства, так или иначе являющиеся следствием противоречий между основными тенденциями планетарного развития – с одной стороны, глобализацией и универсализацией, влекущими за собой, помимо прочего, усиление взаимосвязанности и взаимозависимости мира, превращение его в единое целое, с другой стороны, регионализацией и «этно-ренессансом», стремлением территориальных и локальных сообществ обособиться и тем самым сохранить свою языковую, конфессиональную, культурную и т.п. идентичность.

Одним из таких относительно новых субъектов политики, способных не только бросить вызов традиционным акторам,

прежде всего, государству, но и стать фактором и даже инструментом проведения в жизнь его интересов как внутри страны, так и на международной арене, является диаспора, рассеяние общин соотечественников по всему миру или в рамках регионов и нескольких стран. Часто успешно адаптировавшиеся к условиям жизни в принимающих странах диаспоры сосредотачивают значительные финансовые, промышленные активы, приобретают политическое и культурное влияние в государствах пребывания и, благодаря сохраняющимся конструктивным связям с этнической родиной, данные возможности могут быть задействованы для реализации национальных интересов последней на международной арене. Собственно, уже целый ряд иностранных держав давно осуществляют подобное взаимовыгодное сотрудничество, результаты которого оказывают позитивное воздействие на экономическую, социальную ситуацию в стране исхода, увеличивают ее возможности в международных делах.

В этой связи следует отметить, что вопрос об использовании потенциала российской диаспоры для реализации национальных интересов РФ уже давно и вполне назрел в нашей стране. Россия располагает связями с диаспорой в дальнем зарубежье – странах Европы, Северной, Центральной и Южной Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона, общины которых сохраняют русское культурное и духовное наследие, обладают определенными экономическими и политическими возможностями в обществах-реципиентах. Российская Федерация также осуществляет конструктивное взаимодействие с общинами, организациями и объединениями соотечественников в бывших республиках Советского Союза, ныне являющихся странами-участниками Содружества Независимых Государств и Европейского Союза. Однако эти связи носят патерналистскую направленность, приобретая сегодня еще и репатриационную компоненту. При этом основной чертой данного взаимодействия является отсутствие у него выраженной прагматической составляющей.

Данное обстоятельство повышает важность выработки и реализации конкретных мер по развитию взаимовыгодного сотрудничества РФ и ее диаспоры в ближнем зарубежье, делает остро необходимой разработку теоретических и концептуальных основ политики нашей страны в этой области. Определение теоретических и концептуальных основ данного направления государственной деятельности, исследование зарубежного

опыта взаимодействия стран исхода и их диаспор, связанного с защитой интересов этнической родины, выявление особенностей складывающейся ситуации в отношениях России и общин ее соотечественников в ближнем зарубежье, обоснование путей оптимизации данного рода связей – все эти факторы и обстоятельства определяют актуальность настоящего исследования.

В настоящем исследовании ставится двуединая цель: во-первых, рассмотреть феномен диаспоры как объект исследования политической науки, и, во-вторых, осуществить политологический анализ роли диаспоры соотечественников в ближнем зарубежье при реализации национальных интересов современной России.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач:

- дать определение, разработать типологию, выявить предпосылки формирования и основные формы функционирования диаспор;

- провести анализ политического участия диаспор во внутренней политике государства и выделить его модели;

- выявить специфику участия диаспор в процессах формирования и реализации внешней политики принимающей страны;

- проанализировать национальные интересы современной России в ближнем зарубежье, определить оптимальную модель их реализации;

- выявить особенности современной российской диаспоры как субъекта политических процессов на международном уровне и в отдельных странах ближнего зарубежья;

- определить потенциал российской диаспоры в странах СНГ и Прибалтики по реализации национальных интересов современной России в данном регионе мира.

Достижение цели и задач исследования делает необходимым изучение в качестве источников всего доступного массива информации официального, научного и публицистического профиля, связанного с рассматриваемой проблематикой. Данные источники условно могут быть разделены на четыре основные группы:

- 1) официальные нормативно-правовые документы, концепции и доктрины, отражающие позицию властных структур относительно национальных интересов и приоритетов российской внешней политики¹;

2) отечественные и зарубежные исследования, решающие теоретико- методологические задачи в области разработки дефиниции, типологии и различных аспектов деятельности диаспор²;

3) работы отечественных и зарубежных исследователей по проблемам российской диаспоры в странах СНГ и Прибалтики³;

4) статистические данные, результаты социологических и социально- психологических исследований общин в СНГ и Прибалтике, параметры деятельности организаций соотечественников в ближнем зарубежье и др.⁴

Глава 1

ДИАСПОРА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

1.1. Понятие, типология, предпосылки формирования и основные формы функционирования диаспор

Определение понятия «диаспора». В настоящее время под диаспорой чаще всего подразумевается любое живущее в инородном окружении этническое или конфессиональное (эндогамное) меньшинство, объединенное общим самосознанием, которое выражается в чувстве групповой солидарности⁵.

Что же касается этнической диаспоры, то наиболее широко распространенной трактовкой этого понятия является понимание под нею той или иной этнической группы, вынужденно или добровольно покинувшей родину и имеющей определенную политически выраженную ориентацию по отношению к стране исхода⁶.

Тем не менее, данная дефиниция, по мнению ряда диаспорологов и этнополитологов, неоправданно расширяет объем понятия, что делает необходимым определение четких критериев диаспоры. Основные усилия и внимание при этом обращены на решение проблемы существенных признаков эталонных или модельных общностей, в качестве которых рассматривались исторические диаспоры, прежде всего, еврейская.

Опираясь на историю еврейского рассеяния У. Сафран⁷, выделяет шесть базовых характеристик классической диаспоры.

Во-первых, рассеивание из единого центра в две или более «периферийных» области или зарубежных региона. Члены диаспоры или их предки были вынуждены покинуть страну (регион) своего первоначального проживания и не компактно (как правило, относительно небольшими частями) переселиться в другие места.

Во-вторых, коллективная память о стране происхождения и ее мифологизация. Члены диаспоры сохраняют коллективную

память, видение или миф о своей первоначальной стране исхода, ее географическом положении, истории и достижениях.

В-третьих, ощущение своей чужеродности в принимающей стране. Члены диаспоры полагают, что они не являются и не могут быть полностью приняты обществом этой страны и, следовательно, чувствуют себя отчужденно и изолировано.

В-четвертых, стремление к репатриации или миф о репатриации. Члены диаспоры считают страну исхода своим родным и идеальным домом; тем местом, в которое они или их потомки в конечном счете вернутся, когда появятся подходящие условия.

В-пятых, помощь исторической родине. Члены диаспоры преданы идее всемерной поддержки (или восстановления) страны исхода и полагают, что им следует совместно достигать эту цель, тем самым обеспечить безопасность и процветание этнической родины.

И в шестых, сохраняющаяся идентификация со страной происхождения и базирующееся на этом чувство групповой сплоченности.

Акцент в концепции Сафрана делается на отношении диаспоры к стране исхода, причем особое внимание уделяется связям по линии: «страна исхода – принимающая страна – диаспора». Эти отношения интерпретируются исследователем как «оперативный аспект» мифа о стране исхода и служат в качестве стабилизатора групповой идентичности..

Концепция классической диаспоры Сафрана была подвергнута критике различными исследователями. В частности, Дж. Клиффорд⁸ указал на то, что большая часть еврейского исторического опыта не соответствует мифу о возвращении и стремлению евреев поддерживать страну исхода. Возникновение еврейского государства не вызвало у значительной части евреев желания репатриации. Миф о возвращении является средством для повышения сплоченности и сохранения самосознания, когда религия уже не способна полноценно выполнять эту функцию, а также когда связи с общинами ослабевают и диаспора опасается дезинтеграции. Наличие чувства групповой солидарности также сомнительно, в особенности, когда речь идет о политических, экономических и прочих интересах.

С точки зрения В.А. Тишкова⁹, основным недостатком концепции Сафрана является «идея «центрированной» диаспоры» – наличие единственного места исхода и четко выраженной связи именно с этим местом, что находит свое отражение в мифе о возвращении.

Другая концепция классической диаспоры была разработана А. Ашкенази и опирается на шесть основных характеристик или стратегий еврейской диаспоры:

1) подвижность, заключающаяся в возможности смены принимающей страны посредством переселения из одного государства в другое и перехода из одной общины в другую;

2) наличие сетей коммуникаций для обеспечения функционирования диаспоры, поддержания контактов, передачи ресурсов между общинами, оказания политического и экономического влияния на страны пребывания;

3) интуитивный коммуникативный код с собственной символикой, обеспечивающий общение членов диаспоры и передачу культурной информации, традиций, сохранение этнической идентичности;

4) присущий диаспорам политический конформизм, ограничение предмета взаимодействия с властями страны пребывания лишь проблемами и интересами общин, возможностью их беспрепятственного решения, чему способствует политический, экономический, этнический и культурный плюрализм принимающего общества;

5) низкое демографическое представительство, которое позволяет диаспоре не раствориться и не укорениться, не стать этнотерриториальной группой в принимающем обществе;

6) наличие интегрирующего мифа, который выражается в сильном тяготении к стране исхода или стремлении туда вернуться.

Идея интегрирующего мифа является признаком не только классических, но и новых диаспор. Это предполагает идею о наличии «дома», этнической родины у членов диаспоры, которые могут в него вернуться. Однако далеко не все диаспоры поддерживают идеологию репатриации. И многие из диаспор, считающихся классическими (например, китайская), не соответствуют данному критерию. Но именно в случае с еврейской (равно как и армянской) диаспорами явно подчеркивается и даже сакрализуется идея необходимости репатриации.

Невозможность окончательного выделения критериев диаспоры привела к тому, что в качестве максимально приближенных к историческим диаспорам сегодня относятся греческая, цыганская, палестинская, кубинская, китайская, ирландская, индийская и ряд других.

Еще одним обстоятельством, затрудняющим сегодня четкую идентификацию диаспор как объектов исследования,

является феномен трудовых миграций из развивающихся в индустриально развитые страны. Массовый выезд этнических групп из стран третьего мира привел к возникновению миграционных сообществ, члены которых нередко рассматривают свои сети групп и общин в качестве диаспор, меняя, таким образом, содержание исследуемого феномена. Диаспорой стали считать любое этническое рассеяние, даже и не соответствовавшее критериям классической диаспоры – т.е. все этнические группы, по каким-либо причинам (включая такие, как ведение бизнеса, трудовые контракты, туризм и т.д.) проживающие за пределами страны происхождения. Во избежание неопределенности многие исследователи стали рассматривать явление сообществ трудовых мигрантов, соотнося его при этом с «классическим» пониманием диаспоры. Вопрос о правомерности применения термина «диаспора» для такого рода рассеяний до сих пор остается предметом оживленных дискуссий¹⁰.

В данной связи для выявления критериев диаспоры и определения данного понятия представляется уместным обратиться к различным современным подходам в диаспорологии.

Так, например, в рамках *этиологического подхода* диаспора рассматривается как часть этнической общности (нации, народа или этнической группы), дисперсно проживающая за пределами основной территории расселения своего этноса. Этническая диаспора – одна из структурных компонент этноса, наряду с этническим ядром, этнической периферией (отделенной от ядра компактно проживающей части представителей данного этноса), отличительной особенностью которой является рассеяние ее членов по территориям, занимаемым другими этническими общностями. Диаспора как явление, по логичному заключению Ю.И. Семенова, возникает в случае дисперсного проживания части этноса на чужой этнической территории¹¹.

Однако критерий дисперсного проживания не является достаточным для определения понятия диаспоры. Данный признак – основная характеристика этнодисперсной группы, не тождественной этнической диаспоре полностью. Этнодисперсная группа обычно определяется как совокупность индивидов, личные интересы которых не взаимосвязаны, а деятельность ограничена индивидуальными контактами с людьми, объединениями и официальными учреждениями нового окружения. Появление этнодисперсной группы приходится на период после эмиграции и связано с адаптационными процессами. Трансформация этнодисперсной группы в диаспору как социальную

общность начинается тогда, когда «у иммигрантов пропадает реальная возможность и потребность вернуться на родину и, вместе с тем, у них нет психологической и социальной готовности ассимилироваться»¹².

Переход от этнодисперсной группы к диаспоре ознаменован расширением числа внешних связей, когда внутригрупповое взаимодействие ее членов выходит за рамки контактов между лицами одной национальности и близкими родственниками. Институционализация внешних связей диаспоры с принимающим обществом и государством проявляется в виде различных социальных учреждений и установлений, обеспечивающих представительство и продвижение групповых интересов в стране пребывания. Институты диаспоры добиваются признания принимающим государством политических, этнокультурных, экономических, социальных прав ее представителей, соглашаясь тем самым на интеграцию группы в гражданскую нацию страны пребывания. В то же время диаспора стремится сохранить и защитить свою этническую идентичность, соблюдать определенную культурную дистанцию с принимающим обществом и закрепить ее¹³.

С точки зрения *конструктивистского подхода*, рассматривающего в качестве центральной характеристики диаспоры ее идентичность, диаспоры представляют собой «воображаемые сообщества». Их самосознание создается, поддерживается и распространяется самими членами диаспоры. Данные общности вырабатывают собственные культурные коды и образы для использования их внутри и вовне диаспоры. Последний аспект разрабатывается в рамках «социопроцессного подхода», постулирующего наличие тесной взаимосвязи между восприятием диаспоры с точки зрения социальных условий и динамики и постмодернистским пониманием глобализации и транснационализма. Диаспора в этом случае рассматривается в контексте миграций и расселения, и описывается как совокупность отношений, чувств и практик, отражающих опыт перемещения из одного места в другое.

В отечественной науке конструктивистская концепция исследования диаспор разрабатывается В.А. Тишковым¹⁴, трактующим диаспору как культурно отличительную общность, которая возникает на базе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективных связях, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к стране исхода. Чрезмерному увлечению «объективным набором культурных,

демографических или политических характеристик» Тишков противопоставляет необходимость рассмотрения исторической ситуативности и личностной идентификации. Диаспора воспринимается как стиль жизненного поведения и политический проект, а не жесткая демографическая и этническая реальность.

В основе диаспорального сознания находится широкий комплекс чувств и веры, что в свою очередь определяет восприятие этого социального феномена как ситуации и ощущения. История и культурная отличительность, по мнению Тишкова, только основа самосознания, недостаточная сама по себе. Важнейшей характеристикой диаспоры остается принадлежность ее членов к одной стране исхода, степень прочности связей общин с ней. Представители конструктивизма критически относятся к этому тезису, выступая против переоценки значимости государств и государственных границ. Образование диаспор становится прерогативой этнических общностей (групп, народов, наций), «которые могут обладать своими национальными государствами, а могут и не обладать ими, но стремиться к их созданию (или не стремиться)»¹⁵.

Сущностной характеристикой диаспоры является превращение рассеяния в «образ жизни», в особое устойчивое социально-экономическое, культурное, духовное состояние этнического меньшинства, форму дистанцирования от этнической родины. Производной от такого образа жизни становится идея «служения», призванная объяснить, оправдать и в определенной мере преодолеть ситуацию постоянного балансирования между связью и разрывом с исторической родиной и принимающей средой. Двойственная самоидентификация диаспоры по отношению к родине и стране пребывания может оказывать различное воздействие на членов сообщества. Нацеленность на успешное вхождение в новое общество, освоение языка, культуры неизбежно ведут к отторжению старых норм и традиций. В то же время стремление принимающего общества навязать свои традиции и насильственно ускорить процесс социокультурной адаптации или ассимиляции рождает противоположную, нередко резкую реакцию отторжения и замыкания на своей этнической и культурной специфике, обращенности к историческим нормам, и, как следствие, самоизоляции общины.

По Тишкову, диаспора является политическим явлением. Как замечает автор, «этническая» или «историческая роди-

на» – предмет рационального выбора, не являющийся исторически определенным предписанием. По этой причине определение «исторической родины» не может быть достаточно корректным в силу своей ситуативности и инструментальности. Это представляется важным, поскольку большинство дефиниций диаспоры базируются на понятии «историческая родина», подразумевая историческую предопределенность последней. Принимая во внимание условность дефиниции «историческая родина», автор определяет ее как регион или страну, где сформировался историко-культурный облик диаспорной группы и где продолжает жить основной культурно схожий с ней массив, и понимает диаспору как людей, которые сами или их предки были рассеяны из особого «изначального центра» в другой или другие периферийные или зарубежные регионы.

Базисом для возникновения диаспоры Тишков считает историю группы и ее культурную отличительность. При этом указанные признаки являются необходимыми, но не достаточными, чтобы считать какое-то объединение людей диаспорой. Однако если данные характеристики отсутствуют, то нельзя вести речь о диаспоре. Принимая это во внимание, автор полагает, что «диаспора – это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине». Подчеркивая, что диаспора является политическим явлением, автор считает, что ее следует понимать как результат личного выбора и сложившейся ситуации. Диаспора оказывается стилем жизненного поведения, а не жесткой демографической и этнической реальностью.

Критерием диаспоры, как отмечает С.В. Стрельченко, является граница: диаспорами могут считаться только те этнические рассеяния, которые находятся за пределами государства исхода. Представители политической диаспоры считают себя действительно или потенциально принадлежащими государству исхода. Члены политической диаспоры могут периодически мобилизовываться национальными лидерами и движениями как внутри, так и вне страны своего проживания и происхождения, а также примыкать к какой-либо конкретной акции или же группе, выражая этим свою лояльность данному лидеру или движению. Степень вовлеченности диаспор в дела страны исхода зависит в большой степени от размера и многообразия

диаспорных общин. Но обычно бывает очень трудно узнать размер диаспоры, ее состав, размещение, и особенно, ее предрасположенность вникать в политику страны исхода¹⁶.

Международный аспект деятельности диаспоры, ее роль в качестве субъекта (актора) международных отношений и мировой политики исследуется в рамках транснационализма. В соответствии с данным подходом, под диаспорой понимается социальный феномен, представляющий объединение людей, семей и небольших групп и всей совокупности их отношений и связей в рамках принимающего их общества и государства, на фоне протекающих транснациональных процессов и развития взаимодействия между представителями этнических групп в разных странах. В настоящее время сложилось представление о диаспоре как о результате добровольной или вынужденной миграции, изменения границ, возникновения или распада государственных образований и других процессов, что представляет собой отход от традиционно узкого восприятия диаспоры как сообщества беженцев.

Один из ведущих теоретиков транснационализма Р. Кохен полагает, что критериями диаспоры являются рассеяние группы (часто насильственное) из одного места в два и более региона. У. Сафран термин «диаспора» использует как метафорическое обозначение для различных категорий людей – экспатриантов, изгнанных, политических беженцев, иностранных резидентов, иммигрантов, этнических и расовых меньшинств.

Кроме того, речь идет о различных народах, кубинцах и мексиканцах в США, пакистанцах в Британии, выходцах с Магриба во Франции и т.д.

По мнению Кохена, диаспора формируется в нескольких принимающих странах¹⁷. Критерий рассеяния позволяет исследователю отличать диаспоры от «пограничных культур» («borderland cultures») и «прибрежных меньшинств» («stranded minorities»). Примером пограничных культур служат приграничные американско-мексиканские территории, положение поляков в современной Германии, кубинцев в США, албанцев в Греции. Примером «прибрежных меньшинств» является русское этнокультурное меньшинство в странах ближнего зарубежья. Многие зарубежные исследователи считают это новой русской диаспорой. Однако такое определение вызывает некоторые возражения. Как полагает Кохен, расселение русских по окраинным землям не являлось результатом распыления или рассеяния¹⁸.

Еще одна характеристика диаспоры по Кохену – критерий наличия коллективной памяти и мифа о родине, включая ее местоположение, историю и достижения. Идея общности и избранности является наиболее распространенной характеристикой всех диаспор. Миф предназначен для фиксирования диаспорального сознания на нечто большем, чем сам факт вынужденного или добровольного изгнания, и тем самым придания ему самостоятельности и легитимности. Наличие такой интегративной идеи позволяет лучше дистанцироваться от других этнических диаспор, подпитывает чувство превосходства и избранности. Если миф об общем происхождении, как правило, привязан к территории, то представление о покинутой родине в значительной степени романтизировано и возвышено, с течением времени все меньше совпадая с реальностью. В зависимости от диаспоры степень преувеличения в представлениях об оставленной родине может значительно варьироваться. Однако крайне редко диаспора не стремится восстановить утраченную славу оставленной земли. С этим признаком тесно связаны такие выделяемые характеристики диаспоры, как идеализация предполагаемой родины предков и коллективная вовлеченность (или попытки) в ее внутривнутриполитическую жизнь .

Будущее диаспоры зависит от успешной деятельности целого ряда институтов, обеспечивающих ее устойчивость. Для создания таких институтов, способствовавших общественному притяжению, требуется, по выражению Сафрана¹⁹, определенная «демографическая подушка», то есть необходимое количество иммигрантов для образования критической массы в городских поселениях.

К критериям диаспоры Сафран относит и сильное групповое этническое самосознание, поддерживаемое в течение длительного периода, основанное на чувстве отличия, общей истории и веры в общую судьбу. Поддержание диаспоральной идентичности во многом зависит от деятельности ее элиты, существование которой, в свою очередь, зависит от прочности и долговечности диаспоры.

Факторами сохранения диаспоральной идентичности, по Сафрану, выступают идеология, политика и деятельность общественных институтов принимающей страны. Поддержание идентичности легче обеспечивать в демократических странах, где граждане обладают возможностью самостоятельно и относительно свободно определять свои социокультурные представления, включая выстраивание отношений с оставленной родиной

до тех пор, пока это не противоречит интересам общества. В свою очередь, демократические страны подразделяются на культурно-плюралистичные, приветствующие политическую вовлеченность мигрантов в жизнь страны, но допускающие широкую степень культурной автономии (Канада, Великобритания), и на культурно-монолитные страны, активно приветствующие иммигрантов, но способствующие их скорейшей ассимиляции (Франция, США)²⁰.

Еще одним критерием диаспоры, по Кохену, является обязательность «ценза давности», то есть временного периода существования этнического меньшинства в новых условиях, что позволяет оценить, превратилась ли группа в диаспору или нет. Показателем зрелости диаспоры является проверенное временем сильное этническое самосознание группы. Сильная связь с прошлым, нежелание немедленно ассимилироваться являются неперенными атрибутами вновь прибывающей группы, чтобы по прошествии времени у нее могло возникнуть и укрепиться диаспоральное сознание. Напряжение между этническим, национальным и транснациональными компонентами часто является творчески продуктивным и обогащающим сознание и культуру группы. Диаспору отличает от других этнических групп возможность отличительно творческой и насыщенной жизни в толерантных странах, приветствующих плюрализм²¹.

Формирование этнической идентичности часто происходит под влиянием принимающего общества и конкретно-исторической ситуации, когда диаспора адаптируется в отведенном ей пространстве. Идентичность диаспоры – результат взаимовлияния культуры и идентичности этнического меньшинства и принимающей страны. Часто эта идентичность в большей мере отражает представления общества, в котором находится диаспора.

Критерием диаспоры также является чувство сопричастности и солидарности с членами этнической группы в других государствах. В условиях враждебно настроенного принимающего общества нередко проявляется тенденция идентифицировать себя со своими соотечественниками, проживающими в других странах. Отличительной чертой принадлежности к диаспоре является наличие внутреннего напряжения между физическим нахождением в одном месте, где человек живет и работает, и постоянным размышлением о другом далеком месте. Различная степень процессов ассимиляции, конфликт между лояль-

ностями к стране проживания и своей этнической группе, живущей в другой стране, нежелание ассоциировать себя с более низкой по статусу этнической группой нередко ведет к отказу от связей и поддержания коллективной идентичности.

С точки зрения миграционного подхода, представленного концепцией А. Бра²², диаспора рассматривается в «экономическом, политическом и культурном измерениях современных форм миграции». В содержании понятия диаспоры Бра делается акцент на перемещении, переселении, хотя не всякое переселение может быть представлено как диаспора. Диаспора не тождественна разовому перемещению или временному пребыванию в другой стране. По мнению Бра, диаспора возникает из миграции коллективов, независимо от того, переезжают ли члены коллективов индивидуально, семьями или в какой-то другой комбинации. Диаспоры – это места долгосрочного или постоянного пребывания групп этнического меньшинства, которые сохраняются в том случае, если некоторые ее члены или их семьи переезжают куда-нибудь в другое место. Таким образом, диаспора создается между различными компонентами рассеянной группы, определяя матрицу экономических, политических и культурных взаимосвязей, которые составляют ее основу.

Группы диаспоры, указывает Бра, могут образовывать формации, составленные из множества перемещений в различные части планеты, каждое из которых имеет свою историю и свою специфику. Поэтому любая диаспора – это переплетение множества перемещений. Каждая диаспора содержит в себе экономические, политические и культурные особенности, связывающие между собой все компоненты перемещений. Все множество перемещений может преобразовываться в одно перемещение посредством слияния описаний всех возможных перемещений в коллективной и индивидуальной памяти членов диаспоры.

Одним из ключевых мест в концепции Бра является проблема определения «дома» – места исхода диаспоры. С одной стороны, «дом» есть мистически желаемое место в воображении ее членов. В этом смысле «дом» – место, куда нет возврата, даже в том случае, если возможно посетить территорию, которая кажется местом «происхождения». По мнению Бра, далеко не все диаспоры несут в себе идею о «доме» в форме желания вернуться на место «происхождения». В этом случае «множественность дома», вытекающая из реальной географической рассредоточенности членов диаспоры не означает существование диаспоры

«без корней». Они всегда присутствуют в воображении членов диаспоры. Поэтому «идея о доме» не является тем же самым, что и идея о «стране-доме».

В целом, можно сказать, что данная концепция диаспоры касается исторически изменяемых форм связанности внутри и между формациями диаспор.

Сетевой подход к анализу явления диаспоры и новых сообществ мигрантов разрабатывается в работах Р. Хеттлаге. Он определяет диаспору как географическое распыление этнических групп, которые вынуждены жить отдельно от других групп, принадлежащих этому же этносу, как меньшинство в принимающем обществе, и поставленных в тяжелые условия выяснения своих интересов и поисков идентичности, обусловленных двойной принадлежностью. Диаспора представляет собой сеть отношений, обозначающая переплетенность контактов взаимодействующих групп. Характеристиками диаспоры являются ее связь со страной исхода и культурное отношение, которое перекрывает четкие государственные границы, что придает явлению транснациональный аспект.

По мнению Хеттлаге, посредством сетей коммуникаций диаспоры поддерживают тесные контакты со страной происхождения. Они заинтересованы в том, чтобы подорвать политику ассимиляции в странах проживания диаспоральных общин. Как только члены диаспоры становятся гражданами принимающей страны, они начинают предпринимать политическую активность, направленную на благо своих стран и регионов происхождения. Так называемая «третья партия», которой часто считается страна происхождения, обычно заинтересована в усилении диаспоры и поддерживает ее в дистанцировании от общества страны проживания. Такое дистанцирование, поддерживаемое извне, может быть выгодно по геополитическим расчетам, и тогда проблема диаспоры для принимающей страны всегда будет обострена.

Данная ситуация меняется, указывает Хеттлаге, если речь идет о бегстве или об исключении этнических групп обществом страны исхода. В этом случае считается, что бывшая родина не заинтересована препятствовать ассимиляции бывших сограждан в другой стране. Напротив, интерес заключается в том, чтобы затушевать и умалить проблему диаспоры, способствуя тем самым ассимиляции ее членов²³.

Иммиграция рассматривается как перенос, трансплантация общин как элементов транснациональной сети в принимающую

страну. При этом осуществляется перенос не индивидов или семей, а групп людей, связанных дружескими, родственными, профессиональными связями, обменивающихся информацией и способствующих миграционному процессу. Иммиграция ведет к вынужденной трансформации и упрочению отношений в новых условиях.

Анализ явления диаспоры в рамках социологического подхода осуществлен в работах Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой²⁴. В своем подходе авторы выделяют четыре основных признака диаспоры. Первым из них является пребывание этнической общности за пределами своей исторической родины. Вторым признаком диаспоры – обладание основными характеристиками культурной самобытности своего народа. Если этническая группа выбирает стратегию ассимиляции, то она не может быть названа диаспорой. В качестве третьего признака называются организационные формы функционирования диаспоры, например, такие, как землячества, общественные или политические движения. Таким образом, если у этнической группы отсутствуют организационные функции, то это предполагает и отсутствие диаспоры. Четвертым признаком диаспоры является «осуществление ею социальной защиты конкретных людей».

По мнению авторов, только этносы, устойчивые к ассимиляции, способны создавать диаспоры. Учитывая данные признаки, авторы определяют диаспору как «устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, живущую в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа) и имеющую социальные институты для развития и функционирования данной общности»²⁵.

Особое внимание в социологическом подходе уделяется функциям диаспор. Как полагают Тощенко и Чаптыкова, одной из наиболее распространенных функций диаспоры является поддержание и укрепление духовной культуры своего народа. Причем, особый акцент ставится на сохранении родного языка, хотя подчеркивается, что это далеко не всегда является основным признаком диаспоры.

Ключевой функцией диаспоры исследователи считают сохранение этнического самосознания, или четкое осознание принадлежности «своему» этносу. В основе этой функции лежит феномен межгрупповой дискриминации, определяющий идентичность членов диаспоры. Важной функцией считается

защита социальных прав членов диаспоры. Это касается помощи в профессиональном самоопределении, регулировании миграции и занятости. Кроме того, здесь предусматривается деятельность диаспор по преодолению предрассудков и других негативных явлений, связанных с шовинизмом и агрессивными проявлениями в отношении ее членов.

Экономическая функция диаспоры заключается в специализации ее представителей в отдельных видах экономической деятельности. Политические функции предполагают лоббирование членами диаспоры дополнительных гарантий, прав, возможностей для своего этноса или диаспоры²⁶.

Таким, образом, диаспора обладает признаками сетевой социальной системы, ячейки которой размещены в более чем одной стране, стремящейся сохранить свою идентичность, культурную, языковую, религиозную отличительность, не всегда поддерживающую контакты со страной исхода, члены которой мигрировали вынужденно или добровольно. Суммируя перечисленные характеристики, можно дать следующую дефиницию: диаспора – возникающая в результате вызванной социально-экономическими, политическими или военными факторами кризисного характера иммиграции, экспорта населения в периферийные районы и территориального распада страны исхода, повлекшего изменения государственных границ, транснациональную сеть общин этнических групп в принимающих странах, деятельность которой направлена на защиту культурного своеобразия, этнической идентичности, социально-экономических и иных прав меньшинств в иноэтничном окружении.

Типология диаспор. В зарубежной и отечественной науке к настоящему времени выработан целый ряд типологий диаспор по различным основаниям.

Так, в типологии М. Брюно в качестве критериев используются степень структуризации и организации диаспор, а также роль, которую играет в жизни диаспоры страна исхода, если она существует. Эти характеристики проявляются в религии, профессиональной деятельности и политике.

Первым типом, по Брюно, являются диаспоры, в которых превалирует профессиональная деятельность, а все другие признаки – религия и политика – оказываются несущественными (китайская диаспора).

Второй тип – диаспоры, в жизни которых доминирует религия. Это еврейская, армянская, греческая диаспоры. Речь идет

о монотеистических, связанных с языком, будь то иврит, армянский или греческий, вероисповеданиях. Иврит долгое время был исключительно религиозным языком, однако его интегрирующая роль была настолько сильна, что он был выбран национальным языком Израиля. Греческий и армянский языки преподаются в школах вместе с религией. Религия обеспечивает длительное существование диаспоры. Профессиональная деятельность таких диаспор играет большую роль, но она не является основной. Кроме того, национальные государства, с тех пор как они существуют, оказывают все большее влияние на диаспоры.

Третьим типом являются диаспоры, образованные на политической основе и в результате оккупации этнической родины более сильным государством (палестинская диаспора)²⁷.

Г. Шеффер выделяет диаспоры на основе наличия национального государства. К их числу относятся еврейская, греческая, китайская и другие диаспоры. Курдская и палестинская диаспоры служат примерами рассеяния, не имеющие своего национального государства. Исследователь также подразделяет диаспоры на: классические (еврейская, армянская, китайская); «ветераны» (греческая, итальянская); зарождающиеся (корейская, российская в пределах бывшего СССР); «спящие» (американцы в Европе и Азии)²⁸.

Согласно типологии О. Генисаретского, выделяются собственно диаспоры, т.е. выходцы из метрополии, сохраняющие историческую связь с метрополией на основе идентичности и поддерживающие между собой достаточно плотные связи; а также дисперсии – группы выходцев из метрополии, рассеянно проживающие в любых других странах и сохраняющих с метрополией историческую связь по идентичности, но не образующие достаточно плотных сообществ. Генисаретский, помимо этого, различает этнические диаспоры и «гео-этнокультурные» диаспоры²⁹.

Основанием типологии, данной Ж.Т. Тоценко и Т.И. Чаптыковой, является объект представительства диаспоры, принадлежность к определенной стране исхода, исторической родине или историческому прошлому. Исходя из этого критерия, авторы выделяют внутренние диаспоры, проживающие в пределах одного государства, но в иноэтнической среде, и внешние, расселившиеся за пределами государства – этнической родины³⁰.

Т.В. Полоскова приводит в качестве примера схожую типологию, критерием которой является наличие или отсутствие

государства-исхода или символа этого государства, которые могут совпадать. Наиболее яркие примеры – это армянская диаспора, часть которой считает родиной Западную Армению, входящую в состав Турции. Либо «понтийские греки», входящие во Всемирное объединение понтийского эллинизма³¹. Предлагаемая типология этнических диаспор основана на критерии положения общин в системе межгосударственных связей. Автором выделяются:

– диаспоры, идеология и практическая деятельность которых оказывают влияние на развитие системы международных отношений на глобальном уровне (еврейская, армянская, китайская и т.д.);

– диаспоры, оказывающие влияние на развитие межгосударственных отношений на уровне регионов или групп стран, например, на постсоветское пространство;

– диаспоры, оказывающие влияние на развитие двусторонних отношений (например, лезгины)³².

По Р. Кохену, диаспоры подразделяются на торговые, трудовые, имперские или колониальные, культурные и жертвенные (*victim*).

Тип торговых диаспор составляют большинство классических диаспор, а также венецианская, ливанская, китайская, современные индийская и японская.

К трудовым диаспорам относят китайскую, японскую, турецкую, итальянскую. Основные ниши на рынке труда принимающей страны, которые занимают трудовые диаспоры, связаны с непрестижной, низкоквалифицированной, опасной работой. Статус трудовой диаспоры переходный, его смена зависит от возможностей социальной мобильности в принимающей стране.

К имперским или колониальным диаспорам относятся греческая, британская, русская, испанская, португальская и голландская. Размер диаспоры по отношению к населению страны исхода может значительно колебаться как в абсолютном, так и в относительном измерении. В случае с еврейской диаспорой численность группы значительно превосходит население этнической родины, в то же время у африканской диаспоры, насчитывающей около 40 млн. человек, она составляет около 10% черного населения Африки.

Появление жертвенных диаспор связано с историческим опытом, трагическими событиями, повлекшими переселение части этноса из страны проживания. К диаспорам-«жертвам»

относятся еврейская, африканская, армянская. Остальные диаспоры возникли в результате сочетания традиционных факторов – перенаселения, бедности, нехватки ресурсов, установления диктаторских политических режимов и т.д.³³

Существуют также скрытые (дремлющие, пробуждающиеся) диаспоры, не проявлявшие себя до недавнего времени как организованные сообщества. Примерами таких групп служат поляки, скандинавы и ирландцы в США, хорваты в Австрии, итальянцы в Аргентине. Р. Брубейкер ввел понятие «диаспоры катаклизма» – диаспоральные сообщества, которые возникли вследствие дезинтеграции, распада больших полиэтничных империй (Российской, Австро-Венгерской и Османской) после Первой мировой войны, а также СССР, Югославии и Чехословакии после поражения социалистической системы в «холодной войне» в конце 1980-х годов Брубейкер противопоставляет диаспоры катаклизма трудовым диаспорам. Если вторые возникают вследствие постепенного и добровольного движения людей через границы, то первые – по причине этнических чисток или просто передвижения самих границ, причем возникают они часто почти мгновенно, вследствие резкой перемены политического устройства³⁴.

Наглядным примером диаспор катаклизма служат русские в государствах ближнего зарубежья, общины которых находятся в стадии адаптации и структуризации, формирования множественной идентичности в принимающих государствах СНГ и Прибалтики, в которых политически и экономически доминируют титульные этносы³⁵.

Более широкую типологию дает М.А. Аствацатурова, включая в число диаспор следующие группы: а) классические диаспоры; б) новые диаспоры как результат этнической миграции; в) новые диаспоры как результаты распада СССР; г) новые диаспоры как результат нового национально- государственного устройства РФ. Среди диаспор присутствуют этнические группы, представляющие дальнее и ближнее зарубежье (внешние диаспоры), а также компактные группы народов РФ, проживающие вдали от соответствующих национально-государственных образований (внутренние диаспоры)³⁶.

В основу типологии Дж. Армстронга лег критерий особенностей взаимодействия диаспоры с полиэтничным государством. Армстронг предложил типологизировать их на мобилизованные (укоренившиеся в стране пребывания) и пролетарские (возникшие относительно недавно). Первый

тип диаспор характеризуется длительным периодом складывания и формирования как сообщества в рамках большого принимающего государства. У мобилизованных диаспор нет привилегий, однако они обладают рядом материальных и культурных преимуществ по сравнению с другими этническими группами в принимающей стране. Пролетарские диаспоры исследователь называет «непривилегированными проектами современной политики»³⁷.

Согласно типологии М. Эзмана, выделяются три вида диаспор: исторические, диаспоры-буржуа и трудовые диаспоры. К историческим общностям относятся этнические мигранты-завоеватели, по прошествии столетий получившие статус коренных этнических групп в стране пребывания. Диаспоры-буржуа состоят преимущественно из представителей среднего класса страны исхода и обладают более высокими образованием и навыками в сфере предпринимательской деятельности, чем население принимающей страны, что позволяет им заполнять ниши в системе разделения труда, связанные с торговлей, ростовничеством, финансами. Достигнутый диаспорами-буржуа высокий экономический статус в принимающей стране не всегда удавалось конвертировать в равноправие с местным населением в политической сфере. Притязания подобных меньшинств на политическую власть обычно ограничиваются или подавляются доминирующей этнической группой или титульным этносом. Примерами таких диаспор могут служить еврейская, греческая, армянская общины. Трудовые диаспоры образовались в результате массовой миграции населения развивающихся стран в индустриально развитые государства мира, что было вызвано процессами деколонизации, потребностями растущих национальных экономик Запада в импорте дешевой рабочей силы. Представители трудовых диаспор обладают низким социально-экономическим статусом в принимающих странах, недостаточными уровнями образования и квалификации. Трудовые диаспоры политически бесправны и нередко подвергаются дискриминации. Примерами таких диаспор выступают китайцы, проживающие в странах Восточной Азии, выходцы из республик СНГ в России, представители Северной Африки, турки, курды, индийцы и пакистанцы в странах Евросоюза³⁸.

С учетом различных особенностей процессов диаспоростроения В.Д. Попков предлагает следующие основания для типологии диаспор³⁹:

– по основанию общности исторической судьбы. По этому критерию диаспоральные общины делятся на два типа: к первому относятся те диаспоральные образования, члены которых в прошлом являлись гражданами одного государства, и в настоящее время проживают на его территории, но за пределами ныне независимой страны исхода (армянские или азербайджанские диаспоральные общины в России; русские (также «русскоязычные») общины в государствах Средней Азии). Ко второму типу принадлежат те диаспоральные образования, члены которых ранее не были связаны с территорией нового проживания единым правовым, языковым пространством и никогда не являлись частью единого государства (большинство существующих диаспорных образований – армяне в США или во Франции, турки в Германии и др.);

– по основанию юридического статуса. Это деление диаспоральных общин на два типа: первый тип образований включает в себя те общины, члены которых обладают официальным юридическим статусом, необходимым для легального пребывания на территории принимающего страны или региона (статус гражданина страны поселения, вид на жительство, статус беженца и т.д.). Вторым типом диаспоральных образований объединяет те общины, члены которых находятся на территории принимающей страны преимущественно нелегально, и не имеют официальных документов, регламентирующих их пребывание (афганцы в Москве, не имеющие в своем большинстве никаких официальных документов, признаваемых российскими властями);

– по основанию факта миграции или перемещения границ. Первый тип представлен перемещением групп людей из одного региона в другой с пересечением государственных границ, в результате которого возникают (или пополняются уже существующие) диаспоральные общины. Вторым типом предполагается перемещение самих границ, в то время как та или иная группа нигде не мигрирует, но оказывается в положении этнического меньшинства и формирует диаспоральную общину (русские в бывших республиках Советского Союза);

– по характеру мотивации к переселению. В соответствии с этим основанием, диаспорные образования можно разделить на следующие два типа: к первому типу принадлежат общины, возникшие в результате добровольного перемещения, вызванного, например, экономическими мотивами (большинство «новых» общин в странах Евросоюза, например, турки или

поляки в Германии). Ко второму типу следует отнести общины, сформировавшиеся в результате переселения членов данной этнической группы с «исходной» территории вследствие различного рода социальных, политических изменений или природных катаклизмов (большинство «классических» диаспор, возникших в результате принуждения к переселению, или, например, русскую эмиграцию первой и второй волн, когда в основе переселения находились мотивы сохранения личной безопасности или политические убеждения);

– по характеру пребывания на территории региона поселения. Первый тип включает диаспоральные общины, члены которых ориентированы на оседлость и получение гражданства страны поселения. Второй тип представлен общинами, члены которых склонны рассматривать регион нового поселения как транзитную область, откуда должно следовать продолжение миграции или возвращение в страну исхода (афганцы в России, которые ориентированы на страны Западной Европы и рассматривают Россию как временное пристанище). Третий тип – общины, члены которых настроены на непрерывную миграцию между страной исхода и регионом нового поселения (значительная часть азербайджанцев в России, которые ориентированы на челночную миграцию);

– по основанию наличия «базы» в регионе нового поселения. Принимая во внимание это основание, диаспоральные общины делятся на два типа: к первому типу относят образования, члены которых длительное время проживают (или проживали) на территории региона поселения и уже имеют опыт взаимодействия в культуре и обществе нового поселения и исторически связаны с местом нового проживания. Такие диаспоры имеют уже сложившиеся сети коммуникаций и обладают высоким уровнем организации и экономическим капиталом (большинство общин «классических» диаспор на территории России). Второй тип представлен общинами, возникшими и появившимися на той или иной территории в относительно недавнее время и еще не имеющими достаточного (исторического) опыта взаимодействия с культурой и обществом принимающего региона (общины т.н. «новых» или «современных» диаспор, например, таких, как афганцы на территории России или турки в Германии);

– по характеру «культурной схожести» с принимающим населением. Данное основание предполагает деление диаспоральных общин на три типа. Критерием такого деления служит понятие культурной дистанции, предложенное

А. Фарнхемом и С. Бочнером и определяющее степень различия между культурой диаспорных групп и культурой принимающего населения. Согласно данному тезису, к первому типу следует отнести общины с близкой культурной дистанцией (например, украинские общины в России, азербайджанские общины в Турции, афганские общины в Иране); ко второму типу – образования со средней культурной дистанцией (например, русские общины в Германии или армянские общины в России); и к третьему типу – с дальней культурной дистанцией к культуре принимающего населения региона (например, афганские общины в России или турецкие общины в Германии);

– по основанию наличия государственных образований на территории страны исхода. Данное основание предполагает два типа диаспоральных образований: общины, члены которых имеют «свое государство», куда могут уехать самостоятельно, на основании ощущаемой принадлежности к своей «исторической родине», либо могут быть высланными туда же властями региона нового поселения при наличии у членов диаспорной общины гражданства данного государства (большинство существующих в настоящее время диаспор); «безгосударственные» диаспоры, члены которых не имеют официально признанного государства и, соответственно, не могут быть его гражданами и рассчитывать на возможную поддержку с его стороны (цыгане, палестинцы, евреи до 1947 г.)⁴⁰.

Наряду с этим, рассмотренное выше многообразие типологий диаспор может быть дополнено выделением их типов по политическим признакам.

При этом одним из оснований деления может служить характер политического участия общин диаспоры в стране пребывания. В соответствии с этим критерием, выделяются диаспоры:

- осуществляющие преимущественно конвенциональное участие;
- реализующие преимущественно неконвенциональные формы политической активности;
- политически пассивные общины.

По критерию статусных целей политической активности диаспоры можно подразделять на стремящихся к получению:

- статуса национально-территориальной автономии;
- статуса национально-культурной автономии;
- ассимиляции и полной интеграции в принимающем обществе.

Критерий реализуемых диаспорами осознанных социальных потребностей позволяет выделить:

- диаспоры, продвигающие общинные интересы и интересы стран исхода;

- диаспоры, осуществляющие общинные интересы и интересы принимающих стран.

Характер структурирования диаспор может также служить основанием для их типологии. Учитывая его, можно говорить о существовании:

- неинституционализированных диаспор-транснациональных сетей;

- диаспор-транснациональных сетей с координирующими структурами;

- институционализированных диаспор, где наряду с сетью общины и их объединения по странам взаимодействуют в формате международной неправительственной организации.

По содержанию деятельности организаций диаспоры допустимо говорить об общинах:

- занимающихся культурно-просветительской и социальной работой среди соотечественников (участники армянских международных организаций);

- оказывающих финансовую, политическую и иную помощь стране исхода (еврейские общины, объединенные во Всемирный еврейский конгресс, китайские общины стран Восточной Азии).

По отношению к политическим институтам стран пребывания можно выделить:

- диаспоры, формирующие собственные политические партии, организации и движения;

- диаспоры, участвующие в деятельности местных, региональных и общенациональных институтов, законодательных и исполнительных органах власти.

Еще одним основанием деления может выступать характер отношений со страной исхода. В соответствии с ним выделяются:

- диаспоры, оказывающие существенное влияние на жизнь и социально-политические процессы на этнической родине (еврейские общины и организации);

- диаспоры, оказывающие разнообразную помощь стране исхода (армянские общины и организации);

- диаспоры, не поддерживающие контактов с нею (цыгане).

По особенностям среды политической активности общин, определяемой типом политического режима, наличием или отсутствием доминирующей этнической группы или групп, можно говорить о делении диаспор на:

- действующих в рамках плюралистической политической системы;
- действующих в рамках этнократической системы;
- действующих в монокультурной среде с единой гражданской нацией.

Предпосылки формирования диаспоры. Основными факторами, определяющими формирование диаспор, выступают процессы иммиграции и адаптации общины в принимающей стране.

Как отмечает Н.Н. Хабибуллина⁴¹, миграционные процессы оказывают влияние на все сферы принимающего общества. В данном случае не является исключением и диаспора как один из элементов этносоциальной структуры страны пребывания. С точки зрения исследователя, иммиграция может быть вызвана несколькими группами факторов. Первая из них включает военные конфликты, ведущие к масштабным перемещениям (посредством эвакуации, пленения, переселения) масс населения за пределы противоборствующих государств. В эту же группу входят депортации нелояльного правительству этнического меньшинства, которое формирует свою общину в новой иноэтнической среде проживания.

Другие причины формирования диаспор исследовательница связывает с перемещением не населения, а государственных границ. Это может быть связано с аннексией, насильственным присоединением территории одного государства другим, вслед за расширением границ приобретающим и новых граждан. К появлению диаспор также ведет распад государства, следствием которого может быть появление разделенных этносов, компактно проживающих на какой-либо территории, и меньшинств, проживающих дисперсно. Утрата народом собственной государственности – еще одна предпосылка возникновения диаспор.

Процесс адаптации, по Хабибудиной, является логическим продолжением миграции. Последняя определяет основные социально- психологические «установки» мигрантов на адаптированность. В ходе адаптации перед мигрантами возникают определенные проблемы, решение которых показывает, насколько жизнеспособна диаспора. Виды адаптации можно

условно разделить как по основным сферам общественной жизни, так и по основным элементам социальной структуры общества.

Весь процесс адаптации в диаспоре, по мнению Хабибуллиной, можно представить в виде последовательно сменяющих друг друга этапов. Первый этап связан с появлением перед этнической общностью проблем идентичности и самоопределения, в основе чего лежит общность культурно- исторических ценностей (религия, язык, традиции). Второй этап приходится на время постепенного укоренения диаспорного населения, втягивание его в определенные социально-экономические отношения и занятие им тех ниш в экономической жизни, которые либо не являются предпочтительными для местного населения, либо, напротив, весьма привлекательны для него (в этом случае последнее в процессе конкуренции вытесняется некоренным населением). На третьем этапе представители диаспоры, обеспечивая стабильное экономическое положение, стремятся оказывать влияние на политическую жизнь, для лоббирования своих интересов или страны-исхода⁴².

Наиболее существенными аспектами адаптации диаспоры являются социокультурная адаптация, складывающиеся между этнической группой и принимающей страной отношения, взаимодействие с этнической родиной.

Социокультурная адаптация представляет собой приобретение умений и навыков свободного ориентирования в новой культуре и обществе. Показателями успешности процесса считаются установление позитивных связей с новой средой, решение ежедневных житейских проблем (школа, семья, быт, работа), участие в социальной и культурной жизни принимающего общества, удовлетворительное психическое состояние и физическое здоровье, адекватность в общении и в межкультурных отношениях, целостность личности⁴³.

Изучение социокультурной адаптации иммигрантов традиционно проводилось в контексте аккультурации. Под аккультурацией понимают процесс и результат взаимовлияния разных культур, при котором все или часть представителей одной культуры (реципиенты) перенимают нормы, ценности и традиции другой (у культуры-донора). В зависимости от решения задач поддержания культуры и участия в межкультурных контактах возможны четыре основных стратегии группового взаимодействия: интеграция, ассимиляция, сегрегация и маргинализация. Выбор стратегии определяется рядом об-

стоятельств и не всегда связан с желанием или установками индивида или диаспоры.

Результатом аккультурации как двустороннего процесса, влияющего на обе группы, может стать восприятие чужой культуры, реакция, т.е. возникновение множества различных контраккультурационных движений, или адаптация как совмещение изначальных и заимствованных элементов в гармоничное целое или сохранение противоречащих друг другу установок, которые взаимодействуют в повседневном поведении согласно тем или иным обстоятельствам. Начиная с 1950-х годов, отождествление ассимиляции и аккультурации сменяется расширенным восприятием аккультурации как процесса взаимодействия культур. Сам термин начинает все шире использоваться применительно к мигрантам⁴⁴.

Социокультурная адаптация на индивидуальном уровне является сложным процессом, завершающимся достижением иммигрантами совместимости с новой культурной средой, принятия и усвоения ими ее традиций как своих собственных.

Социокультурная адаптация на уровне социальной группы зависит от степени сходства или различия между культурами взаимодействующих народов, наличия между ними в прошлом военных конфликтов или геноцида, степени знакомства с особенностями культуры страны пребывания, равенства или неравенства статусов и наличия или отсутствия общих целей при межкультурных контактах. Культурная дистанция – мера совместимости между иммигрантами и принимающим обществом – является одним из факторов, определяющих темпы и направленность процесса адаптации, рассматриваемого в виде континуума с полюсами в качестве межэтнической интеграции и этнокультурной изоляции.

Дальняя культурная дистанция отчетливо заметна в первом поколении иммигрантов, и его ассимиляция практически невозможна, т.к. прежние социокультурные представления доминируют в сознании общины и не замещаются новыми константами, несмотря на возможную бытовую и даже социальную адаптацию. Второе поколение иммигрантов находится в положении маргиналов, стремящихся избавиться от прошлого и подчеркивающих свою принадлежность к принимающему обществу, противопоставляя ценности общества страны исхода и страны пребывания. Третье поколение иммигрантов уже практически неотлично от принимающего общества, с которым оно ассимилировалось. Их интерес к этническому происхождению носит отвлеченный характер.

Процесс адаптации диаспоры завершается интеграцией в принимающее общество. По мнению Н.Федорова, интеграция этнической группы в инациональное окружение и образование диаспоры являются параллельными процессами. Как полагает исследователь, диаспора является этнической общностью людей, постоянно живущих вне своей исторической родины в инациональном окружении и продолжающих относить себя к своему этносу. В ходе интеграции образование диаспоры может не завершиться⁴⁵.

Ассимиляционные процессы в диаспоре сочетаются с сохранением собственной этнической идентичности, культурной специфики и национального самосознания, составляя в то же время органическую часть гражданской нации.

На примере вхождения еврейской общины в американское общество Э.Л. Нитобург рассматривает интеграцию как сохранение еврейских этнических свойств и общности культурно-религиозных норм поведения, качества жизни и при одновременном их включения в это общество. Интеграция реализуема при наличии позитивных импульсов как со стороны меньшинства (позитивное восприятие новой культуры и желание ей овладеть), так и большинства членов диаспоры. Отсутствие дискриминации и предубеждений со стороны последнего, в свою очередь, определяется широким кругом факторов: традициями иммиграции, особенностями государственной иммиграционной политики, культурным плюрализмом и многообразием принимающего общества. Важную роль играет наличие непримиримых противоречий между страной исхода и страной пребывания, равно как и этнографические характеристики населения⁴⁶.

Роль страны исхода в адаптации определяется ее значительным культурным влиянием на диаспору. Отношения диаспоры с этнической родиной являются одной из несущих конструкций диаспоральной идентичности. В.А. Тишков под родиной диаспоры понимает регион или страну, где сформировался историко-культурный облик диаспоральной группы и где продолжает жить основной культурно схожий с ней массив.

В условиях невозможности (по политическим, этническим, расовым и т.п. мотивам и предпосылкам) возвращения на этническую родину на первое место выступает степень прочности связей диаспоры со страной исхода и динамика развития двусторонних отношений. Как отмечает Тишков, исторически давние миграции в условиях изоляции от родины редко созда-

ют устойчивые и полнокровные диаспоры. Для поддержания своего статуса диаспорам необходим приток новых переселенцев, обеспечивающих воспроизводство этнических традиций и общественных институтов. Приток новых иммигрантов существенно замедляет адаптационные процессы, так как в сознании общин происходит торможение процессов замещения старых норм новыми.

По мнению Тишкова, воспроизводство традиций и сохранение этнической идентичности в условиях ограниченных контактов диаспоры и страны исхода актуализирует сохранение образа родины для последующих поколений. Образ этнической родины служит основой коллективной памяти диаспоры, он включает необходимый набор исторических событий, героических деяний, культурных достижений и героев. Представления о родине есть созданная и выученная конструкция, которая, как любая коллективистская идеология, авторитарна по отношению к отдельной личности или каждому члену диаспоры⁴⁷. Постепенно, по мере утраты воспоминаний первых переселенцев, в коллективном мифе следующих поколений индивидуальный опыт замещается романтической верой в «землю обетованную», подлинный настоящий дом и место, куда потомки обязательно вернуться.

Диаспоральные мифы, составляющие образ родины, с точки зрения В.Шнирельмана, характеризуются фатализмом и мессианством, они подчеркивают особое предназначение своего народа и придают ему силы в случае неудач и поражений. Великое прошлое рассматривается как залог великого будущего, подкрепляемое романтической верой⁴⁸.

Адаптация диаспоры также определяется фактором характера взаимодействия с принимающим государством, который находит свое выражение в его иммиграционной политике, охватывающей весь спектр общественных отношений от иммиграционного и трудового законодательства до вопросов образования и культуры; господствующим в обществе этническими и расовыми предрассудками и предрассудками, поддерживаемыми или нивелируемыми общественным мнением.

Диаспора должна найти собственное место в системе разделения труда и социальных ролей, являющееся обязательным условием выживания в иноэтнической среде и важнейшей компонентой комплекса новых качеств и свойств, определяемых В.Дятловым как «диаспоральность»⁴⁹. Достижение экономической состоятельности и освоение собственной «эконо-

мической ниши» предопределяло возможность относительной безопасности и сохранения идентичности.

Рассматривая диаспору как «пересекающуюся сеть связей между общинами в разных странах», тяготеющую к созданию собственного пространства в принимающих странах, В.Д.Попков приходит к заключению о том, что ее основная задача состоит в обеспечении устойчивого равновесия между страной поселения, диаспоральными общинами и страной исхода. Исходя из этого, принадлежность к диаспоре определяется присутствием данного транснационального аспекта, который «привносит исходящее от самой диаспоры отграничение от внешнего мира, подчеркивание собственной маргинализации и внутренней присущей ей самостоятельности»⁵⁰.

Политические аспекты формирования диаспор можно разделить на аспекты иммиграции и образования этнодисперсных групп, а также аспекты адаптации в принимающей стране.

Политическая сторона иммиграции связана с причинами ее возникновения, относящимися к сфере властных отношений внутри и между государствами. Внутренние предпосылки заключаются в возможности миграции вследствие внутригосударственных сепаратистских и гражданских конфликтов, территориального распада страны исхода, депортаций, вызывающих потоки беженцев. Внешние предпосылки – это поражение страны исхода в войне, влекущее потерю ею суверенитета и оккупацию войсками противника.

Политические аспекты адаптации связаны с включением этнических меньшинств в работу политических институтов принимающей страны, получением ими социально-экономических, политических или всей полноты гражданских прав. Последнее составляет главный предмет забот диаспоры в период приспособления к нормам политического участия в стране пребывания. В результате адаптации этническое меньшинство может либо полностью интегрироваться в принимающую гражданскую нацию, либо получить ту или иную степень автономии (этнотерриториальной или национально-культурной) в силу своего культурного своеобразия, либо отказаться от интеграции вообще и существовать в режиме политической изоляции, вызванной сопротивлением принудительной ассимиляции или добровольной сегрегацией.

Формы функционирования диаспор. Говоря о формах функционирования диаспор, можно выделить следующие уровни их структурирования: глобальный, региональный, межгосу-

дарственный, национальный, локальный и сублокальный. Каждому из этих уровней соответствуют этнические общности разных параметров.

Так, на глобальном уровне функционируют глобальные, а на региональном – региональные диаспоры. Данные общности институционализированы, как правило, в рамках определенных организаций рассеяния, выполняющих одну или комплекс функций, обладающих своими отделениями в регионах мира и филиалами в тех или иных странах.

Аналогично институционализируются и региональные диаспоры, чьи неправительственные организации имеют отделения по принимающим странам, а внутри них – филиалы. Международному уровню соответствуют диаспоры, действующие в нескольких странах, не образующих отдельный мировой регион, а являющихся лишь его частью.

На национальном уровне действуют объединения и организации общин, на локальном – районные объединения и организации, общины крупных населенных пунктов, на сублокальном – средние и малые по размеру общины диаспоры в стране пребывания.

Основой ячейкой, таксоном структуры диаспоры и формой ее функционирования, по единодушному мнению исследователей, является община – наиболее распространенная форма существования диаспоры. Община рассматривается как анклав, социальный организм в совокупности ее институтов и иммигрантов, как активные, так и «статистические» члены общины, пока они связаны с ней общей ментальностью.

Г.Шеффер предлагает рассматривать общину в качестве формы и стратегии взаимодействия диаспоры и принимающих стран⁵¹. По мнению автора, стратегия общины представляет собой попытку диаспоры создать и сохранить сформированную в течение длительного периода времени сеть добровольных организаций. Применительно к диаспоре они могут дублировать и дополнять функции государства в принимающей стране. Если в прошлом общины диаспоры стремились сконцентрироваться в политических и экономических центрах, то сейчас они расселены по всей территории принимающей страны.

По Шефферу, деятельность общинных организаций диаспор осуществляется на двух направлениях или уровнях: внутри принимающей страны и как активность за рубежом в интересах страны исхода и других общин своей диаспоры.

Содержание деятельности общинных организаций на внутреннем уровне связано с вопросами внутренних дел общин,

отношений с органами государственной власти принимающей страны, регулируемыми экономикой и политические отношения. На внешнем уровне реализуются функции, затрагивающие отношения со страной исхода и в меньшей степени к другим политическими субъектами, с которыми диаспоре приходится взаимодействовать. На каждом из этих уровней функции диаспор дифференцируются на три категории: обеспечение сохранения, защиты и стимулирования развития общины.

Функция сохранения предполагает усилия членов диаспоры по увеличению капитала, которые совершаются через специальные организации или частных лиц; сюда же относится управление и поддержка общественно- культурной деятельности среди множества общинных организаций, поддержка специальных воскресных школ, религиозных учреждений, исследовательских институтов, общественных центров и т.д. Функция сохранения заключается в обеспечении денежных переводов, частных и коллективных взносов, других разновидностей односторонних переводов денежных средств, а также различные политические и социальные обмены. Функция сохранения также включает деятельность по координации социальных и политических акций диаспоры.

В случае возникновения опасности жизни членов диаспоры начинает реализовываться функция защиты. Она осуществляется через локальные организации в форме лоббирования общинных интересов в сфере экономики и политики в различных структурах власти и управления принимающей страны. Функция защиты также состоит в оказании поддержки стране исхода и всей диаспоре в принимающей стране в форме кампаний, направленных на создание благоприятного имиджа этих объектов.

Функция стимулирования развития диаспоры предполагает при своем осуществлении решение трех взаимосвязанных задач в культурной, политической и экономической сферах. Все три задачи затрагивают вопросы привлечения и вербовки новых членов, оказания моральной, политической и финансовой поддержки членам диаспоры. Большое значение придается стимулированию идентичности членов диаспоры, улучшению имиджа диаспоры в принимающей стране и повышению интереса к стране исхода.

Шеффер установил следующую взаимосвязь: чем богаче община, тем более сложной становится ее организация. Значительный экономический потенциал общины проявляется

не только в распоряжении ее членами и организациями значительными финансовыми ресурсами для организации и работы диаспоры, но и в доступе в политические институты принимающей страны, а также в возрастающем интересе к общине. Несмотря на это, значительные финансовые ресурсы диаспоры не являются достаточным условием для создания преуспевающих общинных организаций, либо для их эффективных действий. Гораздо более значимым, чем финансовые ресурсы, является фактор организованности и работоспособности членов диаспоры. Это означает, что не только уже укоренившиеся, классические и богатые диаспоры, но также более молодые и не столь преуспевшие в финансовом плане диаспоры могут успешно создавать организации, которые выполняют эффективную деятельность в интересах стран исхода и в интересах своих диаспор в целом.

Заинтересованность диаспор в сохранении контактов со странами исхода и другими общинами того же этнического происхождения инициирует, по мнению Шеффера, создание транснациональных сетей. Данная закономерность характеризует деятельность всех существующих диаспор, начиная от классических и заканчивая современными общностями. Транснациональные сети могут провоцировать конфликт с принимающими странами. Однако попытки сдерживать их развитие, как правило, безуспешны. В целом, диаспоры умело используют свои сети для проведения своих как легальных, так и нелегальных мероприятий. Разрушить, дезорганизовать, парализовать эти сети или завладеть транспортируемыми посредством них ресурсами практически не представляется возможным.

Близкой концепции Г. Шеффера точки зрения придерживается В.Д. Попков. Он рассматривает общину не только как форму, но и как способ выживания в принимающей стране: «Принятие стратегии диаспорной общины означает для этнической группы формирование собственных организаций и институтов, дублирующих и/или дополняющих уже существующие в обществе. Общинные объединения функционируют независимо от того, имеют ли они официальный статус в принимающем обществе или нет...»⁵². Общинные объединения определяют параметры организации и функционирования единого коммуникативно-информационного поля общины, ее образа в принимающем обществе, характера взаимодействия с коренным населением. По сути, конструирование членами

этнической группы диаспорной общины является вариантом групповой адаптации.

Роль общины в адаптации членов диаспоры к иноэтнической среде анализируется А.А. Тумановой. По ее мнению, община помогает адаптироваться в принимающей стране и сохранить собственную идентичность. Адаптационный потенциал общины вытекает из особенностей ее образования; это ячейка диаспоры, которая может рассматриваться в различном масштабе (греческая община Парижа, греческая община Франции) и образуется путем последовательной эмиграции. Базой для ее появления могут служить родственные связи и принадлежность ее членов к одной конфессии, что служит фактором интеграции диаспоры. Греческие эмигранты, независимо от того, в каком районе Греции они родились, объединяются для строительства церкви или школы в странах диаспоры. Если основой для образования общины являются родственные связи, то сначала первые эмигранты вызывают близких родственников, а затем приезжают жители родной деревни или города.

Роль общины в адаптации заключена и в том, что она обеспечивает определенный уровень социальной стабильности через благотворительность, взаимопомощь. Общины морально и материально поддерживают вдов, сирот, одиноких стариков, могут обучать за свой счет несостоятельных, но способных учеников и студентов. В ней происходит накопление и передача опыта поколений. В рамках общин и на их основе, по оценке Тумановой, эффективно функционируют торговые и финансовые структуры, которые охватывают большие расстояния, сосредоточивая огромные ресурсы.

Община – самосоздающаяся социальная система, которая самостоятельно формирует свои структуры, воспроизводит их и благодаря которым существует как транснациональное сообщество мигрантов. Единицей диаспоры становится община. Критериями ее существования являются: выраженная культурная идентификация членов этнической группы; наличие групп влияния, сетей коммуникации внутри этнической группы и сетей коммуникации с другими единицами диаспоры. Для ее возникновения необходимо моральное единство группы, наличие социальных связей, управленческого ресурса, экономического капитала. Деятельность этнической группы по решению основных проблем приспособления к условиям новой культуры через создание успешно работающих связей внутри и вне общины и составляет процесс формирования диаспорной общины⁵³.

Община позволяет не только адаптироваться, но и поддерживать необходимые для сохранения этнической идентичности этнокультурные границы диаспоры. Согласно концепции Х. Тололяна, рассматривающего общину на примере еврейской диаспоры, основа диаспоры – сообщество, которое уже обладает ясно очерченной идентичностью, сформированной в стране исхода. Речь идет о сохранении и непрерывном развитии примордиальной и «единственно верной» идентичности, несмотря на возможность появления новых форм самоидентификации. Роль общины состоит в поддержании коллективной памяти, которая является основополагающим элементом ее самосознания. В случае с еврейской диаспорой коллективная память воплощена в текстах Ветхого Завета. Такие тексты или воспоминания могут впоследствии стать ментальными конструкциями, служащими для сохранения цельности и «чистоты» идентичности. Диаспоральные общины стремятся сохранять свои этнокультурные границы, к чему могут предрасполагать желание самой общины, давление принимающего общества, препятствующего интеграции и ассимиляции иноэтнического меньшинства, либо оба эти фактора. Это происходит либо по собственной воле, либо под давлением населения принимающей страны, которое не хочет ассимилировать их, либо благодаря тому и другому. Общины заботятся о поддержании связей друг с другом. Такие связи часто носят институционализированный характер. Взаимодействие, включающее переселение и культурный обмен между первичными общинами, ведет, в свою очередь, к постепенному зарождению вторичных и третичных диаспор. Члены сообщества продолжают воспринимать себя как семью и, в конечном счете, если концепция исхода перекрывается национальной идеей, рассматривают себя как единую нацию, рассеянную по различным государствам. Общины стремятся к контактам со страной исхода. Недостаток в подобных контактах компенсируется взаимной лояльностью и сохранением веры в мифическую идею возвращения. В рамках еврейской модели мечты о возвращении являются неотъемлемой частью диаспорального сознания⁵⁴.

Разнообразные связи общин между собой образуют коммуникационную сеть диаспоры. Диаспоральные сети возникают в результате иммиграции в страну проживания, представляющей собой не некий процесс индивидуальной адаптации и аккультурации, а форму коллективных действий, развивающегося переноса (трансплантации) сетей и связей этничес-

кой группы. На смену восприятию миграции через призму индивидуальных попыток приспособления к новым условиям приходит анализ коллективной борьбы этнической группы, разделяющей общие ценности, исход которой определяет судьбу целых категорий иммигрантов и их потомков⁵⁵.

Межобщинные связи – транснациональные коммуникационные сети диаспоры рассматриваются А. Ашкенази. Он полагает, что критерием транснационализации межобщинных связей служит факт пребывания частей той или иной этнической группы как минимум в двух странах. Наличие транснациональных сетей отмечается уже у классических диаспор, например, у еврейской. Для сохранения потенциала активной деятельности и функционирования диаспоры, еврейским общинам были необходимы действующие коммуникационные сети. Отличительной особенностью еврейской диаспоры является постоянное стремление базироваться в узлах коммуникаций, каковыми выступают административно-территориальные центры, столицы регионов, государств, империй. Это позволяло не только поддерживать контакты между общинами, но и иметь определенное экономическое и политическое влияние в принимающей стране, что отличает диаспору от обычного этнического меньшинства.

Наличие коммуникационных сетей, с точки зрения Ашкенази, в настоящее время является неперенным атрибутом большинства классических и современных диаспор. По мнению некоторых авторов, транснациональные коммуникации диаспоры представляют собой выражение ее сущности. Вместе с тем, было бы преувеличением считать, что наличие подобной сети позволяет рассматривать диаспору как хорошо управляемое образование, части которого тесно взаимодействуют между собой. Вопреки идее Х. Тололяиа о сохранении связей между общинами диаспоры, можно утверждать и обратное, опираясь, в частности, на то, что факт тесного взаимодействия между еврейскими общинами в истории диаспоры не полностью подтвержден. Тесные связи характерны не для глобального или международного уровней взаимодействия общин, а для уровней регионов и местностей отдельных стран, где можно предположить интенсивные межобщинные связи и групповую солидарность⁵⁶.

Важную роль в становлении и развитии диаспоры играют этнические институты и организации, деятельность которых оформляет и поддерживает границы группы. Цель формальных

и неформальных организаций заключается в том, чтобы стать площадками для социального взаимодействия, способствовать созданию и развитию общего для всех членов диаспоры чувства солидарности, вытекающего из осознания своей этнической общности.

Диаспоральные организации, следуя классификации Р. Бретона, подразделяются на экспрессивные, направленные на выражение групповой идентичности и ее поддержание, и инструменталистские, призванные способствовать адаптации группы в принимающее общество или достижению определенных преимуществ. Основу большинства диаспоральных групп составляют организации, включающие лидера и его нескольких сторонников, находящихся в поиске своей массовой базы.

Отдельно следует сказать о религиозных организациях, конфессиях, выступающих в роли интегрирующего, поддерживающего этническую и духовную идентичность, дистанцирующего диаспору от иноэтничного окружения института. Наиболее яркими примерами выполнения такой роли являются организации иудаизма в еврейском рассеянии, армянская апостольская церковь, относящаяся к монофизитскому христианству, отличающему и отделяющему членов и общины армянской диаспоры от их православного, католического, протестантского и мусульманского окружения.

Политической формой функционирования диаспоры является транснациональная сеть, состоящая из общин как специфических групп интересов в принимающих странах. Община в этом качестве включает в себя: группу давления, состоящую из актива этнического меньшинства, представители которого могут входить в правящий слой, имеют устойчивые связи в органах власти и управления, а также с политическими и государственными деятелями, партиями и организациями принимающей страны; ресурсы и активы для оказания политического давления и влияния в виде владения финансами, предприятиями, занятия социально-престижных ниш в системе разделения труда и в экономике страны пребывания; основная масса членов общины, которые могут быть мобилизованы для коллективных действий с целью донести позицию общины или демонстрации протеста по той или иной касающейся ее проблеме. Общины могут оказывать разнообразную поддержку друг другу, привлекать на помощь государство исхода или принимающее государство для защиты своих интересов.

Община и диаспора в целом может выступать как агент влияния, использующий те же самые ресурсы, которые за-

действуются для оказания давления на власть принимающей страны. Однако необходимо учитывать возможность того, что община и ее организации могут быть проводником воздействия на власть в обоих направлениях – и от исторической родины, и от страны пребывания.

Российская диаспора в ближнем зарубежье представляет собой социальную общность русских и других этнических групп – выходцев из России, оказавшихся на момент распада СССР за ее пределами. Они составляют категорию российских соотечественников – лиц, считающих себя таковыми и относящихся к народам и народностям, не получивших нигде, кроме Российской Федерации, своего внутреннего самоопределения.

Специфика российской диаспоры в ближнем зарубежье заключается в том, что это региональная общность, относящаяся к числу разделенных этнических групп (А.Р. Аклаев), дисперсно проживающих на территории сопредельных с Россией новых независимых государств. Одновременно ее относят к типу имперских диаспор, возникновение которых вызвано политической катастрофой – распадом больших политикотерриториальных образований, в результате которых иммигрировавшие прежде на имперскую периферию представители оказываются в иных социальных, культурных и прочих условиях проживания при появлении постсецессионных режимов в новых странах.

Российская диаспора в ближнем зарубежье, в отличие от русской диаспоры в дальнем зарубежье, не относится к числу так называемых классических диаспор в строгом смысле этого термина. Критерием, не позволяющим это сделать, является тип иммиграции, которая в рассматриваемом случае хотя и является вынужденной по экономическим причинам, но обусловлена потребностями развития страны – Российской империи и СССР, направленностью социально-экономической политики Центра на поднятие потенциала присоединенных территорий и союзных республик до уровня жизни, культуры, науки и образования в ядре государства – великорусских губерниях и регионах РСФСР.

В связи с происходящими ассимиляционными и миграционными процессами в ряде республик ближнего зарубежья, прежде всего, на Украине и в Казахстане, где осуществляется целенаправленная политика по растворению русского и русскоязычного населения в среде титульных национальностей, переселение представителей титульного этноса из других

государств в районы компактного проживания соотечественников, граничащих с территорией России для предотвращения возможного их присоединения к РФ, диаспору в ближнем зарубежье уже нельзя однозначно относить к числу разделенных народов или наций, поскольку исчезает критерий компактного проживания на определенной территории, а этнические общности без данного признака можно отнести лишь к числу диаспор, находящихся в иноэтничном окружении вне своего государства исхода, и землячеств, проживающих в пределах своей страны, но не на этнической родине.

Российская диаспора в ближнем зарубежье не может быть отнесена и к диаспорам-буржуа, торговым диаспорам в силу особенностей занятости большинства ее представителей вне торговой и финансовой сфер. В советский период выехавшие в союзные республики российские граждане составляли научно-техническую интеллигенцию и входили в группу высококвалифицированных рабочих в военно-промышленном комплексе и других отраслях экономики. В связи с падением уровня жизни и понижением социального статуса российских соотечественников, обусловленного масштабными процессами деиндустриализации и свертывания высокотехнологичных производств в большинстве республик СНГ и Прибалтики после распада Советского Союза, диаспора стала приближаться к характеристикам диаспоры-пролетариата.

Российская диаспора – формирующаяся транснациональная общность, характеризующаяся процессом становления ее связей управления и межгрупповых коммуникаций, институтов, попытками сохранить свою идентичность в условиях навязываемой ассимиляции. Такие факторы диаспоры, как общность этнического самосознания, объединение общины в рамках определенной общественной и экономической организационной формы, особая связь со страной, рассматриваемой в качестве родины и отечества, пока еще вызревают.

Так, этническое самосознание и солидарность развиты у активистов политических организаций соотечественников, однако практически отсутствуют у большинства русских и других соотечественников. Сами русские недостаточно знакомы с деятельностью диаспоральных организаций и объединений, и поэтому практически не используют доступный им организационный, информационный ресурс для решения своих бытовых, личных, семейных, общинных проблем.

1.2. Основные модели участия диаспор во внутренней политике современного государства

Потребности диаспоры, связанные с оказанием влияния на внутреннюю политику страны пребывания, как правило, обуславливаются сложностью процессов адаптации иноэтнических общин к проживанию в новых для них социально-экономических, культурных, образовательных, политических условиях. Данные сложности заключаются в существовании разного рода препятствий для обеспечения прав этнических меньшинств, каковыми выступают диаспоры, в тех государствах, где они поселились. Поэтому предметом внутривнутриполитической деятельности диаспоральных организаций и общин становится защита гражданских прав и свобод своих членов в социально-экономической, политической, этнокультурной, языковой, информационной и иных сферах общественной жизни. В тесной связи с проблемой обеспечения прав, определяемых культурным своеобразием, находятся права, связанные со свободным отправлением религиозных культов, вероисповеданием, использованием связанной с ним атрибутики и символики.

Модели участия диаспор в политических процессах внутри принимающих стран можно выделить, опираясь на несколько критериев.

Одним из них служит собственно форма политического участия общины – это либо конвенциональное участие, характер которого определяется установленными в стране пребывания политическими и правовыми нормами и институтами и которое не выходит за данные рамки, либо неконвенциональное участие, допускающее определенную степень девиантного поведения, протеста против действий власти.

Для защиты прав диаспоры в арсенале средств воздействия на органы государственной власти и управления имеются и используются различные методы лоббирования своих интересов, коллективного давления, протестной активности, проведения митингов, шествий, манифестаций, иных массовых акций.

Специфика участия диаспоральных объединений в стране пребывания обуславливается теми целями, которые преследуют общины как участники политического процесса. Цели политического участия выступают другим критерием для определения рассматриваемых нами моделей. Главным результатом, которого стремятся добиться общины, является получение необходимых им для осуществления экономической,

политической деятельности, сохранения их идентичности прав в стране пребывания.

Цели находят свое выражение в требованиях, которые предъявляют диаспоральные организации и объединения к органам государственной власти и управления страны-реципиента. Как указывает А.Р. Алкаев, требования этнодиаспорных групп заключаются в достижении большей степени доступа к участию в политической системе принимающего иноэтнического сообщества (вплоть до требований полного равенства политических прав через включение в институты гражданства), однако они лишены при этом какого-либо территориального аспекта⁵⁷.

Стратегии в отношении требований диаспор, избираемых принимающими государствами, служат третьим критерием выделения моделей участия диаспор во внутренней политике.

Вне зависимости от предпосылок формирования диаспор, будь они иммиграционными или возникшими в результате территориального распада, такой стратегией может быть мультикультурализм, долгосрочная линия государства на их постепенное вхождение в качестве полноправного и равноправного участника в общественную жизнь страны пребывания, не носящая ассимиляционный характер, а, напротив, связанная с сохранением этнического, культурного своеобразия общин. Общины могут существовать как этнические группы, на идентичность которых никто не покушается. В рамках мультикультурализма могут поощряться получение детьми образования на родном языке, строительство культовых сооружений, избирательная активность на местном уровне управления и т.д. Как отмечает В.С. Малахов: «В иммиграционных государствах, а также в странах с длительной плюралистической традицией сложилось иное отношение к интеграции иммигрантов, чем в странах, ориентированных на идеал культурно-гомогенной нации. От иммигрантов здесь не ждут, что они со временем вернутся на «историческую родину». В то же время их не пытаются во что бы то ни стало ассимилировать»⁵⁸.

Иной стратегией, противоположной по направленности мультикультурализму, является ассимиляция, в рамках которой диаспорам предлагается политически, экономически, культурно, этнически (за счет смешанных браков) раствориться в формируемой или уже имеющейся политической нации страны пребывания или же существовать в качестве временных жителей государства, отделенных от него особым статусом

и отказом в гражданских правах, их определенным ограничением.

Данная стратегия используется теми странами, которые ориентируются на традиционный идеал национального государства, где болезненно относятся к феномену иммиграции вообще и присутствию мигрантов на своей земле в частности. Иммиграция здесь рассматривается как помеха для национального единства. При таком подходе от иммигрантов требуют полного растворения в принимающем сообществе (ассимиляции) или их считают временными жителями страны, ожидая, что они рано или поздно ее покинут. В этом случае происходит фактическая сегрегация мигрантов, их отделение от основного населения.

Кроме того, ключевым для политического волеизъявления диаспор и их организаций фактором является тип политического режима в принимающей стране. Если демократические и плюралистические политические системы не ограничивают возможности диаспор для равноправного представительства своих интересов и предъявления требований, то в ряде переходных, авторитарных и тоталитарных режимах общины иноэтнических меньшинств могут сталкиваться с целым рядом препятствий в этой сфере.

Траектории поведения диаспор формируются с учетом возможных форм, целей их активности и стратегий принимающего государства. В этих условиях можно выделить следующие модели поведения общин.

Первая модель – лояльное участие, ориентированное на сохранение этнокультурного, этнополитического плюрализма, предоставление или обеспечение экономических прав диаспор государством пребывания. Общины и их организации реализуют свои интересы в различных сферах общественной жизни с помощью мирных, вполне определенных и не выходящих за рамки законодательных ограничений методов. Ведущим среди них является лоббизм в органах государственной власти и управления принимающей страны. Продвижение и представительство интересов общин предполагает последовательную реализацию следующей системы мер и действий.

Во-первых, необходима интеграция общины вокруг тех или иных политических целей, достигаемое за счет институционализации, идеологического консенсуса внутри самой организации, выдвижения ее лидера.

Во-вторых, требуется формулирование программы действий (идейное обоснование необходимости и полезности под-

держания общинной солидарности; выдвижение популярных лозунгов, способных мобилизовать массы общины на действие; установление тесных контактов с ведущими политическими деятелями, партиями, иными организациями принимающей страны; формулирование объединяющих всех иммигрантов из данной общины политических платформ, содержащих как привлекательные лозунги для данной этнической общины, так и служащие удобным инструментом достижения внешнеполитических целей страны пребывания, близкие также исторической родине).

Третьим шагом является поиск партнеров и союзников, образование альянсов с другими политическими силами для успешного прохождения в парламенте выгодных для этнического лобби законов, эффективная борьба с противниками, работа со СМИ, формирующими общественное мнение относительно диаспоры и страны исхода, оказание реального давления на политиков.

Четвертый шаг – контроль за реализацией политических задач общины за счет доступа к политикам, оценки их деятельности и информирования об интересах соответствующей этнической группы, порождения общественных ожиданий выгодной для этнической группы политики.

Модель лояльного участия, ориентированного на сохранение этнокультурного, этнополитического плюрализма, предоставление или обеспечение экономических прав общин, характерна, в частности, для российской диаспоры в Киргизии, где община не имеет и не стремится получить влияние на происходящие в этой стране политические процессы, а также в Молдове, где сформировалась относительно благоприятная экономическая и политическая обстановка для проживания соотечественников.

В рамках модели лояльного участия, ориентированного на сохранение плюрализма и обеспечение экономических прав, иноэтнические меньшинства стремятся достичь указанных целей различными путями. Один из них – обеспечение участия в выборах и победы в них дружественных общинам кандидатов. Этот путь состоит во внесении добровольных взносов, финансировании избирательных кампаний политиков, желающих занять места в законодательных собраниях национального и регионального уровней, возглавить исполнительную власть в стране или на ее отдельных территориях и т.д. Общины могут вносить или формировать на свои средства предвыборные

фонды политических партий, и главным условием подобного финансирования, которое может осуществляться как большими, так и средними и малыми по численности этническими группами и их организациями, является обеспечение после избрания интересов общин. Представлять интересы диаспор могут не только их соотечественники, но и лица, принадлежащие к коренным национальностям, титульным народам и т.п., депутаты от избирательных округов, в которых не зарегистрирован ни один член общины.

Финансирование предвыборных кампаний кандидатов в депутаты парламента принимающей страны могут осуществлять и организации, учреждения, органы власти и управления страны исхода, что превращает избранных таким способом в представительные и законодательные органы лиц в агентов влияния диаспоры и страны исхода.

Еще один способ оказания политического влияния в рамках норм законодательства принимающей страны является выдвижение законодательных инициатив, исходящих в конечном счете от диаспор. Основными проводниками влияния становятся этнические объединения в парламенте принимающей страны. По данным Э.А. Лозанского, в Конгрессе США, начавшем работу в 1997 г., армянское объединение насчитывало 33 члена, греческое – 63, объединение афроамериканцев – 40. Существуют также латиноамериканское, португальское, албанское, индийское и два ирландских объединения. Что же касается представителей еврейской диаспоры в Конгрессе, то они хотя и не имеют единого объединения, однако представляют собой фактически «своего рода законодательный корпус внутри законодательного корпуса» и являются «ядром произраильской деятельности в Вашингтоне». Таким образом, через представителей внутри законодательной власти этнические группы получают возможность реализовывать свою программу, участвуя в принятии решений⁵⁹.

Кроме этнических объединений, для диаспор становится важным воздействие на аппараты парламента, его комитетов и комиссий по различным направлениям государственной политики, аппаратами главы государства и правительства, консультативных органов при них – Советов безопасности, государственных советов, с министерствами и ведомствами и т.д.

Важную роль в обеспечении влияния диаспоры могут сыграть и ее представители, занимающие те или иные ключевые руководящие посты в органах государственной власти

общенационального, регионального и местного уровней. Так, в США в середине 1980-х годов более 200 американских китайцев занимали выборные посты на уровне штата, округа, муниципалитета. Участие китайской общины в Соединенных Штатах в выборах, по мнению ряда исследователей, определялись необходимостью обеспечения торгово-экономических интересов общины, ее потребностей в сохранении этнической и культурной самобытности. Во всех населенных пунктах, где есть китайские анклав, ими были учреждены клубы. Также отмечался большой интерес к китайской диаспоре со стороны американских политических деятелей, видящих в ней влиятельный электорат. Огромна роль армянской диаспоры в США, как и роль США в Армении. Диаспора армян имеет большое политическое влияние, что отражается на больших поставках американской помощи (на душу населения в Армению). В этом смысле армянская диаспора выступает в качестве посредника между исторической родиной и иноэтническим государством⁶⁰.

Вторая модель заключается в лояльном поведении, направленном на достижение этнокультурного, этнополитического плюрализма, предоставление или обеспечение экономических прав диаспор государством пребывания. В данном случае общины также пользуются конвенциональными формами политической активности, но уже ради достижения тех или иных прав и свобод в принимающей стране.

Признаки данной модели политического участия можно наблюдать в Азербайджане и Грузии, где российским диаспоральным организациям и их лидерам удалось наладить в целом конструктивное взаимодействие с органами государственной власти. Диаспоры участвовали в кампаниях по выборам депутатов в законодательные органы власти данных республик и обеспечили избрание в них своих представителей, а также приобрели определенное влияние во властных структурах этих стран. Вместе с тем, эта степень влияния не значительна, поскольку политика руководства данных государств направлена на контроль над диаспорой.

Третья модель представляет собой протестное участие, ориентированное на достижение плюрализма в указанных выше аспектах и предоставление экономических прав для общин и их членов. Модель характерна для иммиграционных диаспор, еще не получивших необходимых им прав и свобод, но стремящихся к этому путем оказания давления на власть за счет

массовой мобилизации своих членов и использования других неконвенциональных методов.

Если говорить о политической практике реализации данной модели за рубежом, то можно проиллюстрировать ее случаями участия диаспор во внутренней политике США как страны пребывания.

Примером политической борьбы за свои трудовые и социально-экономические права и интересы является деятельность мексиканской и афроамериканской диаспор в США. Следует учитывать то обстоятельство, что интерес мексиканской и афроамериканской диаспор во внутренней политике и экономике обусловлен относительно низкой степенью их ассимиляции в американском обществе. Активную политическую позицию занимает лишь незначительный процент этих групп, а их организации не имеют общего руководства с функциями координации действий и, как правило, находятся под контролем отдельных лидеров, часто соперничающих друг с другом. Тем не менее, представляется, что в будущем эти общины смогут играть гораздо более активную внешнеполитическую роль, учитывая их быстро растущую численность.

Длительное время на протяжении столетия с 1860-х по 1960-е годы афроамериканская диаспора вела борьбу за свои гражданские права в США. В конце 1960-х – начале 1970-х годов было инициировано массовое Движение за гражданские права, двумя основными направлениями которого стали этнический интеграционизм и изоляционизм. Сторонники этнического интеграционизма подчеркивали приоритет своей лояльности Соединенным Штатам при сохранении связей со своими родиной, культурой и прошлым. Сторонники изоляционизма считали наиболее важной свою идентификацию с родиной, полагая ее несовместимой с лояльностью к Соединенным Штатам, стране, где, по их мнению, царили расовая несправедливость и всякого рода неравенство. В противоположность интеграционистам, которые хотя и признавая наличие расового и этнического неравенства, все же верили в способности Америки преодолеть их, изоляционисты полагали, что американское общество никогда не избавится от расовых предрассудков и в нем навсегда сохранится гегемония белых.

К началу 1970-х годов после получения равноправия в афроамериканской среде возобладали умеренные настроения, что позволило ее представителям включиться в избирательную систему и тем самым более эффективно добиваться своих целей.

В настоящее время афроамериканцы объединены в такие организации, как, например, образованная в 1977 г. «Трансафрика» и чернокожее объединение в Конгрессе⁶¹.

Предметом политической активности мексиканской диаспоры стало американское иммиграционное законодательство, рассматриваемое многими выходцами из Мексики как дискриминационное, а также нормативно- правовые акты, например, калифорнийское Предложение 187, предусматривающее прекращение любой социальной помощи нелегальным иммигрантам. С отменой в 1965 г. системы этнических квот в Соединенные Штаты хлынул мощный поток иммигрантов, который можно сравнить лишь с волной переселенцев в начале XX в. Во многом притоку иммигрантов способствовали сами американские работодатели в погоне за дешевой рабочей силой, однако в немалой степени он был обусловлен высокими темпами прироста населения и слабым экономическим развитием стран Латинской Америки и Азии. Неудивительно, что все это вызвало беспокойство некоторых политиков, которые указывали на то, что многие иммигранты из Латинской Америки и Азии недостаточно квалифицированы, малоуспешны в ведении предпринимательской деятельности, а их дети сталкиваются с рядом трудностей при обучении в американских школах. Как следствие, они с большой вероятностью могут пополнить ряды неимущих, что угрожает социально-политической стабильности американского общества.

Мексиканские иммигранты всегда представляли для правительства США значительную проблему. По подсчетам специалистов, из 13,5 млн. иммигрантов, въехавших в страну в период с 1981 по 1996 г., более 3,3 млн. были выходцами из Мексики. Из проживавших в Соединенных Штатах в 1996 г. 5 млн. нелегальных иммигрантов предположительно 2,7 млн. были мексиканцами.

По мнению большинства исследователей, выходцы из Мексики сыграли активную роль в принятии Акта по контролю 1986 г. и Иммиграционного акта 1990 г., которые, несмотря на названия, не только эффективно блокировали любые изменения в существующем порядке иммиграции, но и, благодаря содержащимся там положениям об амнистии, значительно повысили ее темпы. В 1996 г. был принят Конгрессом и подписан президентом США закон об иммиграционной реформе, создавший ряд серьезных трудностей для нелегальных иммигрантов. Однако, если это и могло рассматриваться как поражение

мексиканского лобби, то оставление без изменений порядка легальной иммиграции может быть признано его победой, так как сохранились положения о воссоединении семей.

Выходцы из Мексики оказывают все более заметное влияние на федеральную американскую политику посредством целенаправленного голосования и воздействия на поддерживаемых ими членов законодательных собраний штатов. К настоящему времени в среде мексиканской диаспоры сложились две наиболее эффективные организации национального масштаба: Национальный совет Ла-Расы и Фонд юридической защиты и образования американских мексиканцев. Возможности диаспоры по мобилизации своих ресурсов, в первую очередь, демографических, весьма впечатляющи. В 2003г. общая численность мексиканской диаспоры достигла колоссальной цифры – 37 млн. человек. В случае организованных действий подобная численность избирателей способна в критической степени повлиять на исход выборов в таких ключевых по политической значимости штатах, как Калифорния, Техас, Флорида.

Во время проходивших в 1980-е и 1990-е годы общенациональных внутриамериканских дебатов вокруг иммиграционного законодательства мексиканская диаспора выступила в коалиции с деловыми кругами, либералами и католической церковью, результатом чего стало блокирование реформ запретительного характера в отношении иммиграции. В условиях столь очевидного роста прибывающих в США испаноязычных это была значительная политическая победа, обещающая этим американцам политическую силу к середине текущего столетия, когда их численность, по американским прогнозам, приблизится к 100 млн. человек. В связи с этим обстоятельством неизбежно встанет вопрос о введении в Соединенных Штатах второго официального языка – испанского, о перспективах дальнейшего сближения и отношений с соседними государствами исхода – Мексикой и Кубой, о предоставлении Пуэрто-Рико прав не ассоциированного свободно присоединившегося государства, а штата США, о расширении НАФТА на все Западное полушарие, о степени проницаемости границы США-Мексика по реке Рио-Гранде⁶².

Четвертая модель является протестным участием, импульсом к которому становится стремление защитить статус диаспоры, основанный на полноправии ее членов и принципах мультикультурализма. Предпосылкой к такому участию становится дискриминационная национальная, культурная,

образовательная, экономическая и иная политика принимающего государства в отношении сохраняющей свою этническую идентичность многочисленной и в достаточной степени организованной общины.

Примерами, иллюстрирующими политическое участие, соответствующее данной модели, являются протестные акции и в целом деятельность диаспор российских соотечественников в ближнем зарубежье, особенно в прибалтийских странах – Латвии и Эстонии, а также в Украине.

В данном исследовании не рассматриваются изоляционистские модели поведения диаспор, направленные на дистанцирование, сохранение своей отделенности от общества в странах пребывания и отличающиеся политической апатией, а также сегрегационные модели поведения, в которых власть проводит дискриминационную по отношению к ним политику, не только ограничивающую их права, но и подталкивающую их к выезду из принимающих государств в страну исхода или любой другой регион мира. Изоляционистские и сегрегационные модели поведения, исходя из их содержания, не являются моделями политического участия, за исключением тех случаев, когда подвергающиеся дискриминации общины используют террористические методы достижения своих целей и давления на власть.

1.3. Специфика участия диаспор во внешнеполитических процессах

Влияние этнических диаспор на процессы формирования и реализации внешней политики стран пребывания может осуществляться в нескольких формах.

Во-первых, в учете их позиции по международным делам, обеспечению национальной безопасности теми или иными политиками в ходе предвыборных кампаний, что обусловлено возможностью за счет этого привлечь голоса избирателей.

Во-вторых, в возможности ее представителей и выразителей интересов, принадлежащих к другим национальностям, занять те или иные посты в правительстве, органах исполнительной власти, стать членами соответствующих комитетов парламента, чья деятельность по разработке, принятию и реализации законов и иных нормативно-правовых актов связана с проблемами внешней политики страны пребывания и этнической родины. Нередко представители диаспор становятся советниками по

внешнеполитическим вопросам при главах государств и правительствах, министрами иностранных дел.

В-третьих, путем оказания прямого или косвенного давления на руководство страны пребывания, направленного на изменение в нужную сторону позиции государства по тому или иному вопросу в сфере международных дел.

Стремление повлиять на внешнюю политику страны пребывания в целом характерно для тех диаспор, которым уже удалось адаптироваться к жизни в принимающем обществе и чьи права в различных сферах в целом обеспечиваются. Как правило, диаспоральные организации действуют в интересах этнической родины, лоббируя для нее оказание помощи финансового, дипломатического, военного характера. Требования общин диаспор, касающиеся внешнеполитической сферы, целесообразно рассмотреть на примере целей американских этнических групп. Рассматривая политические процессы в Соединенных Штатах, Э.Д. Лозанский отмечает, что к первой категории целей относятся такие базовые для американского общества требования, как уважение прав человека и демократическая форма правления. Эти ценности разделяет подавляющее большинство американских этнических общин, что находит отражение в поддержке ими соответствующих идей на этнической родине.

К следующей категории относятся экономические требования. Практически все проживающие в США этнические группы лоббируют экономические интересы стран исхода. Так, Израиль получает ежегодную экономическую помощь в размере 3 млрд. долл. За счет активности своих лоббистов финансово значимую помощь получают Украина, Армения и греческое население Кипра. В Фонд Ирландии ежегодно перечисляются 20 млн. долл. К этой же категории Лозанский относит 750 млн. долл., выделенных американским правительством под давлением афроамериканского лобби в 1997 г. в фонды торговли с Африкой.

В последние годы широкое распространение получили требования общин о введении экономических эмбарго против противников стран их происхождения или враждебных им режимов на этнической родине. Выше уже упоминалось о введении в конце 1990-х годов под давлением армянского лобби эмбарго на экономическую помощь Азербайджану и в 1996 г. торгового эмбарго против Кубы под давлением НОКА. К этому списку можно добавить эмбарго в отношении Ирана, принято-

го под влиянием Американско-Израильского комитета общего действия (АИКОД), которое, как и упомянутое выше, вызвало напряженность в отношениях США с Европейским Союзом.

Крайне важными для этнических лобби являются требования, касающиеся безопасности стран их происхождения. Сюда можно отнести требования о расширении НАТО, обеспечении безопасности Израиля и поддержании в интересах Греции «баланса сил» в Восточном Средиземноморье⁶³.

Степень и масштаб влияния диаспоры на внешнюю политику принимающей страны определяется ее ресурсными возможностями в политической, экономической, финансовой сфере, возможностями стоящего за ней государства исхода. Последнее особенно важно, поскольку в противном случае при слабости этнической родины существует риск и даже опасность того, что диаспора станет проводником и агентом политики страны пребывания, находясь под его полным контролем и будучи в форс-мажорных обстоятельствах ее заложником, если со страной исхода возникнет конфликт.

Существуют различные способы оказания влияния на внешнеполитический курс принимающей страны.

Учет голосов избирателей от этнических диаспор стал фактором предвыборных кампаний большинства президентов Соединенных Штатов, начиная с В. Вильсона, принимавшего во внимание позицию еврейской, ирландской и других общин по вопросам внешней политики и международного положения США. На выборах 1940г. в Конгресс республиканская партия опирались на голоса американцев немецкого и итальянского происхождения, которые хотели удержать Соединенные Штаты от ввязывания в назревавший в Европе конфликт. Другие же общины, например польская диаспора, которые видели в странах «оси» и в Советском Союзе угрозу для своей этнической родины, поддерживали демократическую партию, более благоприятную к Великобритании и Франции.

В недавнем прошлом во время президентских выборов 1992г. Б. Клинтон обеспечил себе поддержку ирландской общины за счет обещаний активизировать мирный процесс в Ольстере. Учитывая крайнее недовольство Великобритании любым вмешательством США в эту проблему, он вряд ли решился бы на подобный шаг, если бы сенаторы Д. Мойнихэн и Э. Кеннеди не убедили его, что таким образом он сможет вернуть в демократическую партию многих католиков, голосовавших ранее за кандидата от республиканцев, а впоследствии прези-

дента Р. Рейгана. Согласно результатам выборов 1992 и 1996 гг., единственными группами белых американцев, преимущественно (по характеру голосования в общине в целом) голосовавших за Клинтона, стали евреи и католики⁶⁴.

Впервые представители этнических меньшинств стали советниками главы государства в период президентства Ф. Рузвельта, они начали работать на высоких постах в федеральных ведомствах и представлять США за рубежом. Современным примером помощи стране исхода со стороны соотечественников, занимающих ключевые посты во внешнеполитических ведомствах, служит деятельность М. Олбрайт на должности госсекретаря США, содействовавшей вступлению Чехии и других государств в Североатлантический альянс. После образования независимых государств на территории Центральной и Восточной Европы их руководители стали активно пользоваться помощью своих диаспор. Особую активность в этом плане в период президентства Б. Клинтона проявляли политики из Чехии и Польши, которые благодаря поддержке соотечественников были приняты в Белом доме и получили возможность выступить перед Конгрессом. Результатом этого стало образование тройственного союза, включавшего администрацию Б. Клинтона (главным образом, в лице государственного секретаря М. Олбрайт, уроженки Чехии), восточно-европейские правительства и соответствующие американские этнические общины, который ставил своей целью включение новых государств региона в западные экономические институты и НАТО⁶⁵.

Способом, гарантирующим результативность доведения до законодателей США позиции диаспоры и общин по внешнеполитическим вопросам, является проведение в Конгрессе собственных представителей. В качестве примера можно привести таких известных членов Конгресса, как принадлежащих к греческой диаспоре П. Сарбанеса и Дж. Брадемаса, представляющих ирландскую общину Э. Кеннеди и Д.П. Мойнихэна, чернокожих М. Уотерса и Ч. Рэнджела. Однако примеры сенатора А. д'Амато, представляющего интересы еврейской диаспоры, Р. Доула, продвигающего интересы американских армян, и Р. Торричелли, поднимающего вопросы, связанные с Кубой, показывают, что этническая принадлежность законодателей к общине-лоббисту не является обязательным условием.

В выдвижении законодательных предложений активную роль играют также существующие в Конгрессе этнические

объединения, благодаря которым этнические меньшинства получают возможность реализовывать свои программы.

Кроме того, важными аспектами деятельности этнических лоббистов являются постоянные контакты с аппаратом Конгресса, через который происходят утечки информации, с сотрудниками Государственного департамента, Совета национальной безопасности и Министерства обороны. Еще задолго до того, как вопрос станет предметом общественного внимания, опытные лоббисты выявляют весь спектр возможных проблем и начинают предпринимать меры по их решению⁶⁶.

Влияние диаспоральных лоббистов прямо пропорционально плотности их контактов с государственными деятелями и политиками, принимающими наиболее важные решения. Так, согласно некоторым источникам, все четыре советника Дж. Буша-старшего по Ближнему Востоку были евреями, что имело значение при принятии внешнеполитических решений, касающихся данного региона⁶⁷.

Богатой практикой использования приемов лоббирования интересов этнической родины в органах власти принимающей страны обладает еврейская диаспора США.

Взаимоотношения между израильским лобби и администрацией Р. Рейгана в целом носили конструктивный характер, за исключением случая с планами продажи в 1981 г. новейших самолетов авиационного слежения системы АВАКС Саудовской Аравии. Обеспокоенному еврейскому лобби при поддержке израильского правительства М. Бегина удалось заручиться поддержкой блока в составе 54 сенаторов и подавляющего большинства членов Палаты представителей. Сделка по продаже самолетов могла бы не состояться, если бы не изменилась ситуация из-за убийства президента Египта А. Садата. Давление президента Р. Рейгана, подкрепленное авторитетом целого ряда бывших глав администраций Белого дома, госсекретарей и министров обороны, привели к тому, что Сенат одобрил сделку с небольшим перевесом голосов (52 против 48). Однако вскоре после увеличения бюджета АИКОД (Американо-израильский комитет по общественным делам), роста его персонала Белый дом заключил с Израилем Меморандум о взаимопонимании, который гарантировал ему военную поддержку Америки. Израиль стал получать ежегодно 200 млн. долл. на закупку вооружения. В последующем в 1985, 1986 и 1987 годах американская помощь Израилю (в том числе военная) продолжила свой рост. АИКОД удавалось заблокировать продажу оружия арабским

странам – Саудовской Аравии и Иордании. Показателем силы еврейской общины является то, что, в конце концов, как сообщают некоторые источники, государственному секретарю США Дж. Шульцу пришлось обсуждать не с Конгрессом, а с руководством АИКОД, сколько единиц и каких вооружений может быть продано Саудовской Аравии⁶⁸.

Подобное привилегированное положение Израиля сохранилось и после ухода Р. Рейгана с поста президента США. По данным Э. Лозанского, в 1998–1999 гг. правительства Турции и Иордании, намеревавшиеся улучшить свои отношения с США, вели для этого переговоры не с правительственными ведомствами, а с АИКОД⁶⁹.

В июне 1998 г. президент Б. Клинтон наложил вето на Акт о передаче ракетных технологий Ирану, разработанный произраильски настроенным конгрессменом Б. Гилманом. Суть этого Акта состояла во введении санкций в отношении любого государства или корпорации, решивших предоставить ракетные технологии Исламской Республике Иран. Под давлением организованной еврейским лобби оппозиции Палата представителей большинством голосов (418 против 8) приняла резолюцию, требующую от Белого дома ввести санкции против российских компаний, якобы помогавших Ирану в создании ракет, способных достичь территории Израиля.

Примером эффективности лоббирования еврейскими организациями интересов Израиля является судьба «Дорожной карты» – крупнейшей ближневосточной инициативы президента Дж. Буша-младшего. Еврейские организации сразу же восприняли позицию Израиля в отношении неприемлемости Я. Арафата в качестве партнера, склоняясь к поддержке премьер-министра палестинского правительства М. Аббаса. Долгое время официальный Вашингтон не хотел полностью порывать с Арафатом – партнером пяти предшествующих американских президентов. Но усилиями еврейского лобби была решена и эта проблема.

Еще одним случаем стало давление еврейской диаспоры на американское правительство времен «холодной войны». Одним из последствий арабо-израильской войны 1967 г., в которой Советский Союз поддерживал арабов, стал рост эмигрантских настроений среди советских евреев, получивший широкую поддержку их американских соотечественников. Во многом под их влиянием в 1974 г. Конгресс принял, ставшую широко известной поправку Джексона-Вэника, лишившую

Советский Союз статуса наибольшего благоприятствования в торговле из-за ограничений на эмиграцию. Эта поправка была принята вопреки значительному противодействию официальных кругов, стремившихся сохранить переговорный процесс между США и СССР. Не помогли даже аргументы госсекретаря Г. Киссинджера, утверждавшего, что введение законодательных ограничений лишь осложнит выезд евреев из Советского Союза и подорвет тенденции к разрядке в отношениях с СССР, которые были так важны в геополитическом отношении⁷⁰.

Высокая результативность лоббирования интересов Израиля и мировой диаспоры в целом, осуществляемого американской еврейской общиной, видна на примере совместных действий правительства США и Международного еврейского конгресса в процессе против швейцарских банков, фактически конфисковавших сотни миллионов долларов, принадлежавших европейским евреям, репрессированным нацистами. Известные деятели еврейской диаспоры, входящие в администрацию Б.Клинтонa, участвовали в сборе доказательств, которые были представлены Сенату. В результате давления США, пригрозивших Швейцарскому банковскому союзу санкциями, последний был вынужден признать обоснованность требований.

Примером эффективного лоббирования этнических интересов является деятельность активистов кубинской диаспоры, объединившихся в Национальную организацию кубинских американцев (НОКА). Организация убедила Конгресс принять, а президента Б. Клинтона подписать в феврале 1996 г. закон Хелмса-Бертонa, распространяющий юрисдикцию американских судов на иски, возбужденные гражданами США в защиту прав собственности, аннулированных в 1959г. правительством Ф. Кастро. Результатом стало введение эмбарго на торговлю с Кубой. Кубинской диаспоре активно помогали американские политики, в частности, председатель сенатского комитета по иностранным делам Дж. Хелмс, которые хотели таким образом подорвать экономику Кубы. Успеху предприятия способствовали и действия кубинского правительства, как раз в это время разогнавшего организацию правозащитников в Гаване⁷¹.

Протестная активность как форма давления на власть страны пребывания также входит в число методов диаспоральных организаций. Так, вмешательство США и НАТО в сецессионные этнополитические конфликты в Боснии и в Косово вызвало массовые протесты православных групп Америки. Когда в марте 1999г. авиация НАТО начала бомбардировки Косово, первой

стала протестовать сербская диаспора, компактно проживающая во многих городах на востоке США, особенно в Чикаго, где насчитывается более 250 тыс. жителей сербского происхождения. В апреле к ней присоединились другие православные общины, в основном, греческая и русская. Этнополитический конфликт на Балканах, в конце концов, едва не перекинулся на сами Соединенные Штаты, так как активизировались и исламские диаспоры. Опасаясь вспышки этнорасовой розни у себя дома, Соединенные Штаты постарались как можно быстрее найти мирное, но при этом выгодное для них решение косовской проблемы.

Что же касается технологий *grass-roots lobbying*, то одним из первых их использовала администрация Г.Трумэна, однако для влияния на внешнюю политику стран исхода. При содействии католической церкви аппарат президента организовал посылку писем десятками тысяч американских итальянцев своим родственникам в Италию с предупреждениями об угрозе победы коммунизма в стране исхода и настоятельными советами голосовать за христианских демократов, которые в конечном счете и одержали победу на выборах конца 1940-х годов. Аналогичным образом проводниками доктрины Трумэна стали многие американцы греческого происхождения⁷².

Говоря о специфике участия диаспор во внешнеполитических процессах, необходимо отметить следующие особенности поведения общин и их организаций.

Прежде всего, диаспора, выступая в качестве политической группы при продвижении своих собственных интересов в органах власти принимающего государства, в случае лоббирования национальных интересов страны исхода в международной сфере начинает играть роль агента своей этнической родины, становясь частью большой и весьма влиятельной группы давления. В нее включаются:

- политические организации диаспоры как лоббисты и медиаторы между принимающей страной и государством исхода;
- члены общины или диаспоральной сети, являющиеся ресурсом массовой поддержки действий данных организаций;
- финансовые и экономические институты диаспоры, обеспечивающие за счет своих возможностей деятельность общины;
- правительство страны исхода, разрабатывающее стратегию реализации национальных интересов в международной

сфере и конкретно в каждой принимающей стране, а также нередко осуществляющее руководство процессом лоббирования;

– дипломатические, разведывательные возможности, военная, экономическая, финансовая, информационная мощь страны исхода, которая может потребоваться для оказания помощи диаспоре в принимающей стране в случае, если между ними возникнет конфликт;

– союзники в стране пребывания в лице политических и государственных деятелей (членов правительства, парламента), политических партий, организаций и движений.

Для успешного отстаивания своих внешнеполитических интересов диаспора должна быть в состоянии мобилизовать своих членов для голосования, собрать необходимые финансовые средства, выработать политическую программу и контролировать ее выполнение. Для этого, прежде всего, необходимо единство самой этнической группы. Чтобы не допустить в своих рядах фрагментации, этническая община должна создать условия, при которых она может пойти по пути передачи руководства ею в руки одного лидера (учитывая, что в дальнейшем это может затруднить институционализацию общины).

Другим путем достижения единства является четкая координация действий с объединениями и организациями общин, всей диаспоры более высокого уровня. Достижению поставленных целей может служить следование указаниям государства исхода. Однако и здесь существуют серьезные проблемы для организации, основанной на принципах добровольного членства и принятия решений посредством консенсуса.

Наиболее полно данные характеристики представлены в деятельности еврейских организаций США по продвижению интересов Израиля в органах власти этой страны. Отчасти работу данного механизма лоббирования можно рассмотреть на примерах, которые связаны с оказанием давления администрации США на Израиль с целью заставить его сделать уступки, смягчить свою позицию по поводу мирного урегулирования с арабскими странами. Подобные столкновения происходили во время президентства Р. Никсона, Дж. Форда, Дж. Картера, Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего. В таких ситуациях еврейские диаспоральные организации анализировали складывавшуюся ситуацию, проводили мобилизацию всех дружественных им сил и средств для нейтрализации давления принимающей страны на этническую родину⁷³.

Так, в период президентства Р.Никсона американо-израильские противоречия возникли по поводу так называемого «плана Роджерса», который был выдвинут государственным секретарем Соединенных Штатов в 1969 г. В основе его лежало предполагавшееся выполнение резолюции ООН № 242, согласно которой Израиль должен был оставить оккупированные арабские земли в обмен на мирное урегулирование. Премьер-министр Израиля Г. Меир сразу же встала в оппозицию этому плану, выполнение которого она считала угрозой существованию страны. Позицию Г. Меир безоговорочно поддержали лидеры еврейских организаций в США. Последовала мобилизация сил и большая разъяснительная работа, в ходе которой были задействованы все дружественные Израилю структуры. В результате ряды сторонников «плана Роджерса» уменьшились. Дружественные конгрессмены и комментаторы подняли свой голос, призывая сойти с ложной дороги. Администрация и Конгресс были поставлены в известность об оппозиции еврейских организаций и о политической цене, которую придется заплатить сторонникам неприемлемого Израилю плана. Его сторонники в республиканской администрации Р. Никсона оказались изолированными. Борьба вызвала значительное напряжение, и чаша весов колебалась. Но и конечном счете администрация Никсона была вынуждена дезавуировать «план Роджерса» и отступить.

Попытки принудить Израиль к переговорам с арабскими государствами продолжил в 1975 г. президент-республиканец Дж. Форд, которого государственный секретарь Г. Киссинджер сумел убедить в необходимости осуществить «переоценку» американской политики на Ближнем Востоке. Расценив такой поворот как угрозу отказа от поддержки Израиля, АИКОД мобилизовала все подконтрольные диаспоре ресурсы. В течение трех недель еврейские организации все же сумели организовать написание и отсылку консолидированного общего письма с изложением контраргументов, адресованное президенту Дж. Форду. Из опасения за перспективы своей дальнейшей политической карьеры письмо подписали 76 сенаторов Соединенных Штатов. В нем недвусмысленно указывалось на то, что конструктивные отношения между исполнительной и законодательной властями напрямую зависят от политики американской администрации на Ближнем Востоке, дружественной еврейскому государству. Израильское лобби вновь добились необходимого ему результата⁷⁴.

Аналогичная участь постигла и опасную для Израиля инициативу демократической администрации. Предложение президента Дж. Картера, выдвинутое в марте 1979 г. относительно создания палестинского государства, вызвало протест израильского лобби. Речь шла об основах безопасности Израиля. В результате АИКОД издал список из тридцати одной претензии к администрации демократа Дж. Картера. Следует отметить, что Белый дом усугубил свое положение, выпустив в октябре 1977 г. совместное коммюнике с Советским Союзом, в котором содержался призыв к переговорам с участием палестинцев Я. Арафата. Это предложение противоречило установке израильского лобби на то, что сроки и порядок подобных переговоров должны определяться только Тель-Авивом. Спустя неделю после бурных протестов со стороны Израиля и еврейской диаспоры в Соединенных Штатах Картер был вынужден отказаться от своих планов, отступив перед еврейской диаспорой⁷⁵.

Наряду с этим, предметом лоббирования национальных интересов страны исхода в органах власти принимающей страны является оказание финансовой, продовольственной помощи, поставки вооружений и военной техники, привлечение инвестиций, сбор средств для этнической родины, рассрочка выплат по ее долгам перед государством пребывания или зависимыми от нее международными финансовыми и, экономическими институтами, оказание давления на государства-противники страны исхода, устранение нелояльных ей политиков в принимающем государстве.

Примерами, иллюстрирующими подобную активность, служат действия армянской, греческой, еврейской общин США.

Так, благодаря усилиям армянской диаспоры состоялось принятие статьи 907 Акта поддержки свободы 1992 г., согласно которой Азербайджан исключался из числа постсоветских государств, имевших право претендовать на получение американской помощи. Хорошо организованная лоббистская кампания армянской общины обеспечила данный результат даже несмотря на то, что правительство Армении в тот период удовлетворяло отнюдь не всем требованиям демократического государственного правления и конфликт был, по существу, спровоцирован армянской стороной.

Греческое лобби формирует политику США в отношении Турции. Организации диаспоры сумели заблокировать отправку в Турцию американских вертолетов и фрегатов. Лоббистские возможности греческой диаспоры проявились в ходе несколь-

ких конфликтов Греции с Турцией (при том, что оба государства были и остаются членами Североатлантического союза). Греко-турецкие отношения особенно обострились после турецкого вторжения на Кипр в 1974 г. Характерно, что греческая диаспора оказывала поддержку афинскому правительству даже тогда, когда оно уже было недемократическим (диктатура «черных полковников» во главе с Пападопулосом), и даже несмотря на то, что греки сами нарушили мир на Кипре после того, как правые террористы сместили архиепископа Макариоса во имя «энозиса» – союза с Грецией. При этом существовала реальная угроза войны между двумя государствами, на передний план вышла возможность распада восточного фланга НАТО, чего США не могли допустить в свете продолжавшейся «холодной войны».

Несмотря на то, что Турция была для США гораздо важнее в геополитическом и военно-стратегическом плане, чем Греция, американское правительство вынуждено было, в конечном счете, уступить мощному давлению греческого лобби, в результате чего было введено трехлетнее эмбарго на продажу Анкаре американских вооружений и военной техники. Одновременно были закрыты расположенные в Турции станции прослушивания НАТО, а Греции были выделены ассигнования на вооружение, которые составляют сейчас 70% от выделяемых Турции⁷⁶.

Лоббистские возможности еврейская община США продемонстрировала в нескольких случаях, когда под угрозу ставились интересы национальной безопасности Израиля. Один из них уже рассматривался выше и связан с открытым противостоянием между Американско-израильским комитетом общего действия (АИКОД), наиболее сильной диаспоральной организацией в США, и американским правительством по вопросу о продаже оружия арабским странам. От АИКОД требовалась весьма сложная работа по дискредитации торговли американских фирм оружием с режимами, способными, по мнению комитета, при определенных обстоятельствах обратить это оружие против продавца. Произраильское лобби неоднократно показывало в негативном свете тех продавцов оружия, которые, по его мнению, утрачивали представления о морали в попытке вооружить любое готовое заплатить государство.

Это касалось и западноевропейских фирм, привлеченных возможностью получить значительный доход от продаж богатым арабским режимам. Постоянная связь АИКОД с Израилем, его дипломатическими представительствами, произраиль-

скими организациями в странах-союзниках США, местными средствами массовой информации позволяла комитету быть в курсе событий в сфере продаж вооружений, что повышало эффективность его лоббистских инициатив.

Кроме того, государство пребывания и его отдельные органы власти как объект воздействия диаспоры и страны исхода должно быть сильной по параметрам комплексной мощи державой, региональным или глобальным центром силы, что и позволяет ему быть дееспособным и добиваться от него осуществления целей лоббирования. Принимающее государство и государство исхода могут при этом находиться в отношениях стратегического партнерства или союза, где лидером является первая, а сателлитом – вторая страна.

Классическим примером в этом плане являются США, а также Россия, в органах власти которой активно продвигаются интересы общин стран СНГ – Азербайджана, Грузии, Казахстана, Таджикистана, других новых независимых государств.

Выводы и обобщения

В целом, анализ, проведенный в главе 1 настоящего исследования, позволяет сделать следующие выводы и обобщения.

Диаспора может быть определена как возникшая в результате вызванной социально-экономическими, политическими или военными катаклизмами иммиграции, экспорта населения в периферийные районы и территориального распада страны исхода, повлекшего изменения государственных границ, транснациональная сеть общин этнических групп в принимающих странах, деятельность которой направлена на защиту культурного своеобразия, этнической идентичности, социально-экономических и иных прав меньшинств в иноэтничном окружении.

Существующие в науке типологии диаспор могут быть дополнены выделением их типов по политическим признакам.

Одним из оснований деления может служить характер политического участия общин диаспоры в стране пребывания. В соответствии с этим критерием, выделяются диаспоры: осуществляющие преимущественно конвенциональное участие; реализующие преимущественно неконвенциональные формы политической активности; политически пассивные общины.

По критерию статусных целей политической активности диаспоры можно подразделять на стремящихся к получению:

статуса национально- территориальной автономии; статуса национально-культурной автономии; ассимиляции и полной интеграции в принимающее общество.

Критерий реализуемых диаспорами осознанных социальных потребностей позволяет выделить: диаспоры, продвигающие общинные интересы и интересы стран исхода; диаспоры, осуществляющие общинные интересы и интересы принимающих стран.

Характер структурирования диаспор может также служить основанием для их типологии. Учитывая его, можно говорить о существовании: неинституционализированных диаспор- транснациональных сетей; диаспор- транснациональных сетей с координирующими структурами; институализированных диаспор, где наряду с сетью общины и их объединения по странам взаимодействуют в формате международной неправительственной организации.

По содержанию деятельности организаций диаспоры допустимо говорить об общинах: занимающихся культурно-просветительской и социальной работой среди соотечественников (участники армянских международных организаций); оказывающих финансовую, политическую и иную помощь стране исхода (еврейские общины, объединенные во Всемирный еврейский конгресс, китайские общины стран Восточной Азии).

По отношению к политическим институтам стран пребывания можно выделить: диаспоры, формирующие собственные политические партии, организации и движения; диаспоры, участвующие в деятельности местных, региональных и общенациональных институтов, законодательных и исполнительных органах власти.

Еще одним основанием деления может выступать характер отношений со страной исхода. В соответствии с ним выделяются: диаспоры, оказывающие существенное влияние на жизнь и социально-политические процессы на этнической родине (еврейские общины и организации); диаспоры, оказывающие разнообразную помощь стране исхода (армянские общины и организации); диаспоры, не поддерживающие контактов с нею (цыгане).

Наконец, по особенностям среды политической активности общин, определяемой типом политического режима, наличием или отсутствием доминирующей этнической группы или групп, можно говорить о делении диаспор на: действующих в рамках плюралистической политической системы; действующих

в рамках этнократической системы; действующих в монокультурной среде с единой гражданской нацией.

Политические аспекты формирования диаспор можно разделить на аспекты иммиграции и образования этнодисперсных групп, а также аспекты адаптации в принимающей стране.

Политическая сторона иммиграции связана с причинами ее возникновения, относящимися к сфере властных отношений внутри и между государствами. Внутренние предпосылки заключаются в возможности миграции вследствие внутригосударственных сепаратистских и гражданских конфликтов, территориального распада страны исхода, депортаций, вызывающих потоки беженцев. Внешние предпосылки – это поражение страны исхода в войне, влекущее потерю ею суверенитета и оккупацию войсками противника.

Политические аспекты адаптации связаны с включением этнических меньшинств в работу политических институтов принимающей страны, получение ими социально-экономических, политических или всей полноты гражданских прав. Последнее составляет главный предмет забот диаспоры в период приспособления к нормам политического участия в стране пребывания. В результате адаптации этническое меньшинство может либо полностью интегрироваться в принимающую гражданскую нацию, либо получить ту или иную степень автономии (этнотерриториальной или национально-культурной) в силу своего культурного своеобразия, либо отказаться от интеграции вообще и существовать в режиме политической изоляции, вызванной сопротивлением принудительной ассимиляции или добровольной сегрегацией.

Политической формой функционирования диаспоры является транснациональная сеть, состоящая из общин как специфических групп интересов в принимающих странах. Община в этом качестве включает в себя: группу давления, состоящую из актива этнического меньшинства, представители которого могут входить в правящий слой, имеют устойчивые связи в органах власти и управления, а также с политическими и государственными деятелями, партиями и организациями принимающей страны; ресурсы и активы для оказания политического давления и влияния в виде владения финансами, предприятиями, занятия социально-престижных ниш в системе разделения труда и в экономике страны пребывания; основную массу членов общины, которые могут быть мобилизованы для коллективных действий с целью донести позицию общины или

демонстрации протеста по той или иной касающейся ее проблемы. Общины могут оказывать разнообразную поддержку друг другу, привлекать на помощь государство исхода или принимающее государство для защиты своих интересов.

Община и диаспора в целом может выступать как агент влияния, использующий те же самые ресурсы, которые задействуются для оказания давления на власть принимающей страны. Однако община и ее организации могут быть проводником воздействия на власть в обоих направлениях – и от исторической родины, и от страны пребывания.

Специфика российской диаспоры в ближнем зарубежье заключается в том, что она относится к числу разделенных этнических групп, дисперсно проживающих на территории сопредельных с Россией новых независимых государств. Одновременно ее относят к типу имперских диаспор, возникновение которых вызвано политической катастрофой – распадом больших политико-территориальных образований, в результате которых иммигрировавшие прежде на имперскую периферию представители оказываются в иных социальных, культурных и прочих условиях проживания при появлении постсецессионных режимов в новых странах.

В связи с падением уровня жизни и понижением социального статуса российских соотечественников, обусловленного масштабными процессами деиндустриализации и свертывания высокотехнологичных производств в большинстве республик СНГ и Прибалтики после распада Советского Союза, диаспора стала приближаться к характеристикам диаспоры-пролетариата.

Российская диаспора в ближнем зарубежье – формирующаяся в рамках международного региона транснациональная общность, характеризующаяся процессом становления ее связей управления и межгрупповых коммуникаций, институтов, попытками сохранить свою идентичность в условиях навязываемой ассимиляции. Такие факторы диаспоры, как общность этнического самосознания, объединение общины в рамках определенной общественной и экономической организационной формы, особая связь со страной, рассматриваемой в качестве родины и отечества, пока еще вызревают. Так, этническое самосознание и солидарность развиты у активистов политических организаций соотечественников, однако практически отсутствуют у большинства русских. Сами русские недостаточно знакомы с деятельностью диаспоральных организаций

и объединений, и поэтому практически не используют доступный им организационный, информационный ресурс для решения своих бытовых, личных, семейных, общинных проблем.

Использование критериев форм, целей политического участия общины, стратегий принимающего государства в отношении диаспоры и типа политического режима страны пребывания позволяет выделить следующие модели участия диаспор в политических процессах внутри принимающих стран: лояльное участие, ориентированное на сохранение этнокультурного, этнополитического плюрализма, предоставление или обеспечение экономических прав диаспор государством пребывания; лояльное поведение, направленное на достижение этнокультурного, этнополитического плюрализма, предоставление или обеспечение экономических прав диаспор государством пребывания; протестное участие, ориентированное на достижение плюрализма в указанных выше аспектах и предоставление экономических прав для общин и их членов; протестное участие, импульсом к которому становится стремление защитить статус диаспоры, основанный на полноправии ее членов и принципах мультикультурализма.

Влияние этнических диаспор на процессы формирования и реализации внешней политики стран пребывания может осуществляться в нескольких формах.

Во-первых, в учете их позиции по международным делам, обеспечению национальной безопасности теми или иными политиками в ходе предвыборных кампаний, что обусловлено возможностью за счет этого привлечь голоса избирателей.

Во-вторых, в возможности ее представителей и выразителей интересов, принадлежащих к другим национальностям, занять те или иные посты в правительстве, органах исполнительной власти, стать членами соответствующих комитетов парламента, чья деятельность по разработке, принятию и реализации законов и иных нормативно-правовых актов связана с проблемами внешней политики страны пребывания и этнической родины. Нередко представители диаспор становятся советниками по внешнеполитическим вопросам при главах государств и правительств, министрами иностранных дел.

В-третьих, путем оказания прямого или косвенного давления на руководство страны пребывания, направленного на изменение в нужную сторону позиции государства по тому или иному вопросу из сферы международных дел.

Стремление повлиять на внешнюю политику страны пребывания в целом характерно для тех диаспор, которым уже

удалось адаптироваться к жизни в принимающем обществе и чьи права в различных сферах так или иначе обеспечиваются. Как правило, диаспоральные организации действуют в интересах этнической родины, лоббируя для нее оказание помощи финансового, дипломатического, военного характера.

Говоря о специфике участия диаспор во внешнеполитических процессах, следует отметить несколько особенностей поведения общин и их организаций. Диаспора, выступая в качестве группы интересов при продвижении своих собственных интересов в органах власти принимающего государства, в случае лоббирования национальных интересов страны исхода в международной сфере начинает играть роль агента своей этнической родины, становясь частью большой и весьма влиятельной группы давления. В нее включаются: политические организации диаспоры как лоббисты и медиаторы между принимающей страной и государством исхода; члены общины или диаспоральной сети, являющиеся ресурсом массовой поддержки действий данных организаций; финансовые и экономические институты диаспоры, обеспечивающие за счет своих возможностей деятельность общины; правительство страны исхода, разрабатывающее стратегию реализации национальных интересов в международной сфере и конкретно в каждой принимающей стране, а также нередко осуществляющее руководство процессом лоббирования; дипломатические, разведывательные возможности, военная, экономическая, финансовая, информационная мощь страны исхода, которая может потребоваться для оказания помощи диаспоре в принимающей стране в случае, если между ними возникнет конфликт; союзники в стране пребывания в лице политических и государственных деятелей (членов правительства, парламента), политических партий, организаций и движений.

Глава 2

РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ И ЕЕ РОЛЬ В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

2.1. Национальные интересы современной России в ближнем зарубежье: основные подходы к концептуальному осмыслению

Представляется, что необходимой и предварающей решение проблемы определения национальных интересов России в ближнем зарубежье является задача выявления исторической роли России, русского народа и его диаспоры на постсоветском пространстве. В ходе анализа данного вопроса сложились два основных подхода.

Первый из них рассматривает Россию и соотечественников в качестве ядра и диаспоры империи, каковой была большая Россия до 1917 г., а затем советская Россия и СССР после этого времени вплоть до 1992 г. Данная точка зрения и ее аргументация представлены в работах А.Г. Дугина⁷⁷. По его мнению, Россия никогда в своей истории не была моноэтническим государством или государством-нацией, но почти изначально формировалась как имперское государство.

Начиная с объединения славянских и угро-финских племен под Рюриком и до гигантских масштабов СССР и территорий под его влиянием, пишет Дугин, русский народ неуклонно шел по пути политической и пространственной интеграции, имперостроительства и цивилизационной экспансии.

При этом следует подчеркнуть, что русская экспансия имела именно цивилизационный смысл, и отнюдь не была утилитарной погоней за колониями или банальной борьбой за «жизненное пространство». Не нехватка этого «жизненного пространства» и не экономическая необходимость подвигала русский народ все более расширять свои границы на Восток, на

Юг, на Север, на Запад. Недостаток земли никогда не служил истинной причиной строительства русскими империи.

Русские расширялись как носители особой миссии, геополитическая проекция которой состояла в глубинном осознании необходимости объединения гигантских территорий евразийского материка.

В рамках данного подхода русские рассматриваются в качестве народа, несущего ответственность за политическую целостность и независимость евразийского пространства. По мнению Дугина, западные геополитики не случайно считали Россию главной сухопутной державой современности, которая наследует геополитическую миссию Рима, Империи Александра Великого, Чингисхана и т.д. Это «географическая ось истории», которая просто не может не осуществлять своего геополитического предназначения независимо от внешних и преходящих факторов.

По Дугину, русский народ есть народ-«имперостроитель», он настолько связан с геополитической реальностью, что само пространство, его переживание, его осознание, его духовное восприятие сформировало психологию народа, став одним из главнейших определений его идентичности, его сути. Русские – сухопутный, континентальный, северно-евразийский народ, при этом культурная специфика нации такова, что ее «душа» максимально предрасположена к «открытости», к осуществлению «интегрирующей» функции, к тонкому и глубинному процессу выработки особой материковой, евразийской общности. Не кровь, не раса, не административный контроль и даже не религия сделали из части восточных славян особую, ни с чем не сравнимую общность – русский народ. Его сделали именно бескрайние евразийские просторы и предельная культурная, душевная открытость. Под знаком «пространства и культуры» были переосмыслены и этнические, и политические, и этические, и религиозные аспекты. Русские сложились, развились и вызрели как нация именно в Империи, в героике ее построения, в подвигах ее защиты, в походах за ее расширение. Отказ от имперостроительной функции означает конец существования русского народа как исторической реальности, как цивилизационного явления. Такой отказ, по мнению видного российского геополитика, есть национальное самоубийство.

Сходные суждения высказывает и Д.Е. Фурман⁷⁸, размышлявший о специфике постсоветского пространства и его влиянии на роль России в интеграционных процессах в рамках

Содружества Независимых Государств. Самая базовая, самая фундаментальная (и одновременно – наиболее «лежащая на поверхности»), по мнению исследователя, характеристика нашего «пространства» заключается в том, что это пространство бывшего СССР, но сам СССР возник на территории бывшей Российской империи, русского государства, постепенно расширявшегося по своему периметру за счет своих слабых соседей. «Постсоветское пространство» – это бывшее «советское пространство», а оно, в свою очередь, – бывшее «имперское пространство». И это единственный объективный признак, позволяющий такое пространство очертить. Связи возникших на нем государств многообразны и тесны, но источник этих связей один: пребывание в Российской империи и СССР и разные последствия этого пребывания. По всем прочим характеристикам ламаистская Бурятия не может входить в одну общность с расположенными далеко от нее протестантской Эстонией и шиитским Азербайджаном.

Факт пребывания в империи и СССР создал это пространство, отмечает Фурман, определил его границы, и он же определил его устойчивые «структурные характеристики». Каждая империя – уникальное образование. Российская империя также обладала множеством уникальных черт. В частности, она была образованием «компактным», в котором присоединенные территории не были расположены за морями и океанами в разных частях света, как в колониальных империях, созданных западноевропейскими державами, а непосредственно примыкали к государственному «ядру», собственно России, образуя ее «окраины». При этом «ядро» было достаточно «тяжелым»: русские составляли около половины населения, и русские земли занимали более половины территории, «окраины» же – предельно «пестрыми», заселенными множеством небольших и очень разных народов. Эту же организацию – тяжелое русское «ядро» и пеструю периферию – унаследовал от Российской империи и СССР. Сохраняется она и сейчас, поскольку мы рассматриваем «постсоветское пространство» как единое целое и поскольку оно в значительной мере таким целым и является на деле.

Как бы политически и юридически ни было оформлено это пространство (империя, СССР, СНГ и др.), считает Фурман, что бы на нем ни происходило, это, по сути своей, пространство большой России, являвшейся «ядром» империи, и расположенных по ее периметру маленьких и гетерогенных окраин, ранее в Россию входивших (или продолжающих входить). Но

ясно, что подобным генезису и устойчивой организации нашего пространства должны соответствовать и устойчивые характеристики отношений на нем, упомянутый выше «коридор возможностей» происходящих там событий и процессов.

Очень распространенное сравнение постсоветского мира с Западной Европой, постоянно используемое сторонниками интеграции («все объединяются, а мы разъединяемся, все разрушают барьеры, а мы их создаем»), полагает Фурман, не учитывает принципиально разную организацию наших пространств. Интеграция Западной Европы – это не интеграция вокруг мощного национального центра, который является вдобавок центром бывшей империи. Это интеграция вокруг Брюсселя и Страсбурга, а не вокруг Берлина или Парижа. Это интеграция относительно «равновесных» стран (Германия, Франция, Англия, Италия), при которой маленькие страны могут найти свое «место» в «пространстве между ними», не опасаясь подчинения и поглощения. С нашим пространством можно сравнивать не пространство Западной Европы, а скорее, какое-нибудь гипотетическое «пространство вокруг Германии» – допустим, Германия плюс Люксембург, Австрия и Чехия. И, наконец, это интеграция, неизмеримо более близких культурно, чем страны «постсоветского пространства».

На этом пространстве, считает Фурман, интеграция западноевропейского типа неизбежно будет наталкиваться, во-первых, на реальную «разновесность» наших стран, делающую установление между ними равноправных отношений таким же сложным делом, как налаживание равноправных отношений Гулливера и лилипутов или слона и мосек (ситуация союза, в котором один голос имеет Россия и один – Эстония или Белоруссия, представляется «противоестественной» и нестабильной); во-вторых, такая интеграция будет наталкиваться на наследие прошлого, старые привычки. Разное прошлое и разное соотношение сил в группах государств предполагают различные устойчивые «психологические структуры» политических отношений между ними, и психологическая структура нашего «пространства» очень отлична от западноевропейской и неизмеримо более сложна и конфликтогенна. Сама природа этого пространства (особенности его генезиса и соотношения сил на нем) предполагает со стороны России привычку к доминированию, страх других республик перед бывшим хозяином, который продолжает быть очень сильным соседом, обостренное самолюбие бывших подчиненных, не до конца освободившихся

от своего «комплекса подчиненности», возможности для них эксплуатировать в своих интересах желание России сохранить союз и свою роль в нем, а при дальнейшем изменении соотношения сил не в пользу России – стремление припомнить ей прошлые обиды и показать прежнему «хозяину», что он уже никакой не хозяин. Все это – слишком естественные, слишком человеческие (хотя и не очень хорошие) чувства и стремления, целиком вытекающие из нашей ситуации, чтобы их можно было избежать (можно лишь свести их к «приличному» минимуму). И все это делает интеграцию на нашем пространстве по типу западноевропейской практически невозможной. Единственная интеграция, по мнению Фурмана, которая здесь может иметь место, – это восстановление роли России как ядра, центра, главы объединения, «хозяина пространства», т.е. объединение «вокруг России»: слабых – вокруг сильного, периферии вокруг центра, бывших подданных, ставших затем младшими братьями, – вокруг старшего брата⁷⁹.

Иного подхода придерживается Н. Исингарин, указывающий на обусловленную дезинтеграцией СССР трансформацию роли России на евразийском пространстве. По его мнению, главной специфической характеристикой формирования интеграционных процессов на постсоветском пространстве является особая, но не гегемонистская роль России.

Не вдаваясь подробно в исторический экскурс, исследователь отмечает, что на протяжении многих столетий Русь, а затем Россия были центром объединительного процесса, охватывавшего громадное пространство Евразии с проживавшими на нем сотнями разных народов и наций. Естественно и то, что этот процесс был сложным, неоднозначным, со многими вариантами – от мирных присоединений до кровопролитных военных завоеваний новых земель и народов путем уничтожения государственности и свободы достаточно развитых стран.

Н. Исингарин⁸⁰ полемизирует с З. Бжезинским, дающим следующую оценку исторической роли России на той части Евразии, где распространялось ее влияние. По мнению американского геополитика, на протяжении практически всей своей истории Россия была одновременно инструментом и территориальной экспансии, и экономического развития. Российское государство преднамеренно не представляло себя чисто национальным инструментом, как это принято в западноевропейской традиции, но полагало себя исполнителем специальной наднациональной миссии, с «русской идеей», разнообразно

определенной в религиозных, геополитических или идеологических рамках. Теперь же в этой миссии России было внезапно отказано, когда государство уменьшилось территориально до, главным образом, этнической величины⁸¹.

Не соглашаясь с подобной трактовкой истории, Исингарин отмечает, что уже в своих дальнейших рассуждениях Бжезинский не столь категоричен в том, что потенциальная роль России в событиях мирового значения на постсоветском пространстве исчерпана. Напротив, многое в политическом и экономическом миропостроении зависит от нее.

Несмотря на распад СССР, Россия, по мнению исследователя, по своей политической значимости и влиянию на ход дел в мире, в том числе и в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН, что накладывает на нее повышенную ответственность, бесспорно, останется одной из великих держав. Помимо геополитического положения и наличия ядерного вооружения, к основным признакам, позволяющим в современных условиях считать Россию великой державой, относятся ее потенциальные возможности и перспективы в области демографии, ресурсного обеспечения, высокого научно-технического потенциала и ряде других. Эти факторы, а также наличие в ее недрах практически всех видов сырья и ресурсов, объективно делают Россию одним из важнейших мировых центров.

В целом, по своему глобально-историческому положению Россия, утверждает Исингарин, остается как опорой Содружества, так и формирующегося экономического Сообщества, его региональных организаций. Россия – это половина населения и более 60% суммарного национального дохода СНГ.

Занимая лидирующее положение в реформировании экономики, обладая самым емким рынком и сравнительно более устойчивой валютой, Россия, констатирует Исингарин, своими действиями зачастую оказывает решающее влияние на развитие ситуации в Содружестве. При сохраняющейся взаимозависимости и прозрачных границах любые решения российских властей откликаются усиленным эхом – от «шоковой» терапии и обмена денежных купюр до удавшейся или неудавшейся приватизации. Поэтому великая Россия вынуждена считаться с новым положением, новым построением общественно-политических отношений с бывшими союзными республиками. Эта ситуация требует и научного анализа, и выработки соответствующей времени политики действия со стороны России в отношении новых государств постсоветского пространства,

признанных равноправными членами мирового сообщества. На протяжении всех лет после распада Союза и образования Содружества российское общество, политики и ученые, экономисты и историки, члены правительств и лидеры партий ищут ответы на эти жизненно важные для всех вопросы. И у нас есть своя позиция, своя точка зрения на происходящие процессы и на перспективу развития.

В проблеме взаимоотношений России и стран СНГ Исингарин выделяет несколько составляющих аспектов: глобально-политический; экономический; общественно-социальный; гуманитарно-культурный. Органическая взаимосвязь общественно-исторической жизни России и новых независимых государств, народов, их населяющих – глубока. И при желании этот перечень можно расширить. В последние годы, однако, сложился несколько упрощенный взгляд на эту многовековую глубинную связь: Россия, якобы, является центром, ведущим захватническую политику, это организующая сила Империи, а потом и Советского Союза; союзные же республики – ведомые национальные окраины, смирившиеся за столетия со своей судьбой, подавленные Центром, лишённые прав и возможностей.

Однако, предупреждает исследователь, следует иметь в виду и ряд других обстоятельств. Россия не только формировала и была доминирующей царской силой, а затем и силой советской империи, она, к тому же, подтягивала до своего экономического, научно-технического уровня отставшие в развитии национально-территориальные образования, формировала в республиках культурно-гуманитарный аспект развития, приобщая сама, приобщала народы всей империи к достижениям мировой цивилизации, несла свою ношу ответственности за настоящее и будущее народов, которые она, Россия, втянула в орбиту своего влияния. Да, отношения между Россией и новыми независимыми государствами должны строиться на уровне равноправных субъектов международных взаимоотношений, но их взаимосвязь базируется на глубоких, имеющих значимые исторические корни основополагающих принципах.

В этих условиях, с точки зрения Исингарина, Россия должна была приоритетно сконцентрировать свои внешнеполитические усилия на отношениях с недавно образовавшимися независимыми государствами, получившими название «ближнее зарубежье», поскольку все они остались привязанными к России экономическими и политическими реалиями, создали

партнерское содружество, опираясь на поддержку мировой державы.

По общеполитическим и геостратегическим соображениям Россия не может дистанцироваться от событий, происходящих в странах Содружества. Ее позиция в мире во многом оценивается способностью служить мостом, связывающим Европу и Азию, оказывать стабилизирующее влияние на положение дел в странах СНГ. Самоизоляция нанесла бы явный ущерб как международному авторитету, так и национальной безопасности Российской Федерации. Исключение России из региона в равной степени нежелательно и неосуществимо, как и раздувание противоречий между новыми государствами этого региона и Россией. Действительно, активное экономическое участие России в развитии региона является существенно важным для стабильности в этой зоне, а наличие России в качестве именно партнера, а не исключительного господина, также может принести существенные экономические выгоды. Большая стабильность и возросшее благосостояние в рамках региона непосредственно послужили бы благополучию России и придали бы истинное значение Содружеству⁸².

Рассматривая аргументацию сторонников различных подходов к определению исторической роли России на евразийском пространстве, следует согласиться с указанием на имперский характер миссии нашей страны и формы организации данного пространства в прошлом. Вместе с тем, нельзя не учитывать и те обстоятельства, которые возникли в ходе и после распада Советского Союза, – во-первых, утрату многими соотечественниками своего самосознания как имперской диаспоры и, во-вторых, нежелание практически большинства республик, входящих в СНГ, интегрироваться с Российской Федерацией политически, соглашаясь лишь на создание объединений экономического, финансового характера и для обеспечения коллективной безопасности.

Что касается первого из упомянутых обстоятельств, то, как справедливо отмечает И.В.Данилин⁸³, в советский период у русских, обитавших на территории союзных республик, был весьма своеобразный опыт культурно-языковой адаптации к окружающему этническому большинству. Этот опыт формировался большей частью на основе общесоветской культурно-информационной системы, функционировавшей на базе русского языка. Особо важное значение имело то обстоятельство, что как в Российской империи, так и в СССР русские

являлись государствообразующей нацией, становым хребтом, соединяющим многие народы, территории, конфессии в огромное единое государство. Громадные территории расселения, широкое распространение русского языка в качестве языка межнационального общения и другие факторы способствовали совершенно особому самоощущению русских как нации. У них интенсивнее, чем у других народов, формировалось представление о СССР в целом как о единой родине всех населяющих его народов. Им в существенно меньшей мере, чем для многих других народов бывшего СССР, было характерно ощущение этнонациональной территории (в качестве таковой рассматривалась, как правило, вся территория СССР) и ее границ.

Однако распад СССР и вызванные им широкомасштабные пертурбации социального, экономического, геополитического, этнополитического, психологического и иного характера, считает Данилин, нанесли серьезный удар по национальному самосознанию русского народа и его особенностям, сложившимся в «имперскую» эпоху. Во второй раз за историю XX в. (после распада Российской империи в 1917 г.) огромная масса русского народа, составляющая более чем пятую часть всего русского населения бывшего СССР (свыше 25 млн. чел.), оказалась отделенной новыми государственными границами от своего основного этнического ядра. Десятки миллионов русских и русскоязычных, идентифицировавших себя с огромным и могущественным государством, как бы неожиданно оказались в странах «ближнего» или «нового» зарубежья в непривычном для себя положении национального меньшинства. Более того, в некоторых новых независимых государствах их теперь рассматривали в качестве потенциальной угрозы национальным интересам и национальной безопасности.

Одновременно с «имперским» самоощущением для многих русских в национальных республиках Данилин отмечает, что к концу советского периода характерным было и диаметрально противоположное мироощущение, своего рода регионализм, впрочем, также вытекавший (пусть и неосознанно) из «имперских» установок. Привыкнув к привилегированному положению или, во всяком случае, к высокому социальному статусу в национальных республиках, многие русские полагали, что разделение страны никак не скажется на их статусе и экономическом положении и даже напротив приведет к росту благосостояния. Ради этого, в их представлениях, можно было бы пожертвовать и ролью государствообразующего народа. Исходя из того факта, что в ряде советских республик, прежде

всего прибалтийских, жизненный уровень населения был заметно выше среднесоюзных показателей, эта часть русского населения связывала с суверенизацией надежды на улучшение своего материального положения. Предполагалось, что русские смогут быстро адаптироваться к новым условиям, получат новое гражданство или в худшем случае вид на жительство. При этом часть данной группы, как представляется, просто не осознавала возможных последствий подобного решения, во многом, видимо, подсознательно надеясь на сохранение некоего общего культурно-информационного пространства бывшего СССР, где либерально-демократические («как на Западе») ценности обеспечили бы сохранение связей с исторической Родиной и национально-культурные права русских. Данные иллюзии, очевидно, стали прямым следствием исторического опыта русского народа, не привыкшего мыслить в категории разделенного народа или диаспоры и не обладавшего навыками диаспорального существования.

Прямым следствием вышеописанных установок, заключает Данилин, стало то, что, как ни парадоксально, распад СССР и образование на месте бывших советских республик новых суверенных государств первоначально не вызвали особого беспокойства у значительных групп русского и русскоязычного населения, проживавших в западных республиках бывшего СССР. Более того, на референдумах по вопросу о независимости соответствующих стран значительная часть русских проголосовала «за». Однако постсоветские реалии оказались гораздо жестче, чем предполагалось. Вскоре стало очевидно, что существенно переоценивался демократический потенциал социально-политических сил и национальных движений, выступавших за отделение от СССР и создание независимых национальных государств. Во многих республиках нередко под флером демократической риторики скрывались этнократические притязания националистических сил, которые аргументами о защите национальной культуры, национально-исторических традиций, языка и самой национальной идентичности оправдывали вытеснение русского и русскоязычного населения из различных сфер жизни. Эта тенденция особенно отчетливо проявилась в прибалтийских государствах, кичащихся своей приверженностью европейским ценностям, нормам и принципам демократии, правового государства и гражданского общества.

По мнению Данилина, русское и русскоязычное население стран нового зарубежья и самой России остро ощутило произо-

шедшие изменения, что привело к потере в кратчайшие сроки обоих основополагающих психологических «якорей» национального самосознания: «имперского» мышления и надежд на улучшение жизни. Это наложило совершенно определенный отпечаток как на положение русских и русскоязычных в новых независимых государствах, так и на формирование идентичности и менталитета разделенного народа. Как результат, отмечено повсеместное нарастание психологического дискомфорта. Имеют место сбои в социальных ценностях, чувство отчужденности от этнокультурного и социального окружения, нарастание тревоги относительно возможностей достижения психологической адаптации к нему и т.д. По мере ужесточения этнической политики новых независимых государств все более необратимым становился процесс эрозии господствовавших в советский период стереотипов межнациональных отношений. Неожиданным и резким оказался разрыв культурных и родственных связей с Россией. Неприятие россиянами положения национального меньшинства усугублялись проявлениями национализма на государственном и бытовом уровне, ущемлением прав русских и русскоязычных жителей при решении кадровых вопросов, порой откровенным произволом административных и правоохранительных органов на местах и т.д.⁸⁴

На второе обстоятельство указывает Н. Исингарин. Он отмечает сохранение у ряда общественных и политических деятелей РФ представлений о необходимости сохранения и в дальнейшем доминирующей роли России в ближнем зарубежье. Так, он приводит февральский 1995г. Указ Президента РФ «Об утверждении стратегического курса Российской Федерации с государствами-участниками Содружества Независимых Государств», в котором приоритетом для России провозглашено создание «интегрированного экономически и политически объединения государств». Как полагает исследователь, даже на уровне государственной политики нет ясно выраженного отказа от попыток «сплотить» в той или иной форме «Союз нерушимый республик свободных». И это, с точки зрения Исингарина, настраивает определенным образом политические элиты новых независимых государств, усматривающие за многими, даже жизненно необходимыми интеграционными действиями России, попытку возврата к централизации власти, диктату из Москвы.

Исингарин характеризует как настораживающие элиты новых независимых государств высказывания известных

российских политиков и ученых-политологов: Г.Зюганова, призывающего возродить на территории СССР новое союзное государство мирным путем во избежание «деградации и колониального будущего»; В. Хачатурова, полагающего необходимым создание нового союза, притягательного для всех стран, желающих в него войти; С. КОРТУНОВА, видящего в качестве оптимального пути в будущее постепенную трансформацию всего постсоветского пространства в экономически и политически интегрированное объединение демократических государств (по принципу «Соединенных Штатов Евразии»), способное гарантировать в этом гигантском регионе-материке политическую и экономическую стабильность, и являющееся одновременно своего рода межцивилизационным «плавильным котлом»; В. ИВАНОВА, полагающего в качестве стратегической задачи интеграции в СНГ создание конфедеративного сообщества.

Данные подходы, отмечает Исингарин, вызывают ответную негативную реакцию глав государств. По мнению А. Акаева, бывшего президента Киргизии, «Кыргызстан очень осторожно относится к форсированию событий, не приемлет искусственного ускорения интеграционных процессов. Ни в какие конфедерации мы не пойдем – я заявляю это со всей ответственностью. Интеграционным процессам мешают именно крайности – как неприятие любых форм многостороннего сотрудничества, с одной стороны, так и неумное желание в один миг создать в угоду сиюминутным политическим интересам нечто очень далекое от реальности – с другой стороны». Н. Назарбаев считает, что «лозунги восстановления СССР, содержащие угрозу национальному суверенитету, еще больше отделяют наши страны друг от друга. Независимо от воли и желания консервативных сил суверенитет – это реальность. Ни одно государство не поступится им. Силовая интеграция может резко изменить внешнеполитические ориентиры наших государств и направить вектор интеграционных усилий вне пространства СНГ. Истинные сторонники интеграции, использующие эту идею не в целях политической рекламы, сегодня осознают, что процесс цивилизованной, прогрессивной интеграции должен идти параллельно и даже дополнять укрепление национального суверенитета государств. Такая интеграция является синонимом стабильности и безопасности. Об этом говорит и опыт Европы, Северной Америки». Подобной позиции, констатирует Исингарин, придерживаются все без исключения руководители новых независимых государств⁸⁵.

Учитывая отмеченные обстоятельства, России необходимо переосмыслить свою роль на данном этапе трансформации евразийского пространства, определить свои национальные интересы в иной, нежели имперская риторика, форме – в форме осознанных потребностей и приоритетов нации-государства, пока еще сохраняющего определенные позиции ядра СНГ. В этой связи исследователями высказываются идеи прагматического характера.

Так, по мнению А.Г. Арбатова, интересы России в ближнем зарубежье разнообразны и отличаются от одних республик к другим, что обусловлено их принадлежностью к разным регионам евроазиатского континента.

Вне зависимости от отношения к роспуску Союза в декабре 1991 г., от значимости специфических отношений России с бывшими «братскими республиками», последние, считает Арбатов, перестали быть особой группой соседних стран, являясь государствами соответствующих примыкающих к России и очень разных регионов, с каждым из которых связаны ее специфические проблемы и интересы. Они становятся все более важными по сравнению с общими для всех «постимперскими» вопросами. Не вызывает сомнений, например, что отношения с Финляндией и Китаем совершенно разные, хотя обе страны имеют с Россией длинную общую границу и в прошлом входили в сферу российского (советского) господства.

Таким же образом, считает Арбатов, необходимо оценивать отношения России с республиками Балтии, Украиной, Молдавией, а в будущем, возможно, и с Белоруссией – это важнейшая часть ее политики в регионе Центральной и Восточной Европы, а во многом – и более широкой стратегии в североатлантической зоне. Взаимодействие Москвы со странами Закавказья и Центральной Азии являются сложнейшим и обширным комплексом проблем черноморско-каспийской зоны, неотъемлемым от политики балканских стран, Украины, Турции, Ирана, Пакистана, Индии, Китая, от событий в Афганистане и все более активной линии США и других держав Запада.

К сожалению, полагает Арбатов, осознание этой новой реальности все еще подавлено комплексом «постсоветского пространства» Москвы, в какой бы форме он ни выражался: в маразматических идеях возрождения СССР или Российской империи, в рефлексиях по поводу вины перед поработоченными в прошлом народами, в непропеченных доктринах «всеобъемлющей» или «разносторонней интеграции» в рамках СНГ или

в безразличном игнорировании прежних «советских родичей» ради новых богатых патронов на Западе. Во всем этом отсутствует главное: реалистическая (в отличие от узко-прагматической) оценка нынешних и перспективных экономических, политических, военных и гуманитарных интересов новой России, соотнесение ее конкретных целей и возможностей, вернее цены, которую она готова ради этих целей заплатить. Оргструктура и огромный ворох соглашений СНГ, из которых мало какие выполняются, служат наглядным пособием для изучения несостоятельности российской политики в этой ключевой, возможно, самой важной области.

Как заключает Арбатов, если отделаться от постимперского синдрома, то станет ясно, что от различных республик бывшего СССР России нужно совершенно разного. В одних случаях – это реальная экономическая интеграция (если есть совместимость по уровню развития и законодательной базе, взаимодополняемость хозяйственных систем); в других – торговля, участие в освоении природных ресурсов, использование коммуникаций; в-третьих, – общие интересы безопасности, совместная охрана границ и правопорядка, поддержание военных баз и объектов вне России. В иных случаях особо остро стоит вопрос о предотвращении или разрешении этнических и конфессиональных конфликтов, проведении миротворческих операций, защите прав национальных меньшинств. С некоторыми соседями более важны темы урегулирования вопросов гражданства, собственности и миграции. Зачастую приходится иметь дело с комплексом таких интересов, причем достижения целей России в одной области требует жертв и затрат в другой. К тому же приходится учитывать интересы и возможности держав «дальнего зарубежья» в каждом конкретном регионе⁸⁶.

Н. Исингарин, определяя интересы РФ, напротив, исходит из представления о постсоветском пространстве как исторически сложившемся самостоятельном регионе, ядром которого выступает Россия в ее нынешних границах. По мнению исследователя, имеется ряд объективных обстоятельств, побуждающих Россию к активному экономическому интеграционному сотрудничеству со странами Содружества. Это продиктовано, во-первых, глубокими интеграционными связями, территориальной специализацией, разветвленной кооперацией на уровне предприятий и отраслей. Российские производители нуждаются в емком, практически гарантированном и относительно непритязательном рынке сбыта своей продукции, которая

пока неконкурентоспособна на мировом рынке. Поэтому даже временная утрата Россией своих позиций на рынках стран СНГ может оказаться необратимой, вследствие торговой и особенно инвестиционной экспансии со стороны третьих стран.

Во-вторых, для России все еще имеет большое значение доступ к огромным и уникальным сырьевым ресурсам, которыми располагают бывшие союзные республики (Казахстан, Украина, Узбекистан) и вокруг которых уже разворачивается и, можно предположить, будет обостряться конкурентная борьба со стороны развитых стран мира. С распадом СССР за границами России оказались месторождения многих цветных металлов и редкоземельных элементов (марганец, титан, хром, свинец, фосфор, уран, барий, висмут, стронций и др.), которые на 70–100% удовлетворяли потребности российской экономики, и которые крайне необходимы современному производству.

В-третьих, без взаимодействия с государствами ближнего зарубежья невозможно обеспечить перевозки российских внешнеторговых грузов в третьи страны. Большинство пограничных железнодорожных и автомобильных переходов, трубопроводов, морских портов, ориентированных на Европу, теперь находятся в ведении новых государств. До $\frac{2}{3}$ морского грузооборота России осуществляется через не принадлежащие ей порты. Нарушение транзитных коммуникаций может обернуться для России большими потерями. Создание собственных выходных портов и коммуникаций на сегодняшнем этапе – дело весьма дорогостоящее⁸⁷.

Приведенные точки зрения и представленные в них подходы содержат в себе ряд рациональных предложений и суждений.

С одной стороны, можно согласиться с Арбатовым в том, что Россия должна переходить и де-факто уже переходит к прагматическим принципам сотрудничества и, говоря шире, взаимодействия со странами ближнего зарубежья, основой которых становятся экономические интересы страны и ее бизнеса, крупных корпораций топливно-энергетического комплекса, оборонной промышленности, авиа- и ракетостроения и т.д. Данный подход оправдан также потому, что сами новые независимые государства, их элиты и население ориентируются именно на использование возможностей России в той или иной сфере для удовлетворения своих потребностей, манипулируя транспортной, технологической, инфраструктурной зависимостью российской экономики, энергетики, военной организации и иных систем жизнеобеспечения в своих целях, иногда идущих вразрез с интересами РФ.

С другой стороны, Россия и государства ближнего зарубежья пока еще образуют один общий регион, связанный единой инфраструктурой, хотя степень интенсивности, комплексности и достигнутые уровни отношений между ними различаются от одной страны к другой. Так, если наиболее развитыми считаются межгосударственные отношения России и Белоруссии, вступивших в союз друг с другом и вместе состоящих в экономических организациях и организациях по обеспечению международной безопасности, то наименее развитыми следует считать отношения РФ со странами Балтии, к планке которых постепенно приближаются связи с Украиной, Грузией, другими членами ГУАМ.

Как справедливо указывает Н. Исингарин, следует учитывать нежелание, а порой и сопротивление бывших советских республик тем инициативам Российской Федерации, которые заключаются в образовании наднациональных структур в СНГ и других правительственных организациях на постсоветском пространстве с приданием им политических функций принятия решений, обязательных к исполнению всеми участниками международных объединений.

В то же время воссоздание нового Советского Союза в форме конфедерации или федерации не в интересах и самой России, поскольку весьма вероятно, что груз социально-экономической ответственности за жизнь граждан 12 государств ляжет не только на их правительства, но и на плечи нашей страны как своеобразная плата за их лояльность. Поэтому общность экономических интересов и совместная деятельность по их реализации в форме межгосударственного сотрудничества и договоров национальных корпораций определяют сектора действительно взаимовыгодного взаимодействия и выступают в качестве прагматической основы отношений России и стран ближнего зарубежья.

В данной связи возникает проблема выбора модели взаимодействия между Россией в ее нынешних границах и с учетом ее особой роли и странами ближнего зарубежья, обретшими независимость. От получения ответа на данный вопрос зависит, какую роль может сыграть российская диаспора в реализации интересов страны исхода в принимающих государствах.

Если рассматривать существующие формы отношений великих держав и их окружения или сателлитов в различных сферах сотрудничества – экономической, финансовой, военной, политической, то можно выделить следующие модели взаимодействия между ними.

Первая модель представляет собой отношения Центра, метрополии и регионов периферии в рамках территориальной исторической империи. Связи сторон в рамках данного формата – это административное подчинение, автономии, унии, протектораты. Уровни отношений, степень их жесткости, интенсивности и развития у разных территориальных единиц с Центром могут существенно отличаться, главное, что объединяет метрополию и периферию – это принятие ими на себя взаимных обязательств по реализации интересов друг друга. Если имперский Центр берет на себя гарантии безопасности и экономические преференции для региона периферии, то последний обеспечивает метрополию гарантированными же ресурсами, доступом к транспортным коммуникациям, рынкам сбыта товаров ядра и т.п. Роль мигрировавшего на периферию населения метрополии, территориального ядра империи состоит в освоении и закреплении этих земель в составе страны, их удержания за нею. Поэтому, как показывает российский исторический опыт, в ходе освоения территорий задачи первого его этапа решают войска и гражданская администрация, а на втором и последующих этапах в дело вступают выходцы из сельской местности, купечества и промышленности, привлекая новые регионы к Центру экономически.

Вторая модель – колониальные империи, появление которых определялось развитием капитализма в метрополиях, потребностями вывоза капитала, закрепления гарантированных рынков сбыта их товаров в завоеванных или захваченных иным путем владениях. Этапы экспансии в данном случае аналогичны фазам расширения территории у исторических империй, мигрировавшее из ядра империи военное и гражданское население образует силовой контингент, аппарат управления, филиалы компаний и обслуживающий их персонал. После получения независимости колониями они составляют бывшую имперскую диаспору.

Третья модель – модель единого государства, связи в котором могут быть административно-территориальными, унифицирующими или федеративными. Целью государственного Центра становится уже не просто использование входящих в состав страны территорий в своих интересах, а выравнивание социально-экономического и культурного развития, обеспечение политической стабильности и достижение максимальной интеграции различных регионов. Соответственно, задача мигрирующего в неосвоенные или слабо освоенные районы

страны населения – работников сельского хозяйства, рабочих, научно-технической интеллигенции, учителей, врачей и медицинских работников – состоит в обеспечении «поднятия» бывших окраин до уровня жизни в ядре государства. Наглядным примером здесь служит региональная политика Советского Союза и современного Китая применительно к его автономным районам.

Четвертая модель заключается в формировании на территории нескольких государств интеграционного объединения, где не обязательно наличие лишь одной ведущей державы. Так, например, в Евросоюзе такие государства представлены Германией, обеспечившей экономическую и финансовую мощь данного объединения, и Францией, более сильной в военно-политическом плане. Их дуумвират и образует ядро Европейского союза. При формальном политическом равенстве участников главным параметром влияния региональной державы-лидера является наличие значимых позиций в финансово-экономической сфере. Здесь особая роль этнической диаспоры или мигрантов из региональной державы отсутствует, основное значение имеет экспансия капитала и образование асимметричных экономических, технологических и прочих связей со средними и малыми государствами.

Пятая модель – формирование сферы интересов, сферы жизненного пространства или нетерриториальной империи, которая сочетает характеристики колониальной империи и интеграционного объединения.

На глобальном уровне подобная система-конгломерат военно-политических союзов, многосторонних или двусторонних экономических объединений нашла свое воплощение в виде американской империи во главе с США. Подлинные интересы США носят преимущественно экономический, а не политический характер; это государство выступает крупнейшим в мире потребителем различных ресурсов, что и диктует необходимость образования такой системы с помощью механизмов глобализации. Свое влияние Соединенные Штаты закрепляют за счет функционирования сети военных баз, управления мировой финансовой системой, технологической зависимостью и контролем за транспортными коммуникациями в море, на земле (нефте- и газопроводы), в околоземном пространстве (военное превосходство в космосе, наличие крупнейшей спутниковой группировки)⁸⁸. Важнейшую роль в данной системе играют транснациональные корпорации. По замечанию Э.Г. Кочетова,

это хозяйствующие субъекты, формирующие мировой доход, часть которого через американскую систему налогообложения поступает в бюджет США и позволяет реализовывать программы развития технологической базы, вооруженных сил и других факторов мощи глобальной супердержавы⁸⁹. Поэтому в странах и регионах, входящих в американскую сферу интересов, США не стремятся опереться на диаспору как таковую. Роль этнических диаспор, проживающих в Соединенных Штатах, заключается в их использовании правительством США для поддержания контактов и реализации национальных интересов в странах исхода – американских сателлитах.

На региональном уровне, в соответствии с данными принципами, КНР структурирует так называемое пространство «Большого Китая». Интересами КНР в данном случае выступают снабжение всеми видами необходимых для экономического развития страны ресурсов – энергетическим, минеральным сырьем, финансами и инвестициями, продовольствием, прогрессивными методами ведения экономической деятельности, менеджмента, достижениями передовой науки, технологиями и т.д. Как отмечает А.Ф. Клименко, КНР формирует свой интеграционный центр, свой полюс через концепцию «Большого Китая». Глобализация по-китайски, по словам ряда авторитетных экспертов, направлена на интеграцию с Гонконгом, Тайванем, Макао, Сингапуром. Мощь такого образования, базирующаяся на экономике стран с преобладанием китайской группы, подкрепляется доминирующими политическими позициями в них этнических китайцев. К концу XX в. выходцы из Китая, составляя 10% населения Таиланда, контролировали половину его производства, в Малайзии (при 30%) – всю экономику страны. На Филиппинах, где китайцев не более одного процента, они контролируют до 35% промышленного производства, а в Индонезии это соотношение составляет 3% к 70%. Экономические связи между китайскими общинами этих стран интенсивно развиваются. Численность этнических китайцев за рубежом КНР оценивается в 50 млн. человек, а общая стоимость принадлежащих им 500 ведущих предприятий составляет около 540 млрд. долл. «Большой Китай» может вырасти в новую мировую сверхдержаву, которая при существующих темпах роста ВВП уже в ближайшие десятилетия оставит позади и Евросоюз, и США⁹⁰. Из приведенных оценок достаточно хорошо видна значимая роль хауцяо в экономическом развитии своей этнической родины и формировании вокруг нее региона.

Для удержания «Большого Китая» под контролем КНР власти последней предпринимают усилия по наращиванию своей военной мощи, которую планируется использовать для защиты стратегических границ и жизненного пространства страны и вытеснения за эти пределы конкурентов – других великих держав. Прежде всего, планируется развивать военно-морской флот для проецирования силы на всю акваторию Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей в пределах Филиппинских островов и острова Рюкю, а затем и на Тихий океан вплоть до Гуама⁹¹.

Принимая во внимание прагматический характер внешнеполитического курса РФ, можно прийти к заключению, что для нашего государства в современных условиях наиболее предпочтительна модель сферы интересов, тем более что формально регион Содружества Независимых Государств в этом качестве и рассматривается российским руководством, начиная с Б.Н.Ельцина. В виду разнородной интеграции России и ее союзников и стратегических партнеров по СНГ, обусловленной различными уровнями экономического развития бывших союзных республик, частичным совпадением их интересов с российскими, воссоздание единого государства стало бы непосильной задачей для всех потенциальных участников этого процесса. Создание территориальной и колониальной империй стало бы возвращением к уже отжившим формам организации политического и экономического пространств, а синхронные интеграционные процессы, как показала вся новейшая история, тормозятся под различными предложениями членами СНГ.

Поэтому в качестве реализуемой альтернативы остается формирование сферы интересов РФ в ближнем зарубежье. Но для этого необходимо усиление роли России как ядра такой системы путем повышения влияния на элиты бывших союзных республик, проведения переговоров об использовании в СНГ российского рубля в качестве резервной валюты, укрепления сети военных баз в ключевых районах и республиках Содружества, получения и усиления контроля над транспортными магистралями в сфере энергетики и перевозки товаров, подключения заинтересованных экономических субъектов к отечественной спутниковой связи и навигационной системе ГЛОНАСС, развития военно-космических сил и средств. Сегодня Российское государство только переходит к таким формам контроля, не связанным с необходимостью удержания территории и требующимися для этого значительными людскими ресурсами.

В связи с этим обстоятельством российская диаспора в ближнем зарубежье могла бы стать союзником РФ в реализации модели сферы интересов в регионе СНГ. Конкретная роль диаспоры в этом будет рассмотрена нами в следующих параграфах.

Помимо экономической сферы, интересы России, связанные с ближним зарубежьем, присутствуют и в сфере обеспечения ее национальной безопасности и безопасности ее союзников и партнеров по Содружеству. Как отмечается в Военной доктрине РФ, Россия заинтересована в недопущении появления в непосредственной близости от своих границ иностранных военных баз и крупных воинских контингентов. В интересах России нейтрализация международного терроризма и экстремизма, поддержание региональной стабильности и предупреждение конфликтов вблизи государственной границы РФ и внешних границ государств-участников СНГ. Приоритетом Российской Федерации является проведение совместной с Республикой Беларусь оборонной политики, координация с ней деятельности в области военного строительства, развития вооруженных сил государств-участников Союзного государства, использование военной инфраструктуры, принятие других мер по поддержанию обороноспособности Союзного государства. Россия придает приоритетное значение укреплению системы коллективной безопасности в рамках СНГ на основе развития и укрепления Договора о коллективной безопасности, куда помимо нее входят Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Белоруссия и Армения⁹².

Реализация данных интересов и приоритетов во многом зависит от складывающихся отношений России со странами ближнего зарубежья в сфере обороны и безопасности.

Если отношения с прибалтийскими государствами ныне вполне определены в силу принадлежности Латвии, Литвы и Эстонии к Европейскому Союзу и его военным организациям, а также членства этих стран в Североатлантическом альянсе, цели которого лишь частично совпадают с российскими интересами в сфере международной безопасности, то подобное трудно говорить о характере связей и взаимодействии РФ с участниками СНГ.

С одной стороны, в последние годы расширился и укрепился круг друзей и союзников России. К их числу с известными оговорками можно отнести 6 стран⁹³. Это государства, входящие в ОДКБ. Среди них наиболее высокая степень общности интересов у РФ проявляется в отношениях с Белоруссией,

Арменией, Таджикистаном и Киргизией. Россия имеет меньшее влияние на Казахстан и Узбекистан, и эти государства в меньшей степени формируют свою политику, исходя из учета российских интересов в ближнем зарубежье. Между тем, их военный потенциал пока еще сильно зависит от взаимовыгодного сотрудничества с Россией.

Однако по-прежнему сохраняются большие проблемы, связанные с образованием двумя странами Союзного государства. Экономика и правовые системы обоих государств сближаются очень медленно и при формуле «сохранения суверенитета», на которой настаивает белорусская сторона, вряд ли будут сильно интегрированы. До неопределенного времени отложено введение единой валюты Союзного государства. Вот уже 6 лет обсуждается, но не решается вопрос формирования единой с Белоруссией системы противовоздушной обороны и т.п. Хотя реально интеграция в военной сфере, похоже, достигнута. Формируя с Минском общее оборонное пространство, Москва по-прежнему будет субсидировать Белоруссию в области соответствующих расходов. В бюджете Союзного государства (его на две трети субсидирует РФ) 13% предполагается затратить на военно-техническое сотрудничество, правоохранительную деятельность и безопасность. При этом весь военный бюджет Беларуси в 2008 г. составил немногим более 680 млн. долл.

Одним из важных и основных союзников России пока остается и Казахстан. Между тем, в последнее время руководство этой страны пытается проводить политику, не всегда учитывающую российские интересы. Казахстанские военнослужащие принимают участие в действиях воинского контингента в Ираке. США и другие страны НАТО помогают Казахстану вооружаться, при этом Пентагон дает деньги для создания военной инфраструктуры Казахстана на Каспии. Астана по сравнению с 2006г. удвоила свои расходы на оборону, хотя в относительном виде они по-прежнему остаются на уровне чуть более 1% от ВВП. В Казахстане активными темпами идет перевооружение армии. Это стало возможным за счет быстрого роста его экономики. Действия России в отношении с этой страной могут заключаться в том, чтобы не дать Астане попасть в военно-техническую зависимость от НАТО, и, в частности, развивать со странами Запада и США активное сотрудничество в этой области.

В области борьбы с терроризмом Россия и другие страны Содружества регулярно проводят антитеррористические учения,

на постоянной основе в СНГ действует совместный Антитеррористический центр, государства обмениваются опытом борьбы с данного рода угрозами их безопасности.

Реализация модели сферы интересов применительно к взаимодействию России и стран СНГ в сфере международной безопасности и обороны предполагает предоставление РФ гарантий безопасности новым независимым государствам, защиты их суверенитета и территориальной целостности.

Помимо указанных выше приоритетов, согласно Концепции национальной безопасности и Концепции внешней политики нашей страны, в ближнем зарубежье, равно как и в других регионах мира, интересы России также заключаются во всесторонней защите прав и интересов российских граждан и соотечественников, а также в содействии позитивному восприятию Российской Федерации в соседних государствах, популяризации в них русского языка и культуры народов России⁹⁴. Деятельность на этом направлении заключается в развитии сети культурных центров, организации и финансировании конкретных мероприятий с участием общинных организаций в условиях растущего у соотечественников и граждан новых независимых государств дефицита информации об общественно-политических процессах в РФ, обусловленного ограничением телерадиовещания и доставки прессы из нашей страны.

2.2. Особенности современной российской диаспоры в ближнем зарубежье как субъекта политических процессов внутри- и наднационального уровней

Говоря о диаспоре как о потенциальном субъекте международных отношений и мировой политики, мы рассматриваем ее в качестве международной неправительственной организации⁹⁵. Они отличаются от государств преследуемыми целями – номинально это не реализация национальных интересов стран их пребывания или исхода, а собственные цели экономического, правового, социокультурного характера, объединившие общины той или иной этнической группы на национальном, региональном или глобальном уровне. Диаспоральные международные организации образуются учредителями – объединениями общин одного народа, расположенными в разных странах мира. Деятельность диаспоральных организаций нередко сопряжена с необходимостью вторжения во внутренние дела стран пребывания для защиты прав соотечест-

венников, продвижения своих интересов, что обуславливает использование ими различных форм и способов давления на государственную власть, часто за счет мобилизации представителей своего этноса или международного общественного мнения. Таким образом, международные диаспоральные организации приобретают статус международных групп давления.

Характеризуя российскую диаспору в странах СНГ и Прибалтики как потенциального субъекта (актора) политических процессов национального и международного уровней, приходится констатировать, что к настоящему времени в большинстве бывших советских республик общины российских соотечественников еще не сформировались в качестве полноценных политических субъектов. Этому препятствует, прежде всего, разрозненность, слабая и недостаточная координация деятельности диаспоральных организаций внутри республик и между республиками СНГ и Балтии, инертность, недостаточное мотивирование к отстаиванию своих прав политическими средствами. В некоторых случаях наблюдается инкорпорирование лидеров и руководителей движений и организаций соотечественников в политическую элиту стран постсоветского пространства, ведущее к отказу первых от защиты интересов соотечественников и переходу к политике «соглашательства» с этнократическими режимами.

Ситуация до последних двух-трех лет охарактеризована в работе Н.В. Калининой⁹⁶: «Несмотря на высокий удельный вес соотечественников в общей массе населения государств СНГ, их реальное влияние на политическую, экономическую, культурную и общественную жизнь своих стран, возможности отстаивания своих прав весьма невысоки. Причина – в разобщенности, отсутствии консолидации российской диаспоры (по некоторым оценкам, общественные структуры объединяют не более 3–5% русскоязычного населения стран проживания). Как полагает председатель Русского Совета Украины, председатель Украинского общества русской культуры «Русь», член Совета соотечественников при Госдуме России В. Ермолова, в сравнении с другими меньшинствами русские менее всего склонны к самоорганизации и интегрированию. А если учесть типичные для общественных организаций разобщенность, несогласованность действий, взаимные противоречия и конфронтации, становится понятным, почему так незаметна роль русских в строительстве гражданского общества, как мала эта роль в реализации этнокультурных и образовательно-информационных потребностей, в отстаивании своих прав».

Причины нынешней разобщенности российской диаспоры проистекают также из политических и экономических реалий стран проживания соотечественников. Разъединяют диаспору не только экономические интересы, но и политические пристрастия ее лидеров, отдельных общественных структур. Есть объединения, тяготеющие к левым силам, есть центристские, правые и т.д.⁹⁷ Организации различаются степенью охвата соотечественников: существуют как региональные организации, действующие в городе или области, так и республиканские. Существуют организации, объединяющие, например, любителей русской поэзии, и общереспубликанские общины и движения, выступающие с программами защиты прав своих членов в широком спектре. На конец 2010 года База данных Института стран СНГ⁹⁸ включает сведения о 552 организациях российских соотечественников в государствах постсоветского пространства.

В Беларуси действуют 18 организаций, 2 крупнейшие из них общереспубликанского уровня: Белорусское общественное объединение «Русь», Республиканское общественное объединение «Русское общество». Деятельность организаций соотечественников координирует Координационный совет руководителей белорусских общественных объединений российских соотечественников, в который входят представители 10 крупнейших организаций.

На Украине функционируют 107 организаций (25 из них – в Крыму). 7 объединений имеют всеукраинский статус, 4 – общекрымский. Большинство объединений соотечественников поддержали на выборах 2009 года президента В.Януковича и Партию Регионов, обещавших решить наиболее острый «русский вопрос»: придать официальный статус русскому языку, хотя бы на региональном уровне. Год, прошедший после смены президента, разочаровал многих соотечественников, поскольку обещания не выполняются. В этой связи многие соотечественники ставят вопрос о создании новой политической силы, которая бы взяла на свои знамена «русские» лозунги. Наряду со старейшими организациями, такими, как «Русская община Украины» (год создания – март 1993 года), Русская община Крыма (октябрь 1993 года), Конгресс русских общин Крыма (июнь 1995 года), набирает силу недавно созданная Всеукраинская общественная организация «Правозащитное Общественное Движение «Русскоязычная Украина» (июль 2009 года), которая ставит своими целями: защиту прав, свобод и законных

интересов русскоязычных граждан Украины и представителей национальных меньшинств; обеспечение государственного статуса русскому языку, в соответствии с его ролью и местом в обществе; развитие русского языка и культуры, как языка и культуры коренного населения Украины. Создан Координационный совет организаций соотечественников.

Из 43 общественных организаций соотечественников в Молдове 5 имеют общереспубликанский статус, крупнейшие из них: Русская община Республики Молдова (июнь 1993 год), Конгресс русских общин Молдовы (декабрь 1997 года). Действует страновой Координационный совет.

Объединения российской диаспоры в Приднестровье действуют самостоятельно от правобережной Молдавии. В Приднестровье насчитывается 7 организаций российских соотечественников, объединяющей их организацией является Союз русских общин Приднестровья, образованный в 2001 году.

В Азербайджане насчитывается 16 организаций соотечественников, крупнейшей является Русская община Азербайджана (апрель 1993 года), председатель которой является депутатом парламента республики. Активны в республике организации лезгин (Лезгинский национальный центр «Самур») и татар (татарский культурный центр «Туган-Тел»). Создан страновой координационный совет.

В Армении российские соотечественники имеют 17 общественных объединений, 2 из них имеют общеармянский статус.

Объединения соотечественников в Грузии насчитывают 25 организаций. Координационный совет соотечественников Грузии с 2001 года, ведет работу по консолидации русскоязычных организаций.

В Казахстане, где заявлено 37 организаций, четыре имеют филиалы по всей республике. Это Республиканское общественное славянское движение «Лад» (сентябрь 1992 года) с 11 областными филиалами, Русская община Казахстана (сентябрь 1992 года), Казахстанская ассоциация учителей русской школы (август 1995 года). Организации казачества функционируют в Западно-Казахстанской, Акмолинской, Кокчетавской, Северо-Казахстанской, Алма-Атинской, Талды-Курганской, Павлодарской, Восточно-Казахстанской, Джембульской областях. Действуют Ассоциация русских, славянских и казачьих организаций. Создан и работает страновой координационный совет. Председатель его является также председателем Всемирного координационного совета российских соотечественников.

В Киргизии действуют 25 организаций соотечественников: культурные общества и ассоциации этнических русских – «Славянская диаспора», «Содружество». Крупной организацией соотечественников является Славянский фонд, включающий 4 районных и городских отделения. Создан страновой координационный совет.

В Таджикистане из 9 организаций соотечественников старейшей является Русская община Республики Таджикистан (март 1992 года). Несмотря на продолжающийся выезд русских потребность в общественной поддержке остается. В 2004 году в Душанбе создана организация Совет российских соотечественников Таджикистана, целью которой заявлены: защита прав российских соотечественников в РТ в области образования, культуры, информации; забота о ветеранах ВОВ, детях соотечественников, сохранение культуры российских этносов.

В Узбекистане есть 5 общественных объединений российских соотечественников, крупнейшее и старейшее из них – Русский культурный центр (март 1994 года), в составе которого находятся 6 областных и 12 районных отделений. В декабре 2005 года создан Координационный совет объединений российских соотечественников Узбекистана.

В Туркмении какие-либо организации, имеющие этническую окраску, законодательно запрещены. Из республики давно вытеснены активисты, ставившие вопросы защиты русскоязычного населения.

Российские соотечественники в Прибалтийских республиках проявляют высокую общественную активность. В Латвии насчитывается 94 организации, в Литве – 101, в Эстонии – 44. Во всех трех республиках созданы страновые координационные советы. Наибольшего политического успеха добились соотечественники в Латвии: они имеют депутата в Европарламенте, избранного по списку организации «За права человека в единой Латвии».

Данные организации и координационные структуры могут послужить базисом для дальнейшей консолидации российской диаспоры в странах СНГ. Задача консолидации, от решения которой зависит настоящее и будущее русского зарубежного мира, в последние годы выдвинулась на первый план среди направлений поддержки Российской Федерацией российских соотечественников⁹⁹.

Существующая сегодня раздробленность не позволяет российской общине адекватно осознавать и отстаивать свои

этнокультурные, социально-экономические и политические права, выступать в качестве полноценного партнера в диалоге с исторической родиной. Преодоление разногласий и консолидация соотечественников – основа формирования полноценной российской диаспоры за рубежом.

Взаимодействие с российскими зарубежными общинами, поддержка и защита прав соотечественников, проживающих за рубежом, обозначены в качестве национальных приоритетов России. Это положение зафиксировано в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 12 июля 2008 года. Оно идет в русле диаспоральной политики цивилизованных стран, стремящихся укрепить общее этнокультурное пространство страны и зарубежной диаспоры, создавая устойчивую систему взаимосвязей, в том числе и в сфере международных отношений.

Решение задачи единения Русского мира позволит создать полноценную российскую диаспору, устойчивую к ассимиляции, объединенную исторической памятью, языком, национальной, культурной, религиозной и цивилизационной идентичностью. Именно такая диаспора сможет служить эффективной опорой и союзником России.

Еще одним параметром, характеризующим политическую субъектность российской диаспоры, является содержание деятельности организаций соотечественников в ближнем зарубежье. Оно связано преимущественно с вопросами русской культуры, языка и образования, социальной сферой. Если говорить о политической активности в защиту своих прав и по отстаиванию своих интересов в новых независимых государствах, то ранее она выражалась (а в ряде стран и до сих пор выражается) преимущественно в апатичном поведении, лояльности к власти и поддержке ее политического курса, однако в 2000-е годы она все больше смещается в сторону протеста. Участие в избирательных кампаниях (за исключением Латвии) в основном ограничивается примыканием к какому-либо избирательному объединению или блоку.

Важным фактором, влияющим на выбор формы политического участия, является численность российской диаспоры в той или иной стране. Значимый и значительный удельный вес соотечественников в численности населения того или иного нового независимого государства определяет, существует ли возможность массовой политической мобилизации диаспоры

на митинговую активность, использования этого ресурса для оказания давления на власть. Здесь уместно привести оценки демографического потенциала диаспоры, данные И.В. Данилиным: «Если говорить о странах Средней Азии, то здесь, за исключением Казахстана, наблюдаются выраженные тенденции постепенной полной дезинтеграции русской общины. Резкое падение социального статуса и не улучшающееся экономическое положение привели к отъезду в Россию и страны дальнего зарубежья наиболее деятельной части русских и русскоязычных. В странах же проживания остались либо малоимущие (в том числе представители неквалифицированного труда), либо люди старшего возраста. Причем обеим категориям в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств присуща сравнительно невысокая социальная и географическая мобильность. Сложившееся положение обуславливает невозможность возникновения в этих государствах сильных и влиятельных русских диаспор. Ведь обычно диаспора формируется при активном участии интеллигенции или политических и духовных лидеров и этнических «антрепренеров», а наиболее деятельной ее частью являются лица трудоспособного возраста (условно – 18-60 лет). Как становится очевидным даже при беглом ознакомлении с тенденциями русской эмиграции из большинства среднеазиатских государств, рассчитывать на формирование там дееспособной и значимой диаспоры не приходится. Впрочем, в таких государствах, как Киргизия или Узбекистан, возможно временное усиление позиций русских в жизни государства – в основном за счет улучшения динамики двусторонних отношений с Россией.

Несколько лучшая, хотя и во многом схожая ситуация, наблюдается в закавказских государствах, за исключением Армении. В последней русское население практически исчезло и говорить о перспективах диаспоры и о диаспоре как таковой крайне сложно. В Грузии же и Азербайджане наблюдается институционализация русской общины (в Азербайджане даже более выраженная), однако ее перспективы за счет малочисленности, с одной стороны, и ее возрастного состава, с другой, крайне туманны.

При этом важно отметить, что из-за сложного экономического положения, политики национальных государств и т.п. факторов стимулы к пролонгации существующих тенденций в сфере эмиграции русского населения из стран Средней Азии и Закавказья сохраняются и по сей день.

Показатели эмиграции из стран Балтии, напротив, демонстрируют, что даже при наличии выраженных, хотя и не столь значимых темпах «репатриации» русских, впрочем, не сравнимых с аналогичными показателями стран Закавказья и Средней Азии, здесь все же сохраняется выраженный демографический, интеллектуальный и культурный потенциал для формирования диаспорального сообщества. Аналогичные соображения можно высказать и в отношении Украины и Казахстана, тем более, что «пул» русского населения, пригодного для формирования диаспоры, здесь гораздо шире.

Что касается русского сообщества в Молдове, то здесь, как и в Украине и Беларуси, при снижении процента русского населения, русские и русскоязычные сохраняют довольно существенный интеллектуальный, социально-экономический и демографический потенциал диаспорального строительства. Многое при этом будет зависеть от решения судьбы Приднестровья, где русские в этнонациональной структуре занимают второе после украинцев место, вместе с украинцами занимают ключевые позиции в политической и экономической жизни региона и являются более организованной, чем на Левобережье, силой»¹⁰⁰.

Исходя из данных демографических показателей, можно прийти к выводу о том, что массовая политическая мобилизация соотечественников возможна и имеет смысл в таких странах, как Украина, Казахстан, Молдова, Эстония, Латвия, в то же время она бесперспективна в большинстве среднеазиатских республик и в Закавказье.

Помимо численности, фактором политической субъектности служит и идентичность российской диаспоры. Как известно, фактор диаспоральной идентичности является одним из главных условий ее устойчивости, сохранения ее этнокультурного своеобразия, ее отличия от титульного населения республик СНГ и Прибалтики, наличия специфических социальных потребностей в широком их понимании как у этнического меньшинства или одного из государствообразующих народов той или иной страны.

Основными проблемами русских диаспор (без учета государственной политики стран проживания) остается их экономическая слабость, отсутствие поддержки и использования диаспоральных механизмов со стороны представителей русских деловых кругов стран проживания. В целом ряде стран существенный дезорганизующий момент вносит разобщенность и противоречия между ее лидерами.

Кроме того, как уже отмечалось, мешает формированию эффективных инструментов диаспоры незавершенность процесса кристаллизации диаспорального сознания в среде русских общин, в том числе низкий уровень консолидации самого русского населения новых независимых государств. Последнее представляется принципиальным моментом, учитывая, что консолидированность этнического меньшинства необходима для эффективности функционирования институтов диаспоры. Как представляется, в огромной мере успех и жизнеспособность русской и русскоязычной диаспоры будет зависеть от способности русских сообществ преодолеть данные сложности, встав на путь формирования эффективных социальных структур»¹⁰¹.

Рассмотренные выше факторы оказывают влияние и на представительство интересов соотечественников в государствах ближнего зарубежья. Говоря в целом, подобное представительство часто носит формальный характер, при котором лица русской национальности либо лица, относимые к числу соотечественников, занимающие должности в парламентах, органах исполнительной власти, в региональном, местном управлении и самоуправлении, не являются и не связаны с субъектами выражения интересов русского и нетитульного русскоязычного населения республик. Они не обладают развитым этническим самосознанием, не проявляют высокую активность в связи с реализацией интересов диаспоральных общин и организаций, хотя при этом могут входить в качестве премьеров, министров и их заместителей в состав правительств (Казахстан, Украина, Молдавия), возглавлять областные администрации и советы, органы местного управления (областные и городские акиматы в Акмолинской, Кустанайской областях, городах Зыряновск, Лисаковск, Степногорск в Казахстане; областные, городские и районные администрации в Правобережной Украине), быть депутатами органов законодательной власти (ряд республик СНГ и Прибалтики). Во многом данная ситуация объясняется тем, что ни в одном из новых независимых государств нет четкой, а значит и реально функционирующей системы представительства этнических интересов¹⁰². Общей тенденцией в практике представительства этнических интересов в странах СНГ и Прибалтики становится сохранение ее дискриминационного характера, уменьшение числа соотечественников, занимающих важные позиции в государственном аппарате этих республик.

Анализ политического участия диаспор в странах ближнего зарубежья показывает, что основной его формой, дающей, по

крайней мере, минимальные результаты, является неконвенциональное участие, выражающееся в различных протестных движениях и акциях. Поводом к активизации общин соотечественников становится ущемление, ограничение или попрание их прав в сфере культуры, образования, изучения и использования русского языка, получения информации на нем, нередко протесты вызываются ограничением политических прав.

Протестная активность в прибалтийских государствах нашла свое воплощение в митингах в защиту этнокультурных прав русскоязычных общин, захоронений павших в годы Великой отечественной войны (наиболее известна акция против переноса памятника Воину-освободителю на площади Тынисмяги в Таллине 25 марта 2007 г.)¹⁰³, проводимых общественной организацией «Ночной Дозор», против реформы образовательной системы и перевода ее на латышский язык, закрытия русских школ в городах и сельской местности Латвии в 2003–2004 гг., обеспечивавшиеся Координационным советом общественных организаций, политическим объединением «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ) и созданным ими Штабом защиты русских школ, организовавшим акции протеста¹⁰⁴. ЗаПЧЕЛ и ее союзники по Координационному совету обеспечивали не только собственно протестные мероприятия, но и направление петиций, обращений к руководству Латвии и Евросоюза.

Основными формами активности на Украине в недавнем прошлом служили: митинги протеста против принудительной украинизации телевидения и радиовещания, кинопроката в русскоязычных регионах Украины¹⁰⁵, вступления и членства этого государства в Североатлантическом альянсе, дискриминации русского населения, несоблюдения в Украине и Крыму конституционных и социальных прав граждан.

Организаторами и участниками митингов являются политические партии и общественные организации Украины и Крыма, сотни тысяч граждан: Партия регионов, Русская община Крыма, Партия «Русский блок», Партия «Союз», Прогрессивная социалистическая партия Украины, Российская община Севастополя, севастопольская организация «Русский выбор», региональные организации Социал-демократической партии (объединенной), Коммунистической партии, Социалистической партии Украины, «Народной оппозиции», депутаты Верховного Совета Крыма, Киевсовета и местных советов Крыма и Севастополя, казаки Крымского объединенного казачества и Крымского казачьего союза, население автономии, Киева,

Харькова, Днепропетровска, Донецка, Луганска, Одессы, Запорожья¹⁰⁶.

Говоря о результативности протестной активности, следует отметить, что даже при прежней администрации, когда защита этнокультурных прав не приносила каких-либо изменений в законодательстве и практике его реализации Украины, направленных на их гарантирование, то защита суверенитета и статуса нейтральной державы привела к тому, что на саммите НАТО, проходившем 2–4 апреля 2008 г. в Бухаресте, Украина не получила приглашение к участию в выполнении Плана действий по членству в НАТО (решение по данному вопросу было отложено), а на самой Украине больше половины граждан высказывались против вступления в этот военно-политический блок¹⁰⁷.

Что же касается конвенционального участия политических партий и организаций соотечественников в ближнем зарубежье, то в основном его результативность приближается к нулевой отметке, что обусловлено несколькими причинами: проблемами в формировании единой политической партии, представлявшей бы интересы общин российской диаспоры, неспособностью получить необходимый для работы в парламентах процент голосов избирателей, создание республиканскими властями непрямым путем препятствий для самоорганизации и политической консолидации общин, формирования их дееспособных объединенных организаций.

Общей тенденцией в большинстве стран ближнего зарубежья является стремление властных элит получить контроль над политическими и общественными организациями российской диаспоры, превратить их в «карманные» структуры, послушные их воле. Такова политическая практика в Казахстане, во всех прибалтийских государствах, в Закавказье, Средней Азии.

Также не приходится пока говорить о российской диаспоре в ближнем зарубежье как о субъекте политических процессов международного уровня. Как считает И.В. Данилин: «Попытки создания наднациональных сетевых органов русской диаспоры (широко известный Конгресс русских общин, конгресс соотечественников и т.п.) пока успехом не увенчались, хотя тенденция, которая к тому же находит общую поддержку у российского руководства, налицо. Пока что ее развитие тормозится неоднозначной и порой противоречивой политикой РФ, различиями в условиях функционирования и разницей

интересов различных русских общин, внутренним соперничеством за главенство в структуре русской диаспоры в СНГ и т.п. факторами»¹⁰⁸.

Данное положение дел связано с отсутствием международной организации российских соотечественников или их органа, координирующего деятельность партий и движений, иного рода структур отдельных стран СНГ и Прибалтики на наднациональном уровне. Существующие международные организации и форматы взаимодействия типа Координационного совета российских соотечественников, Всемирного конгресса соотечественников и конференций в своей деятельности ориентированы на решение проблем российской диаспоры за рубежом вообще, а не только на постсоветском пространстве, и не ставят политических задач. Вместе с тем, наличие целого ряда общих для объединений соотечественников в ближнем зарубежье проблем культурного, социально-экономического и политического характера, особые интересы России в странах СНГ и Балтии в области обеспечения ее национальной безопасности, экономического развития, энергетики дают основания для создания самостоятельной международной организации соотечественников в этих государствах, которая не только защищала бы их права, но и способствовала бы реализации целей внешней политики РФ.

Общины и организации диаспоры в новых независимых государствах не стали и проводниками политики России в ближнем зарубежье. По данным опроса, приведенного в своей работе О.А. Савченко, лишь треть респондентов назвала в качестве одной из основных форм взаимодействия российских посольств с диаспорой использование ее возможностей для лоббирования национальных интересов России в странах СНГ и Балтии, отметив, что пока объединения диаспоры находятся в стадии организационного и финансового становления. В то же время анализ программных установок объединений российской диаспоры в новом зарубежье показывает, что есть тенденция к росту организаций, декларирующих осуществление политического, экономического и культурного сотрудничества как одну из основных целей. Вопрос в том, кто из заинтересованных сторон (Россия или страна проживания) сумеет организационно и финансово поддержать лоббистские устремления части диаспорных объединений и, соответственно, использовать их возможности для реализации своих национальных интересов. Тем не менее, представляется насущно необходимым обсуж-

дение вопроса о законодательном закреплении возможности использования потенциала российской диаспоры для развития двусторонних межгосударственных отношений¹⁰⁹.

Важным аспектом проблемы использования потенциала диаспоры в продвижении российских интересов является формирование в ближнем зарубежье полноценных групп влияния, включавших бы в себя в качестве основных компонентов организации российских соотечественников, федеральные органы исполнительной власти России и союзников общин в ближнем зарубежье в лице политических партий, организаций и движений, членов парламентов и правительств новых независимых государств. Следует отметить, что почти все участники такого «треугольника» обладают необходимым потенциалом для оказания давления и влияния на власть. Речь идет о Российском государстве, его отдельных институтах и структурах формирования политики и управления в сфере отношений с соотечественниками, существуют и поддерживающие российскую диаспору политические партии и движения левой и центристской частей политического спектра, например, на Украине. Однако основная сложность заключается в слабом потенциале лоббирования российских интересов у российской диаспоры, ее организаций.

Это, во-первых, выражается в немногочисленном составе диаспоральных политических партий и организаций, он обычно составляет цифры до 1 тыс. чел. или от 1,5 до 3,5 тыс. чел. Активность большинства из них разворачивается лишь на региональном уровне, в административно-территориальных центрах и других крупных городах. А для эффективного лоббирования, напротив, необходимо опираться на диаспоральные объединения с разветвленной системой отделений по всей стране пребывания, а также в ее столице.

Во-вторых, практически отсутствуют диаспоральные организации, основной функцией которых являлось бы лоббирование интересов общин или страны исхода – России. Деятельность общественно-политических объединений направлена лишь на расширение политических прав русского населения, реализацию правозащитных функций.

В-третьих, экономические возможности для давления на власть в новых независимых государствах незначительны и недостаточны. Причиной этого являются неразвитость экономических институтов диаспоры, небольшая деловая активность, нежелание предпринимателей из среды соотечест-

венников вступать в конфликты или любые противоречия с этнократиями, ограничиваясь лишь лоббированием своих собственных или групповых интересов в местных парламентах и правительствах.

Отсюда вытекает и недостаточное финансирование диаспоральных организаций в ближнем зарубежье, которые не могут эффективно действовать, опираясь лишь на помощь в виде взносов их членов, находящихся в сложном материальном положении. Финансирование мероприятий по продвижению российских интересов со стороны РФ осложнено не решенной еще проблемой контроля над надлежащим использованием средств, предотвращением нецелевого расходования получающими их организациями. Слабость финансово-экономической базы ограничивает и объединительные процессы в среде российской диаспоры в ближнем зарубежье, препятствуя становлению крупных объединений сетевых организаций районного и регионального масштаба.

Еще одной проблемой, связанной с трансформацией диаспоры в полноценный политический субъект в странах ближнего зарубежья, является вопрос об участии Российского государства в ее становлении. Такое участие фактически имеет место, начиная с 1995 г., когда Министерство РФ по делам национальностей и другие федеральные органы исполнительной власти предпринимали безуспешные попытки организовать координационный совет русских общественных организаций в масштабах Закавказского региона, окончившиеся безрезультатно. Российские посольства и иные заграничные учреждения, как уже говорилось выше, принимали участие в формировании координационных советов соотечественников в Азербайджане и Молдове в 2000 г. Целенаправленной работой с организациями россиян занимался Совет соотечественников при Госдуме России, созданный в 1995 году. Он формировался по представлению Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками на срок полномочий одного созыва Думы. На его заседаниях рассматривались как общие вопросы выработки и проведения государственной политики в отношении соотечественников, так и конкретные стороны политического и экономического положения россиян, касающиеся, в частности, массовых нарушений прав русского населения в Казахстане, дискриминации языковых и образовательных прав русского населения Украины и др. Совет соотечественников проработал в трех созывах Государственной Думы. В IV и V созыве – работа Совета не во-

зобновилась. Отдельные государственные деятели, например, С.Н. Бабурин участвовали в попытках объединить многочисленные русские и русскоязычные общественные организации в рамках Крымской автономной республики¹¹⁰. В настоящее время Комиссия Правительства РФ по делам соотечественников и Департамент по работе с соотечественниками МИД России как ее секретариат оказывает разнообразную помощь в организационном становлении российской диаспоры.

Таким образом, отечественный опыт подтверждает настоятельную необходимость содействия со стороны Российской Федерации в формировании международной организации диаспоры. Все неудачи, которые нередко приходилось терпеть при решении данной проблемы на разных уровнях, связаны со слабой сплоченностью самого русского населения за рубежом.

2.3. Консолидация русских соотечественников – важнейший фактор становления эффективной диаспоры

Существующая сегодня раздробленность не позволяет российской общине адекватно осознавать и отстаивать свои этнокультурные, социально-экономические и политические права, выступать в качестве полноценного партнера в диалоге с исторической родиной. Преодоление разногласий и консолидация соотечественников – основа формирования полноценной российской диаспоры за рубежом.

Взаимодействие с российскими зарубежными общинами, поддержка и защита прав соотечественников, проживающих за рубежом, обозначены в качестве национальных приоритетов России. Это положение зафиксировано в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 12 июля 2008 года¹¹¹. Оно идет в русле диаспоральной политики цивилизованных стран, стремящихся укрепить общее этнокультурное пространство страны и зарубежной диаспоры, создавая устойчивую систему взаимосвязей, в том числе и в сфере международных отношений.

Решение задачи единения Русского мира позволит создать полноценную российскую диаспору, устойчивую к ассимиляции, объединенную исторической памятью, языком, национальной, культурной, религиозной и цивилизационной идентичностью. Именно такая диаспора сможет служить эффективной опорой и союзником России.

В диссертационной работе А.В. Чепурина¹¹² исследован процесс консолидации российских соотечественников, как комплексная проблема от решения которой зависит настоящее и будущее русского зарубежного мира.

Попытки консолидации российских соотечественников, проживающих за рубежом, имеют глубокие корни, но только поддержание позитивных связей с исторической родиной позволяет зарубежной общине наладить устойчивую диаспоральную жизнь. Политическими предпосылками консолидации российских соотечественников за рубежом явились новые политические реалии, которые сложились в России после 1991 года. Без тесного взаимодействия с исторической родиной не может быть долговременной и продуктивной консолидации. Это показали и безуспешные попытки консолидации российских соотечественников за рубежом, предпринятые в 20–40-е годы прошлого столетия представителями «первой советской волны» русской эмиграции.

Базовой предпосылкой консолидации российских соотечественников за рубежом является неприятие ассимиляции, стремление сохранить этнокультурную самобытность, защита политических, экономических и гуманитарных прав, установление диаспоральных связей, взаимодействие на базе общих ценностей и целей.

Перспективы процесса консолидации российских соотечественников во многом зависят от способности сохранить свою этнокультурную и цивилизационную идентичность, в т.ч. через выполнение экономических функций, политическое представительство в институтах власти стран проживания, лоббирование в них своих интересов и интересов исторической родины. Особое значение при этом имеют две базовые предпосылки – способность к самоорганизации (консолидации), которая позволяет диаспоре функционировать длительное время, защищая свои этнокультурные интересы, и возможность поддерживать тесные отношения с исторической родиной, оказывая порой, серьезное влияние на самосознание коренного народа стран проживания.

Отдельного рассмотрения заслуживает 20 миллионная постсоветская российская диаспора, состоящая из граждан бывшего СССР, относящих себя к национальностям, исторически проживающим на территории Российской Федерации, в основном русских, которые никуда не эмигрировали, а проживали там, где их застал процесс дезинтеграции страны.

Миллионы русских, россиян, оказавшихся в 90-е годы на территории бывших советских республик, не могли представить свое существование без сохранения самых тесных связей с исторической родиной, да и сама Россия не могла уйти ни от моральной ответственности за их судьбы, ни от проблем, возникших у них в одночасье с распадом СССР.

Отягощенное собственными экономическими трудностями в 90-е годы, российское руководство «раскачивалось» и колебалось прежде, чем политика в отношении соотечественников была объявлена одним из приоритетных направлений внешней политики России. Изменились в последние годы и сами российские общины, представляющие собой сложные, динамично изменяющиеся образования. Наступило определенное «привыкание» к новой жизни, во многих странах произошла адаптация соотечественников к местным условиям.

В то же время в ряде стран наблюдается продолжение линии на вытеснение россиян из ключевых сфер общественной жизни, а в известных случаях – прямое нарушение их законных прав и интересов. Достаточно вспомнить феномен «негражданства» в Эстонии и Латвии, крайне низкую представленность соотечественников в органах власти даже в тех странах, где их численность составляет 20-30% населения.

При этом речь идет как о законодательных, так и исполнительных органах власти, как о центральных, так и о региональных, муниципальных структурах. Это относится де-факто к большинству стран ближнего зарубежья и является тем ключевым моментом, который, собственно, и определяет необходимость защищать этнополитические интересы россиян. Интересы, кстати, вполне законные, так как в бюджеты ими платятся налоги, исполняются другие гражданские обязанности.

Консолидированным должен быть подход соотечественников к любым проявлениям ущемления статуса русского языка или попыткам ограничения сферы его применения и распространения. Особо нетерпимое положение в этой сфере складывается в некоторых странах СНГ и Прибалтики. К примеру, в Эстонии русский язык объявлен иностранным. Его запрещено употреблять в госучреждениях, бизнесмены не могут заключать на нем деловые сделки. Передачи на русском языке на радио и ТВ не могут превышать по объему 10% от общего эфирного времени. Школ с преподаванием на русском языке не хватает, но при этом они все равно закрываются каждый год или в них

сокращается время обучения на русском. Схожая ситуация сложилась и в Латвии.

Тенденция к наступлению на статус русского языка прослеживается и в ряде стран СНГ. Сегодня на законодательном уровне русский язык имеет адекватный статус лишь в Белоруссии и Абхазии, где он – второй государственный язык, а также в Киргизии, Южной Осетии, где он конституционно объявлен официальным. В Казахстане также декларируется официальное употребление русского языка наравне с государственным в органах власти всех уровней. Однако и в случаях нормативного закрепления использования русского языка в официальной сфере реальная языковая политика в Казахстане и в последнее время – в Киргизии направлена на вытеснение русского языка из официального оборота, что остро переживается нашими соотечественниками.

В ряде стран Прибалтики и СНГ под плотный гребень дискриминации попадает и российское этнокультурное пространство, традиции, обычаи, историческая память, цивилизационная основа русского мира.

Несмотря на все различия между диаспорами и их проблемами сохранение и развитие этнокультурного пространства является одним из важных способов преодоления разорванности междиаспоральных связей, обеспечения взаимодействия между различными слоями и категориями российской общины.

В плане создания условий для обеспечения устойчивого будущего российской общины, ее воспроизводства и развития ключевое значение имеет работа с детьми и молодежью. Внутри самих общин нужна, своего рода, корпоративная среда, где молодое поколение могло бы приобщаться к родному языку, обычаям, ценностям российской культуры. Создание такой полноценной среды возможно лишь в консолидированных, сплоченных общинах.

На повестке дня вопрос и о лидерах организаций соотечественников. Нужны дееспособные люди, ориентированные не на жалобы и просьбы к Российской Федерации, Москве, а на отстаивание интересов соотечественников внутри государств проживания, налаживание диалога с властями этих стран.

Процесс переосмысления политики Российской Федерации в последнее десятилетие под влиянием новых реалий и обусловленных ими практических задач вылился в серию законодательных актов, государственных, политических, общественных и иных мероприятий, которые позволили к

сегодняшнему дню сформировать не без изъянов, но цельную, ориентирующуюся на стратегические национальные интересы России и соотечественников политику.

Основными вехами этой линии стали подписанный 24 мая 1999 г. Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», проведение всемирных конгрессов соотечественников в Москве и Санкт-Петербурге соответственно в 2001 и 2006 годах, принятие Федеральной целевой программы «Русский язык 2006–2010». Свою положительную роль сыграли три программы поддержки соотечественников за рубежом (2003–2005, 2006–2008, 2009–2012 гг.), Государственная программа содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, а также другие документы и общественно-политические акты.

Позитивную роль сыграла передача в 2001 году координационных функций на этом направлении МИД России. Хотя по сей день не снимается с повестки общественных дискуссий вопрос о сложностях для Министерства иностранных дел совмещения функций, нередко вступающих в конфликт: налаживания межгосударственных дружеских связей и одновременно – представления и защиты прав соотечественников, проживающих в государствах, где эти права нарушатся.

Важное значение для практической работы с соотечественниками имела активизация работы на этом направлении Россотрудничества (до 2008 г. – Росзарубежцентр) и создание в 2007 г. фонда «Русский мир», имеющего федеральное финансирование и нацеленного на поддержку русского языка и российской культуры за рубежом.

Главный смысл указанных документов и практических действий: российское зарубежье представляет собой важнейший демографический, интеллектуальный и социальный ресурс России. Его значимость в российской внешней политике может и должна возрастать, что в свою очередь напрямую связано со способностью соотечественников добиваться сплоченности, консолидированно выступать во взаимоотношениях с окружающим миром.

Потребность в такого рода единении нашла отражение в заключительной резолюции Всемирного конгресса соотечественников (октябрь 2006 года, Санкт-Петербург), который призвал «поощрять тенденцию к консолидации организаций соотечественников, их общественных позиций в целях макси-

мального расширения политического, правового, социально-экономического и гуманитарного поля, обеспечивающего права и интересы и зарубежных россиян»¹¹³.

Примечательны в этой связи слова Президента Российской Федерации В.В. Путина на Всемирном конгрессе соотечественников в 2006 году о том, что «российская диаспора за рубежом – это органичная часть общества и страны, в который вы живете... Но это не исключает того, что российская диаспора за рубежом – это в известной степени часть России, вынесенная на периферию, если иметь в виду, что центром российской цивилизации является многонациональное Российское государство»¹¹⁴.

Проведение форумов различной направленности и представительства стало за последние 2–3 года нормой. В 2007 году создан всемирный Координационный совет российских соотечественников, за которым в действующей редакции ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» закреплена функция представительства интересов российских соотечественников в органах власти России¹¹⁵. В более чем 85 странах созданы координационные советы действующих там общественных структур соотечественников. Эти Советы призваны де-факто стать центральным звеном, консолидирующим и представляющим интересы соотечественников.

Знаковым событием в процессах консолидации стало подписание в 2007 году акта о каноническом общении Русской православной церкви и Русской православной церкви за границей. Православная церковь играет неопределимую консолидирующую роль в среде соотечественников.

Важнейшим компонентом укрепления и консолидации зарубежной российской общины является информационная составляющая. Нужна мощная государственная программа на этом направлении, включающая телевидение и современные средства массовой информации. Рассматривая роль информационного фактора, следует учитывать и то, что западными странами развернута широкомасштабная пропагандистская кампания, призванная дискредитировать те перемены, которые произошли в современной России. Как справедливо отмечает российский исследователь А. Фурсов, в наши дни одно из главных направлений информационно-психологической войны против России заключается в том, чтобы выработать у России и зарубежной общины разрушительные комплексы

неполноценности и вины, нанести как можно более мощные психоудары по коллективному сознанию и коллективному бессознательному нации¹¹⁶.

2.4. Российская диаспора как элемент реализации национальных интересов России в ближнем зарубежье

Выявление роли российской диаспоры в ближнем зарубежье при реализации национальных интересов РФ предполагает, прежде всего, определение тех направлений внешней политики нашей страны, в решении задач которых объединения общин и организаций соотечественников могут участвовать наряду с органами государственной власти. В качестве таких направлений обычно называют целый ряд видов деятельности.

Во-первых, это сохранение русскоязычного пространства в зарубежных странах, прежде всего, повышение статуса русского языка – за счет реализации Федеральной целевой программы «Русский язык (2006–2010 годы)», поддержки школ с русским языком обучения, организации профессиональной переподготовки учителей русской словесности, обеспечения поставки учебников, учебно-методической, справочной и иной необходимой литературы школам, в которых учатся дети наших соотечественников. В СНГ поддерживаются русские театры и российские или славянские университеты, увеличиваются квоты и стипендии для обучения соотечественников в российских образовательных учреждениях, расширяется сеть российских центров науки и культуры и «Русских (российских) домов»¹¹⁷.

Во-вторых, укрепление позиций русской культуры в ближнем зарубежье, сохранение в среде соотечественников иных родных для них языков и культурных традиций, налаживание устойчивых духовных и культурных связей российской диаспоры с исторической Родиной. Положительную роль в развитии культурного сотрудничества могут играть реализация программ сотрудничества в области культуры (проведение Дней культуры РФ и других стран, выставок, творческих вечеров и презентаций), функционирование культурно-информационных центров в столицах стран СНГ, договоренность об открытии которых на взаимной основе достигнута с Азербайджаном, Арменией, Киргизией, Молдавией, Таджикистаном, Туркменистаном и Украиной, учреждение российского университета в Ереване, славянского университета в Бишкеке¹¹⁸.

В-третьих, сохранение общего информационного пространства России и стран ближнего зарубежья, в первую очередь,

стран Содружества Независимых Государств, распространение информации печатных и электронных российских масс-медиа, вообще информирование о социально-политических и иных процессах в России .

В-четвертых, защита соотечественников за рубежом, их прав в политической, социально-экономической, культурной, языковой, образовательной сферах общественной жизни. Россия стремится не допустить изоляции русского населения от ядра своей нации, его насильственной ассимиляции в районах нынешнего проживания, а также дискриминации русских в республиках СНГ и Балтии.

В-пятых, содействие России производственно-хозяйственной, предпринимательской и коммерческой деятельности различных объединений и общин соотечественников. Оно может осуществляться также посредством создания межгосударственных финансово-промышленных групп, совместных предприятий, помощи в межрегиональном приграничном сотрудничестве России и соседних государств, оказания целенаправленной помощи предприятиям и отраслям производства с преимущественно русским составом работающих в рамках заключенных Россией двусторонних отношений со странами СНГ в соответствии с законодательством этих государств¹²⁰.

Как показал анализ роли российской диаспоры в политических процессах внутри стран ближнего зарубежья, трансформации организаций соотечественников в полноценный субъект (актор) политики препятствуют факторы разобщенности, неэффективности работы русских, казачьих и иных общин и структур на локальном уровне взаимодействия, слабые горизонтальные связи между ними на национальном уровне, трудности в их деятельности, создаваемые со стороны этнократических элит и режимов, что в конечном счете не позволяет достигать политических целей диаспоры.

При определении роли российской диаспоры в реализации внешней политики РФ в ближнем зарубежье следует, на наш взгляд, учитывать специфику положения общин соотечественников в новых независимых государствах. Российская диаспора в ближнем зарубежье представляет собой совокупность организационно оформленных и неоформленных общин, их объединений разного уровня, находящихся в стадии становления в качестве транснациональной сети с общим самосознанием себя как отдельных от титульных народов этнических групп, не считающих себя при этом некоренным, чужеродным

населением, а в некоторых случаях рассматривающих себя в качестве одного из государствообразующих народов (Белоруссия, Украина, Казахстан). Основой диаспоры является русское население и казачество, к которым по признакам принадлежности к русской или в целом российской культуре примыкают русскоязычные этнические группы. Поэтому в известной мере допустима редукция российской диаспоры к русскому миру в пространстве СНГ и Балтии.

Не сложившись в качестве полноценного субъекта экономических процессов и не аккумулировав значительные финансовые средства в государствах пребывания, как это удалось сделать китайской и индийской диаспорам, не всегда занимая значимые политические позиции в них, как еврейская, армянская или греческая диаспора в развитых странах мира, российская диаспора, тем не менее, сохраняет такой важный ресурс, как культурный потенциал, является носителем духовных и иных ценностей, образа жизни, по-прежнему привлекательных в ближнем зарубежье. Данный культурный потенциал при должных усилиях по его актуализации может служить важнейшим фактором российского национального присутствия в новых независимых государствах, и роль групп и организаций соотечественников может заключаться в его сбережении и трансляции среди населения стран ближнего зарубежья.

Учитывая низкий финансово-экономический потенциал российской диаспоры в ближнем зарубежье, более или менее серьезно говорить об использовании организаций соотечественников в СНГ и Прибалтике можно лишь применительно к таким направлениям, как мобилизованное политическое участие с целью оказания давления на власть в республиках и публичная дипломатия, формирование позитивного и привлекательного имиджа России как государства и страны в целом на постсоветском пространстве.

Реализация данных направлений деятельности возможна при решении проблемы организации, интеграции объединений общин и организаций соотечественников не только внутри отдельных стран, но и на международном уровне. Подходами к решению этого вопроса являются построение иерархической структуры международной организации соотечественников и/или структурирование части Русского мира в ближнем зарубежье как социальной, культурной и политической сети.

Структурирование российской диаспоры на основе принципов иерархических систем предполагает регулирование

деятельности общин и организаций соотечественников за счет создания достаточно жестких вертикальных связей между ними и органами управления. Это предполагает формирование центра принятия стратегических для функционирования и развития всей системы решений, хотя и не исключает при необходимости делегирование «вниз» определенных полномочий, принадлежащих высшему звену подсистемы управления. Вместе с тем, сам процесс принятия решений, в отличие от процесса их имплементации, в диаспоральных организациях может носить и часто носит демократический характер: в нем участвуют все координирующие свою деятельность составные части организации – наиболее крупные организации и объединения общин. В зависимости от уровня это могут быть организации и объединения уровня страны, либо уровня региона мира. Примерами такого построения являются координационные советы организаций соотечественников, созданные более, чем в 85 странах. При этом в некоторых странах, имеющих многочисленные организации соотечественников различной направленности, обладающих достаточным опытом самостоятельной работы, болезненно воспринимается излишнее администрирование, проявляемое со стороны российских посольств. По сей день не утихают, к сожалению, конфликты, связанные с созданием и деятельностью координационных советов в Эстонии, на Украине.

В отличие от иерархических систем, структурирование диаспоры в соответствии с принципами сетевого подхода опирается на допущение о том, что трансформируемый объект представляет собой множество элементов-ячеек с сильными горизонтальными связями между собой.

Системообразующим фактором сети выступает общее для всех ячеек информационное поле или иные функциональные элементы. В качестве последних применительно к диаспорам могут выступать: комплекс этнокультурных, этнопрофессиональных, этнорелигиозных факторов, этническая идентичность; использование уже существующих транспортных коммуникаций, связи, их узлов и центров; инфраструктура в виде культурных центров, медицинских учреждений, высших учебных заведений и школ, клубов по всему миру; церковь или иные религиозные организации, чья активность распространяется на региональный или глобальный уровни; банки, фонды, иные финансовые институты; международные политические организации.

Управление элементами возможно лишь на принципах координации, так как другие управляющие функции распределены между ячейками, и принятие решений, касающихся сети как системы, возможно лишь сообща, вместе всеми ее элементами.

Основные принципы сетевого структурирования российской диаспоры рассматриваются А.Э. Бинецким¹²¹. По его мнению, вследствие желания диаспор сохранять контакты со странами исхода и другими общинами того же этнического происхождения, явно присутствует стремление диаспор к созданию трансгосударственных сетей, с помощью которых они могли бы усилить свою лоббистскую деятельность. Это касается как классических, так и современных диаспор. Существование таких сетей может создавать конфликты с принимающими странами. Однако попытки сдерживать их развитие не могут привести к успеху. В целом, диаспоры успешно пользуются своими сетями для проведения как легальных, так и нелегальных мероприятий: разрушить или парализовать эти сети или завладеть ресурсами, которые через них проходят, практически не представляется возможным.

С точки зрения Бинецкого, для создания сети социальных институтов той или иной диаспоры в различных странах и структурирования транснациональных пространств необходимо наличие следующих условий: социальная база, демографический и этнокультурный материал, институции, инфраструктура – диаспоральная логистика. В совокупности эти условия представляют собой пространство диаспоры, которое, как и пространство «миграции и перемещения», представляет глобальное условие культуры, экономики и политики.

Пространство диаспоры, полагает Бинецкий, включает не только тех представителей этноса, которые мигрировали, и их потомков, но равным образом и тех, кто остался в стране исхода. Другими словами, «пространство диаспоры» включает в себя не только всю совокупность связанных генеалогий рассеяния, но и тех, кто «остается на месте».

По мнению Бинецкого, сеть связей транснационального пространства возникает через цепочечную миграцию. Наличие такой сети связей облегчает коммуникацию для вновь прибывших мигрантов, позволяет удачно адаптироваться к новой культуре и одновременно способствует сохранению большинства выигрышных моментов собственной культуры. В свою очередь, возникновение и укрепление двойной иден-

тичности лежит в основе постоянно расширяющейся области организованной негосударственной и неконтролируемой сети взаимодействия и обмена между различными группами людей, которые образуют устойчивые связи, минуя государственные границы и институты.

Диаспоральные сети, отмечает Бинецкий, не только являются саморазвивающейся структурой, но и способны к саморазрушению в том случае, если отсутствуют внутренние механизмы урегулирования противоречий. В диаспорах выделяются так называемые разностатусные группы, между которыми возможно разрастание внутренних противоречий. А именно, между представителями старожильческих слоев и переселенцами новой и новейшей волн, представителями разных регионов и мест исхода; традиционными слоями и модернизированными кругами; этнической элитой и широкими слоями диаспоры; структурированием групп влияния диаспоры в рамках конкурирующих национально-культурных объединений. Спецификой современной российской диаспоры является то обстоятельство, что противоречия не разрушают некий единый организм, а не дают его создать. Речь идет, следовательно, о самом первичном этапе – увязки интересов и их лоббирования в пользу диаспоры в целом.

Главнейшую общественную интригу жизни диаспоры Бинецкий усматривает в сохранении баланса между выгодной ассимиляцией и интеграцией, с одной стороны, и необходимой этноограниченностью и этнодистанцией, с другой стороны. Это тоже элемент игры, в который с большим трудом вписывается российская диаспора стран ближнего зарубежья. Ассимиляция зачастую отрицается в принципе, интеграция у значительной части диаспоры вызывает опасения и ассоциируется со скрытой ассимиляцией, а этнодистанция становится самоцелью и трансформируется в сегрегацию. В результате, диаспора лишает себя стратегической цели – стать корпорацией с коммуникативными функциями, что и может ей обеспечить интерес со стороны других игроков лоббизма.

Бинецкий называет институционализированность основным признаком диаспоральных сетей. Он отмечает, что ряд исследователей выделяет именно институциональный признак как решающий. По оценке А. Армстронга¹²², решающим признаком диаспоры выступает именно формирование институтов и организаций, деятельность которых направлена на сохранение и развитие этнической идентичности, на эффективную

социализацию. Однако, само по себе наличие институтов без коммуникативных внедиаспоральных функций и соответствующей инфраструктуры для их реализации делает диаспору возможно и самодостаточной, но обреченной на изоляцию как лоббирующей структуры, что в современном мире означает то же самое, что и небытие¹²³.

Возвращаясь к проблеме выбора способа структурирования российской диаспоры в ближнем зарубежье, с учетом рассмотренных выше подходов можно прийти к заключению о том, что в целом и при первом приближении для формирования объединения соотечественников в масштабах СНГ и Прибалтики более всего подходит сетевая концепция, так как элементы предполагаемого объединения автономны и ими проблематично управлять на основе директивных принципов и одного центра или иерархии центров. Вместе с тем, следует учитывать и то обстоятельство, что горизонтальные связи ячеек – объединений общин в отдельных государствах проектируемой диаспоральной сети слабы, либо отсутствуют вовсе, что приведет подобную систему в хаос при попытке ее использования в национальных интересах России.

Кроме того, сам сетевой подход не является догмой при решении проблемы структурирования Русского мира в ближнем зарубежье. Можно вспомнить опыт Венгрии, в которой после вступления в 1920 г. в силу Трианонского мирного договора, лишившего эту страну двух третей ее территории и более половины населения, был основан Союз зарубежных венгров. Эта организация, в свою очередь, основала за рубежом ряд венгерских объединений, занималась открытием венгероязычных школ и детских садов, розыском военнопленных. В 1929 г. руководство Союза созвало первый всемирный конгресс венгров, а в 1938 г. был учрежден Всемирный союз венгров. Эта организация в 1938–1945 гг. находилась под влиянием правых сил, а с 1948 по 1989 г. была в подчинении правящих сил Венгрии и являлась одним из инструментов коммунистической пропаганды. В августе 1989 г. Всемирный союз венгров стал независимой общественной организацией¹²⁴.

Как видно из данной практики, венгерская диаспоральная сеть образовалась не в результате процессов самоорганизации и изначально не обладала сильными горизонтальными связями между своими ячейками. Диаспора была структурирована усилиями международной организации – ядра, которая создала объединения этнических общин в приграничных регионах со-

седних европейских стран, т.е. выступила в роли инициатора исследуемого процесса. Очевидно, что Союз зарубежных венгров не только обеспечивал координацию деятельности общин и их организаций, но и реализовал такие управленческие функции, как организация и регулирование. В связи с этим представляется, что данный опыт был бы весьма востребован для структурирования российской диаспоры.

Российская диаспора в странах ближнего зарубежья может быть оформлена как самостоятельная международная неправительственная организация, которая наладила бы сильные горизонтальные связи между объединениями соотечественников в отдельных республиках СНГ и Прибалтики, обеспечивала бы им финансовую, информационную, организационную поддержку, а во взаимодействии с органами государственной власти России федерального и регионального уровней – и политическую помощь в отстаивании ими своих прав. Подобная организация могла бы входить в лице своих представителей и в Координационный совет российских соотечественников, перспективное объединение наших диаспор на глобальном уровне. В то же время специфика решаемых ею проблем в области защиты прав соотечественников в сфере культуры, образования, использования русского языка, труда, политики и др. позволяет рассматривать ее как в достаточной степени самостоятельное образование.

В качестве средства давления на власть в республиках ближнего зарубежья, т.е. инструмента прагматической модели диаспоральной политики, международная организация соотечественников в регионе постсоветского пространства может использоваться и как элемент системы реализации российских национальных интересов. Ключевой вопрос, который требуется при этом решить, заключается в том, какая форма взаимодействия диаспоры с государством оптимальна для реализации интересов России.

Современная диаспоральная политика России строится на комбинации элементов трех основных моделей: репатриационной (переселение на историческую родину), патерналистской (защита прав соотечественников и их материальная поддержка) и прагматической (модель, опирающаяся на использование политического, экономического, лоббистского потенциалов диаспоры). Все эти направления требуют существенного усиления политической и материальной поддержки со стороны российского государства и способствуют единению соотечественников.

Развитие российской диаспоральной политики, имеющей в отличие от других стран зарубежную полиэтническую общину, подвело к целесообразности комбинирования этих моделей на основе партнерского взаимодействия с организованной зарубежной общиной. Такой подход способствует дальнейшему собиранию Русского мира и делает задачу консолидации зарубежной общины исключительно актуальной.

Если обратиться к зарубежному опыту, то взаимодействие органов государственной власти и общин в странах пребывания определяется целью диаспоральной политики страны исхода.

Модель репатриационной политики реализована в Израиле, который официально декларирует репатриацию как основную задачу в отношениях с диаспорой.

Вопросами иммиграции и абсорбции занимаются Всемирная сионистская организация (ВСО) и Еврейское агентство (ЕА). По существу, это одна и та же организация с единым Исполкомом, действующая в Израиле как ЕА, а в диаспоре – как ВСО. Взаимоотношения ВСО–ЕА с государством Израиль сформулированы в Законе о статусе Всемирной сионистской организации Еврейского агентства от 1952 г. ВСО осуществляет свою деятельность на основе «сотрудничества и координации работы с государством Израиль, его правительством, а также в соответствии с законами страны». По закону 1952 г. ЕА выступает как юридическое лицо и может иметь собственность, а его фонды и учреждения свободны от обложения налогами. Таким образом, ВСО, обращенная к евреям диаспоры, подчинена израильским законам, обращенная же внутрь Израиля, она действует как фактически надгосударственный орган, имеющий широкие права и полномочия¹²⁵.

Глобальной международной организацией еврейской диаспоры является Всемирный Еврейский Конгресс (ВЕК). В его структуру входят Нью-йоркская штаб-квартира, европейский офис в Париже, латиноамериканский в Буэнос-Айресе и представительство в ООН в Женеве. ВЕК объединяет более 140 общин, представляющих Северную и Латинскую Америку, Европу, Азию, Австралию. Деятельность ВЕКа направлена на усиление связи мировой еврейской диаспоры с Израилем, укрепление еврейских общин по всему миру, защиту интересов еврейского населения, развитие еврейской социальной, религиозной и культурной жизни. Конгресс представляет еврейские общины и организации перед правительственными, межправительственными и международными властями по вопросам,

касающимся диаспоры и Израиля, проводит общественные кампании против антисемитизма и отрицания Холокоста, организовал репатриацию североафриканских евреев в Израиль.

История этой организации начинается с 1919 г., когда был учрежден Комитет Еврейских Делегатов, а после трех подготовительных конференций был основан Всемирный Еврейский Конгресс, созданный в Женеве в 1936 г. На нем были представлены евреи из 32 стран (280 делегатов). В задачи Всемирного Еврейского Конгресса входила концентрация усилий по решению проблем в области религии, права, политики и благотворительности, в частности, по идеологическому развитию американских и европейских еврейских общин во время Первой мировой войны и послевоенный период.

После учреждения Государства Израиль в 1948 г. Всемирный Еврейский Конгресс был вовлечен в переговоры и предпринял конкретные шаги по спасению североафриканских евреев. Особое положение Всемирного Еврейского Конгресса, как мировой организации, давало ему возможность действовать в арабских странах, находящихся в состоянии войны с Израилем. Аналогичным путем ВЕК действовал в коммунистических странах, поддерживал связи и еврейское лобби в тех государствах, которые разорвали дипломатические отношения с Израилем.

Как видно из приведенных примеров, взаимодействие государства и международных организаций было связано с такой важнейшей для существования Израиля политической задачей, как репатриация, что обусловило фактическое сращивание ВСО с государственным аппаратом. Однако репатриационная деятельность не исчерпывает перечень вопросов повседневной жизни диаспоры: ВЕК развивался и в качестве решающего религиозные, культурные, политические, благотворительные задачи объединения. При этом, однако, как показывает политическая деятельность еврейских организаций, ведущую роль может играть и израильское правительство, особенно, если речь идет о защите жизненно важных интересов этой страны за рубежом.

Модель патерналистской политики воплощена Венгрией, где Всемирный союз венгров в настоящее время выступает в качестве независимой общественной организации. Кроме культурных, образовательных и информационных функций, союз выступает с такими инициативами, как формирование всемирного венгерского лобби, призванного «содействовать венгерской национальной интеграции».

Несмотря на то, что в официальных документах не содержится определения венгерской диаспоры как фактора национального и экономического присутствия в зарубежных странах, на практике Будапешту удалось выстроить достаточно слаженную систему регулярного диалога с организациями зарубежных венгров, благодаря которому диаспора берет на себя лоббистские функции. Однако работа «напрямую», зачастую минуя официальные власти в столицах их постоянного проживания нередко вызывала подозрения у соседей, что Будапешт создает некую «пятую колонну». В этом же направлении объективно действовало и требование Будапешта к лидерам соседних стран признать организации проживающих там венгров в качестве своих партнеров, или же попытки активизировать их деятельность на международной арене.

В патерналистской модели, как видно из венгерского опыта, между государством и организацией диаспоры складываются по крайней мере формально равноправные отношения, внешне близкие кооперации между правительством и Всемирным союзом венгров в плане решения задач защиты соотечественников в сопредельных странах.

Прагматическая модель диаспоральной политики осуществляется, в частности, Китаем и Индией. Выгоды правительств этих стран от взаимодействия с общинами по всему миру определяется вкладом последних в экономическое развитие КНР и Индии.

Так, в настоящее время 30 млн. китайских эмигрантов (хуацяо) проживают в различных странах мира. Больше половины иностранных капиталовложений в китайскую экономику приходится на эмигрантов. На 1 января 1999 г. Китай привлекал иностранных инвестиций в среднем на 46 млрд. долл. в год, $\frac{2}{3}$ из них приходят от китайской диаспоры, либо при ее посредничестве. Есть случаи, когда эмигранты руководят программами экономического развития целых городов и уездов. По данным китайской печати, только в 1978-1988 гг. безвозмездная помощь, предоставленная Китаю хуацяо, составила более 800 млн. долл. До 200 млн. долл. ежегодно поступает в Китай в виде денежных переводов эмигрантов родственникам. КНР осуществляет сотрудничество с хуацяо в научно-технической сфере. Около половины членов президиума Академии наук КНР, одна треть руководителей ведущих институтов – реэмигранты. Зарубежные китайцы приезжают для чтения лекций, обмена опытом, проведения совместных исследований. Силами

хуацяо созданы фонды (на общую сумму свыше 500 млн. долл.) для субсидирования обучения китайской молодежи в университетах США и Западной Европы.

Для взаимодействия в хуацяо при Госсовете КНР была создана и до сих пор действует Канцелярия (ранее – Центральная комиссия) по делам китайских эмигрантов. В ее задачи входит выработка общей концепции и практической политики в отношении соотечественников, механизма вовлечения финансовых и материально-технических средств зарубежных китайцев в процессы модернизации экономики КНР. Вся практическая деятельность в данной области осуществляется общественной организацией – Всекитайской ассоциацией репатриантов (ВАР), которая действует под непосредственным руководством Канцелярии. Для удовлетворения нужд хуацяо создаются специальные банки, магазины, отели, санатории. ВАР является связующим звеном между зарубежными китайцами и центральным правительством, а также местными властями КНР, поскольку во всех провинциях и большинстве городов Китая действуют ее филиалы. ВАР защищает права и интересы зарубежных китайцев, анализирует их положение и доводит эту информацию до сведения исполнительной и законодательной власти, в т.ч. с целью изменения законодательства. Особо активную работу в этом направлении ведет Отдел социального обеспечения и юриспруденции ВАР.

Экономический потенциал 20 млн. выходцев из Индии, проживающих в странах Юго-Восточной Азии, Великобритании и других государствах, примерно равен ВВП всей Индии, а размещенный среди индийской диаспоры в 1998 г. заем в 2 млрд. долл. принес стране 4,1 млрд. долл. Контакты с диаспорой осуществляет Конфедерация индийской промышленности, задачей которой является проведение мониторинга в среде индийской эмиграции и доведения его результатов до сведения правительства.

Глобальной организацией армянской диаспоры является Армянский Благотворительный Общий Союз. Изначально деятельность Армянского Благотворительного Общего Союза, основанного в 1906 г. в Каире, была направлена на помощь армянскому народу и на возрождение армянского государства. Целью образованного союза было создание благотворительного движения, направленного на оказание помощи армянам, выживание которых как христианского меньшинства Оттоманской империи было под угрозой. Союз оказал большое содействие

интеграции диаспоры, занимаясь обучением в своих заведениях на Силии (Адана, Мерзин, Урфа), в Сирии (Дамаск), Египте (Каир, Александрия, Ливане (Бейрут), Палестине (Иерусалим) и Ираке (Мосул). Постепенно армяне наладили свою общинную жизнь в различных принявших их странах. Союз сумел, таким образом, вновь обратиться к решению поставленных перед ним первоначальных задач: просвещению и культуре. Говоря о прагматическом аспекте деятельности Союза, следует отметить, что он стал международной организацией, создающей благоприятные условия для экономических и культурных связей между странами диаспоры и Арменией. Союз всегда имел постоянные связи с Арменией и учредил в 1989 г. обширную программу помощи восстановлению Армении. За 1988–1998 гг. Армения получила более 30 млн. долл. гуманитарной и медицинской помощи, 21 млн. долл. были переведены армянскими общинами мира для осуществления поставки в Армению топлива. Союз принимает участие в общественной жизни, оказывает воздействие как в экономическом, так и в культурном и социальном плане, объединив все силы и средства диаспоры. Также Союз ведет активную работу для того, чтобы международное сообщество признало факт геноцида армян в османской Турции в 1915–1922 гг. В этом вопросе достигнуты определенные успехи: в 1990-е годы законодательные органы нескольких десятков государств, в том числе Франции и России, приняли резолюции о признании факта геноцида армян, призывающие Турцию осудить действия османских властей.

Представленные примеры прагматической модели отношений показывают, что формой взаимодействия государства и диаспоральной организации является союз, в котором правительство может играть ведущую роль, а может быть равным участником отношений со структурой, представляющей рассеяние.

Анализ форм взаимодействия государства и диаспоральных организаций демонстрирует, что правительство может осуществлять руководство (КНР), находиться в равноправных отношениях (Армения, Венгрия, Индия) или в симбиозе с международной структурой-рассеяния (Израиль). Руководство и симбиоз в рассматриваемых случаях были обусловлены важностью решаемых с помощью диаспоры задач – обеспечение притока инвестиций и технологий в Китай и эмигрантов из стран пребывания в Израиль. Отношения между Российским государством и диаспоральной организацией соотечественни-

ков в ближнем зарубежье находятся в стадии становления и могут основываться на равноправии при ведущей роли РФ.

Основным активом, ресурсом международной организации соотечественников является наличие разветвленной сети филиалов входящих в нее республиканских объединений диаспоры. В сочетании с информационными сетями и коммуникациями подобная структура может позволить, с одной стороны, распространять информацию культурного, политического, экономического и иного характера на региональный и локальный уровень, а, с другой стороны, получать информацию с мест о текущих процессах внутри стран Содружества Независимых Государств и Прибалтики. Данная сеть дает возможность проводить исследования, организовывать культурные и иные мероприятия, а также обеспечивать информационное сопровождение внешней и внутренней политики РФ в ближнем зарубежье.

Отношения российского государства с предполагаемой организацией соотечественников в ближнем зарубежье, как предлагает М.А. Лобанов¹²⁶, могут быть основаны на принципах государственно-частного партнерства (ГЧП). В пользу партнерства государства и диаспоры высказывается и российское Министерство иностранных дел. Так, в Обзоре внешней политики России за 2007 г. говорится: «В работе с соотечественниками осуществляется переход от патернализма к взаимодействию на партнерской основе. Стратегическая цель состоит в том, чтобы соотечественники, укрепляя свою этнокультурную самобытность, выступали в качестве авторитетного интеллектуально-экономического и культурно-духовного партнера России в мировой политике».

Реализация принципов ГЧП подразумевает, что диаспоральное объединение будет обладать автономией, возможностью получать государственное финансирование и другие виды обеспечения в процессе своего становления, но при этом должно содействовать решению внешнеполитических задач РФ в СНГ и Прибалтике, нести ответственность за нецелевое расходование выделяемых ей средств и находиться под надзором контрольных федеральных органов власти при реализации совместных с государством проектов и программ.

Характерными чертами взаимодействия российской власти и международной организации соотечественников на принципах государственно-частного партнерства¹²⁷ могут быть следующие особенности.

Первая из них заключается в наличии объединяющего участников партнерства общего интереса. В рассматриваемом

случае таким интересом может выступать защита российских граждан и соотечественников, обеспечение потребностей России в сфере международной безопасности, экономического развития в ближнем зарубежье.

Вторая особенность – наличие институциональной составляющей сотрудничества – договора, определяющего цели, направления и принципы отношений власти и международной организации соотечественников в сотрудничестве в сфере информации, культуры, образования и политики.

Еще одна характеристика – обмен ресурсами между участниками. В партнерстве данный обмен может проявляться в передаче международной организации части полномочий государственного управления в области внешнеполитической деятельности, финансовом и ином обеспечении в ответ на содействие РФ в той или иной форме при реализации ее интересов.

Секторами взаимодействия Российского государства и международной организации могут выступать обеспечение прав соотечественников, публичная дипломатия, формирование позитивного имиджа РФ за рубежом, лоббирование интересов нашей страны и проведение политической мобилизации граждан СНГ и прибалтийских государств.

Еще одной чертой ГЧП является его неиерархический характер. В рамках партнерства власти и неправительственной организации российской диаспоры неиерархичность выражается в том, что они являются отношениями, основанными на паритете, равенстве прав и ответственности участников друг перед другом и перед законом.

Последним признаком рассматриваемой формы ГЧП служит наличие особой культуры консенсуса, когда государство и организация, не вмешиваясь в сферы автономной компетенции, способны на конструктивной и доверительной основе достигать согласия по поводу средств и результатов своего сотрудничества.

В качестве основных задач, которые может решать международная неправительственная организация российской диаспоры, рассматриваются следующие приоритеты.

Во-первых, это содействие Министерству иностранных дел, Росзарубежцентру, посольствам и заграничным учреждениям РФ в информировании граждан государств ближнего зарубежья о процессах, происходящих в экономике, политике и культуре нашей страны. Решение данной задачи предполагает создание

в составе организации собственного информационного агентства, финансовой и иной поддержке уже существующих печатных и электронных средств массовой информации в регионе.

Во-вторых, важной задачей является формирование путем проведения информационных кампаний и ПИАР-акций позитивного восприятия России, ее положительного имиджа в СНГ и Прибалтике.

В-третьих, можно вести речь о сохранении пространства русского языка, формировании и поддержании российской идентичности общин соотечественников, особой когнитивной и культурно-символической сферы в республиках ближнего зарубежья. Это позволит сохранить культурное присутствие и влияние России на население данных стран.

В-четвертых, приоритетом служит содействие Министерству образования и науки, МИД РФ в функционировании, кадровом обеспечении специалистами российских или совместно созданных учреждений среднего и высшего образования в республиках СНГ, разработке образовательных программ, выделении исследовательских грантов для студенческой молодежи, научно-технической интеллигенции стран Содружества, что позволит формировать будущую пророссийски ориентированную элиту этих государств.

В-пятых, организационная структура, сеть филиалов, коммуникационная инфраструктура республиканских объединений организации соотечественников в ближнем зарубежье может решать задачи защиты прав, лоббирования интересов не только самих общин, но и РФ в форме массового давления на власть. Предметом давления во избежание вмешательства во внутренние дела государств ближнего зарубежья может быть защита прав российских соотечественников. Организация должна обеспечивать политическую мобилизацию общин соотечественников как за счет использования *grass-roots lobbying*, так и за счет осуществления протестной активности вплоть до применения отдельных технологий ненасильственного действия, «бархатных» и «цветных» революций.

Массовое мобилизованное политическое участие диаспоры возможно в союзе с сильными левыми и пророссийскими организациями, партиями и движениями. Во взаимодействии с заинтересованными группами внутри стран ближнего зарубежья организация диаспоры, ее объединения общин соотечественников могут выполнять функции координации протестной активности масс, финансового обеспечения моби-

лизации, информирования общественности о своей деятельности на данном направлении, проведении информационных кампаний в поддержку действий оппозиции, обеспечение связи и взаимодействия между нею и российским руководством. В свою очередь, успех действий организации российской диаспоры и оппозиции зависит от дипломатической и иного рода поддержки со стороны РФ.

Заслуживающим внимательного изучения созданием сетевой структуры соотечественников является опыт «Европейского русского альянса» (ЕРА), созданного с использованием современных коммуникационных технологий активистами из среды российских соотечественников, проживающих в странах Евросоюза. ЕРА является отчасти организацией соотечественников постсоветского пространства, поскольку ее членами и инициаторами являются соотечественники из Прибалтики. Более того, его организующим центром является депутат Европарламента от объединения соотечественников «За права человека в единой Латвии» Т. Жданок¹²⁸.

Идея о необходимости создания русской общеевропейской организации была впервые озвучена в июне 2004 года на Пражской конференции представителей русских партий и некоммерческих гражданских организаций Европейского союза. Первоначально речь шла именно о политической организации, соответственно рабочее название проекта на тот момент было «Русская партия Европы». Однако в ходе последующих дискуссий (в декабре 2004 года и июне 2005 – на конференциях в Брюсселе) идея претерпела значительные изменения. Было констатировано, что создание партии на сегодняшний момент не отвечает уровню развития русских общин в большинстве стран ЕС и принципу проведения европейских выборов (отдельно в каждой стране ЕС, в результате чего невозможно обеспечить успех для отдельного общеевропейского русского списка). В то же время участники конференций продемонстрировали большую заинтересованность в создании общеевропейской структуры и готовность в ней работать.

На учредительной конференции 17 июня 2005 года 34 участниками была учреждена общественная организация – Европейский русский альянс. Параллельно четыре существующие русские партии ЕС создали Федерацию русских партий Европы (Объединение «За права человека в единой Латвии», «Союз русских Литвы», «Русская партия Эстонии», «Партия в защиту руссофонии Франции»). В Федерации членство коллективное. В Альянсе – индивидуальное.

Альянс не является «зонтичной» структурой, призванной объединить и возглавить всю русскую диаспору. ЕРА – это скорее сетевое сообщество экспертов, изнутри хорошо знающих общественную жизнь русских общин своих стран и способных внести свою лепту в дискуссию о проблемах, важных для русской диаспоры Европы. Выбор в пользу сетевой структуры был сделан не случайно – иерархические или «зонтичные» международные организации предполагают отбор «главных русских» в каждой из стран Европы и проверку их легитимности (размера и реальности организаций, их авторитета и влияния). В условиях, когда почти во всех странах между русскими организациями существует конкуренция, выбор в пользу «лучшей организации» или «главного русского» создало бы источник постоянных конфликтов. Русской диаспоре конфликты не нужны. В сетевую структуру Альянса могут вступать лидеры и активисты соперничающих у себя дома организаций. Сетевая структура – это современный способ организации работы на основе коллегиальности, соборности, личного равноправия и полной добровольности. По общей договоренности избранное руководство Альянса осуществляет в основном технические функции – обеспечивает деятельность организации в период между конференциями и координирует подготовку к Собору.

Альянс организует публикации на темы, важные для общественной жизни русской диаспоры Европы и их обсуждение. Кроме стран ЕС в ЕРА входят члены из Норвегии, Швейцарии и Исландии. ЕРА регулярно проводит тематические конференции, посвященные общеевропейским русским проблемам и организует ежегодный Европейский русский Собор. Альянс создает условия для обмена между участниками проектной документацией и материалами для печати. Альянс координирует сетевые акции, направленные на защиту интересов русского населения ЕС и продвижения русской культуры.

Большинство мероприятий ЕРА спонсируется за счет фракции Европейского парламента «Зеленые / Европейский свободный альянс». Часть расходов покрывалось из личных средств участников Альянса. На проведение крупных конференций ЕРА получает помощь также и от российских структур (МИД России, Правительство Москвы, Фонд «Русский мир»).

Альянс создан самими русскими жителями Европы для обсуждения и решения собственных задач. Альянс работает для всех его категорий русских ЕС – русских граждан Союза, граждан России и СНГ постоянно проживающих в странах

ЕС, неграждан Латвии и Эстонии и беженцев русского происхождения.

В документах Альянса слова «русские» и «русскоязычные» чаще всего являются синонимами, обозначая суммарно обе обозначенные выше категории наших соотечественников.

ЕРА не является инструментом для продвижения российских государственных интересов, но и не позволит использовать себя в качестве средства давления на Россию. По отношению к российскому государству Альянс занимает нейтрально-дружественную позицию. Альянс не вмешивается во внутрисоссийскую политическую борьбу, но готов сотрудничать с российскими властями, неправительственными организациями и частными лицами в деле сохранения и продвижения русского языка и культуры.

Философия Альянса в сотрудничестве, а не в борьбе с кем-то. При откровенной русской доминанте Альянса его участники поощряются не только к контактам, но и к членству в общественных и политических организациях своих стран. Чем лучше русские будут представлены в мейнстрим национальных партиях, тем быстрее эти партии начнут конкурировать между собой за представление интересов своих русскоязычных избирателей. Другое дело, что участники Альянса могут обмениваться опытом и согласовывать свои действия в борьбе с проявлениями русофобии, характерной для части западных СМИ.

ЕРА не является «пятой колонной» России в Европе, но имеет в повестке своей работы задачу формирования в европейском обществе положительного образа России, налаживания партнерства ЕС и России. Так, 1–2 октября 2007 года в цитадели Евросоюза – в здании Европейского парламента в Брюсселе – прошел первый Европейский русский форум, посвященный развитию диалога между Россией и ЕС¹²⁹. Тема форума, в котором приняли участие 190 делегатов из 24 стран, – «Русскоязычное сообщество Европы и его роль в отношениях ЕС – Россия». Во многом то была не традиционная конференция по поддержке соотечественников за рубежом. Ведь последние предстали на форуме в качественно новом ключе – как влиятельные участники неправительственного диалога России и Евросоюза.

ЕРА, не являясь в Европе лоббистом России, тем не менее, решет важные для нее внешнеполитические задачи, показывает тем самым пример современного партнерства диаспоры и материнского государства.

Опыт ЕРА чрезвычайно ценен для развития, укрепления российской диаспоры и на постсоветском пространстве. Можно выделить несколько важнейших условий, обеспечивших эффективную деятельность ЕРА, в том числе и по представительству российских интересов в странах проживания. Это – во-первых, существование активной части диаспоры, обеспеченной современными средствами коммуникации; во-вторых, наличие полномочных представителей (или хотя бы представителя) диаспоры в высших представительных политических структурах, вокруг которых (которого) может быть создан пророссийский «пул»; в третьих, готовность у представителей диаспоры к поиску партнеров в других социальных и политических структурах стран проживания; в-четвертых, готовность России поддержать сетевое объединение соотечественников без административного давления на них, доверяя их общественному и политическому опыту и уважая их позицию.

Возможность создания организации с условным названием «постсоветский русский альянс» (ПРА) вполне вероятна. По крайней мере, все предпосылки для такого объединения существуют.

В настоящее время, за исключением соотечественников из стран Прибалтики, которые через ЕРА и деятельность депутата Европарламента, получили возможность активно влиять на политику своих стран и в целом Евросоюза, политическое участие диаспор в странах ближнего зарубежья сводится к различным протестным движениям и акциям. Поводом к активизации общин соотечественников становится ущемление, ограничение или пограничение их прав в сфере культуры, образования, изучения и использования русского языка, получения информации на нем, нередко протесты вызываются ограничением политических прав.

Формированию полноценных групп влияния диаспоры препятствует слабый потенциал лоббирования российских интересов у общин и организаций соотечественников.

Это, во-первых, выражается в немногочисленном составе диаспоральных политических партий и организаций, он обычно составляет цифры до 1 тыс. чел. или от 1,5 до 3,5 тыс. чел. Активность большинства из них разворачивается лишь на региональном уровне, в административно-территориальных центрах и других крупных городах. А для эффективного лоббирования, напротив, необходимо опираться на диаспоральные объединения с разветвленной системой отделений по всей стране пребывания, а также в ее столице.

Во-вторых, практически отсутствуют диаспоральные организации, основной функцией которых являлось бы лоббирование интересов общин или страны исхода – России. Деятельность общественно-политических объединений направлена лишь на расширение политических прав русского населения, реализацию правозащитных функций.

В-третьих, экономические возможности для давления на власть в новых независимых государствах незначительны и недостаточны. Причинами этого являются неразвитость экономических институтов диаспоры, небольшая деловая активность, нежелание предпринимателей из среды соотечественников вступать в конфликты или любые противоречия с этнократиями, ограничиваясь лишь лоббированием своих собственных или групповых интересов в местных парламентах и правительствах.

Современная политическая практика демонстрирует необходимость содействия со стороны Российской Федерации в формировании международной организации диаспоры. Все неудачи, которые нередко приходилось терпеть при решении данной проблемы на разных уровнях, связаны со слабой сплоченностью самого русского населения за рубежом.

Российская диаспора в странах ближнего зарубежья может быть оформлена как самостоятельная международная неправительственная организация, которая наладила бы сильные горизонтальные связи между объединениями соотечественников в отдельных республиках СНГ и Прибалтики, обеспечивала бы им финансовую, информационную, организационную поддержку, а во взаимодействии с органами государственной власти России федерального и регионального уровней – и политическую помощь в отстаивании ими своих прав. Подобная организация могла бы входить в лице своих представителей и в Координационный совет российских соотечественников, перспективное объединение наших диаспор на глобальном уровне. В то же время специфика решаемых ею проблем в области защиты прав соотечественников в сфере культуры, образования, использования русского языка, труда, политики и др. позволяет рассматривать ее как в достаточной степени самостоятельное образование.

В качестве средства давления на власть в республиках ближнего зарубежья, т.е. инструмента прагматической модели диаспоральной политики, международная организация соотечественников в регионе постсоветского пространства может использоваться и как элемент системы реализации российских национальных интересов.

Заключение

Минувшее столетие стало одним из самых драматичных периодов развития российской цивилизации, в ходе которого многовековые институты и традиции не раз подвергались коренной ломке и пересмотру, а появившиеся на их месте новые аналоги, невзирая на немалую долю своей привнесенности и неорганичности, причудливым образом укоренились в отечественном социополитическом опыте и даже порой весьма эффективно функционировали на протяжении ряда десятилетий, помогая обществу и государству справляться с внутренними и внешними вызовами. Вместе с тем, признавая в известной мере и при прочих равных условиях неизбежность институциональных искажений, кризисов и последующих разрушений былых политических структур – сначала имперских, затем советских, очевидно одно: такого рода ломка хотя и поэтапно, но неумолимо вела к сжатию некогда огромного геополитического и социокультурного пространства, именуемого Россией; к реформатированию и переструктурированию его вопреки многовековой логике общественного развития; к отделению от него органически неотделимого и отграничиванию в нем исторически единого и безграничного. Одним из последствий этих процессов и стало появление российской диаспоры – сообщества соотечественников, оказавшихся «по ту сторону» рубежей страны.

Сегодня, когда Россия начинает преодолевать негативные последствия ошибок и кризисов прошлого, наступает время для собирания страны, сосредоточения всех ресурсов, прежде всего, человеческих и духовных. В этом смысле обращение к исследованию общих и частных вопросов, касающихся настоящего и будущего российских соотечественников, которые проживают в иностранных государствах, является весьма актуальным.

Настоящее исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Диаспора представляет собой возникающую в результате вызванной социально-экономическими, политическими или военными факторами кризисного характера иммиграции, экспорта населения в периферийные районы и территориального

распада страны исхода, повлекшего изменения государственных границ, транснациональную сеть общин этнических групп в принимающих странах, деятельность которой направлена на защиту культурного своеобразия, этнической идентичности, социально-экономических и иных прав меньшинств в иноэтническом окружении.

2. Политическими критериями типологий диаспор могут выступать такие основания, как: характер политического участия общин диаспоры в стране пребывания; статусные цели политической активности диаспоры; реализуемые диаспорами интересы; характер структурирования диаспор; содержание деятельности организаций диаспоры; отношение к политическим институтам страны пребывания; характер отношений со страной исхода; особенности среды политической активности общин, определяемой типом политического режима, наличием или отсутствием доминирующей этнической группы или групп.

3. Политической формой функционирования диаспоры является транснациональная сеть, состоящая из общин как специфических групп интересов в принимающих странах. Община в этом качестве включает в себя: группу давления, состоящую из актива этнического меньшинства, представители которого могут входить в правящий слой, имеют устойчивые связи в органах власти и управления, а также с политическими и государственными деятелями, партиями и организациями принимающей страны; ресурсы и активы для оказания политического давления и влияния в виде владения финансами, предприятиями, занятия социально-престижных ниш в системе разделения труда и в экономике страны пребывания; основная масса членов общины, которые могут быть мобилизованы для коллективных действий с целью донесения позиции общины или демонстрации протеста по той или иной касающейся ее проблемы. Общины могут оказывать разнообразную поддержку друг другу, привлекать на помощь государство исхода или принимающее государство для защиты своих интересов. Община и диаспора в целом может выступать как агент влияния, использующий те же самые ресурсы, которые задействуются для оказания давления на власть принимающей страны. Однако община и ее организации могут быть проводником воздействия на власть в обоих направлениях – и от исторической родины, и от страны пребывания.

4. Использование критериев форм, целей политического участия общины, стратегий принимающего государства в

отношении диаспоры и типа политического режима страны пребывания позволяет выделить следующие модели участия диаспор в политических процессах внутри принимающих стран: лояльное участие, ориентированное на сохранение этнокультурного, этнополитического плюрализма, предоставление или обеспечение экономических прав диаспор государством пребывания; лояльное поведение, направленное на достижение этнокультурного, этнополитического плюрализма, предоставление или обеспечение экономических прав диаспор государством пребывания; протестное участие, ориентированное на достижение плюрализма в указанных выше аспектах и предоставление экономических прав для общин и их членов; протестное участие, импульсом к которому становится стремление защитить статус диаспоры, основанный на полноправии ее членов и принципах мультикультурализма.

5. Диаспора, выступая в качестве группы интересов при продвижении своих собственных интересов в органах власти принимающего государства, в случае лоббирования национальных интересов страны исхода в международной сфере начинает играть роль агента своей этнической родины, становясь частью большой и весьма влиятельной группы давления. В нее включаются: политические организации диаспоры как лоббисты и медиаторы между принимающей страной и государством исхода; члены общины или диаспоральной сети, являющиеся ресурсом массовой поддержки действий данных организаций; финансовые и экономические институты диаспоры, обеспечивающие за счет своих возможностей деятельность общины; правительство страны исхода, разрабатывающее стратегию реализации национальных интересов в международной сфере и конкретно в каждой принимающей стране, а также нередко осуществляющее руководство процессом лоббирования; дипломатические, разведывательные возможности, военная, экономическая, финансовая, информационная мощь страны исхода, которая может потребоваться для оказания помощи диаспоре в принимающей стране в случае, если между ними возникнет конфликт; союзники в стране пребывания в лице политических и государственных деятелей (членов правительства, парламента), политических партий, организаций и движений.

6. Консолидация российских соотечественников является необходимым условием эффективного строительства диаспоры и расширения ее возможностей, в том числе и для лоббирования интересов России в странах проживания и на международном

уровне. Сильная диаспора – важнейший ресурс России. Политическое творчество российских соотечественников дает пример создания и эффективного функционирования в современных условиях международного диаспорального объединения (Европейского русского альянса), с достоинством отстаивающего права русскоязычных жителей Европы и желающие помочь России улучшить ее образ в общественном мнении стран проживания, даже усилить ее позиции на мировом рынке. Этому примеру могут последовать и соотечественники из стран СНГ, к чему имеются все предпосылки.

7. Российская диаспора в странах ближнего зарубежья может быть оформлена как самостоятельная международная неправительственная организация, которая наладила бы сильные горизонтальные связи между объединениями соотечественников в отдельных республиках СНГ и Прибалтики, обеспечивала бы им финансовую, информационную, организационную поддержку, а во взаимодействии с органами государственной власти России федерального и регионального уровней – и политическую помощь в отстаивании ими своих прав.

8. Отношения России с организациями соотечественников в ближнем зарубежье могут быть основаны на принципах государственно-частного партнерства. В этом случае особенностями данных отношений могут быть: наличие объединяющего участников партнерства общего интереса – защиты российских граждан и соотечественников, обеспечения потребностей России в сфере международной безопасности, экономического развития в ближнем зарубежье.

Примечания

¹ См.: Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 21 апреля 2000 г. № 706 – Независимое военное обозрение. 2000. № 15; Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом исполняющего обязанности Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 – Независимое военное обозрение. 2000. № 1. С. 6; Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г. – Сайт Министерства иностранных дел РФ (<http://www.inid.ru>); Обзор внешней политики РФ. М., 2007; и др.

² См. например: Тишков В.А. Этнологи и политика: статьи 1989–2004 гг. – М., Наука, 2005; Полоскова Т.В. Диаспоры в системе международных связей. – Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук, М, 2000; Лолаева Д.Т. Диаспоральные группы как социально-этнический феномен. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Владикавказ – М., 2001; Хабибуллина Н.Н. Диаспора: сущность, социально-философские аспекты развития (на примере республики Бурятия). Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Улан-Удэ, 2003; Чепурин А.В. Проблемы консолидации зарубежной российской общины. – Автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2009. – 23 с.; Лобанов М.А. Российская диаспора в ближнем зарубежье как фактор продвижения национальных интересов России. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2008. – 194с.; Safran I.K. Deconstructing and comparing diasporas. *Diaspora, identity, and religion: New directions in theory and research.* – Routledge, 2003.

³ См.: Дробижева Л.А./ Русские в новых государствах. Изменения социальных ролей – Россия сегодня: Трудные поиски свободы. М., 1993; Комарова ОД. Русская диаспора на территории бывшего СССР: размеры и миграция – Русские в современном мире. М., 1998; Космарская Н. «Русские диаспоры»: политические мифологии и реалии массового сознания – Диаспоры. 2002. № 2; Крупное А. Русская диаспора как форма этнонационального определения. Сетевой проект организации русской диаспоры – Современные диаспоры. М., 1998; Лебедева Н.Н. Русская диаспора или часть русского народа? (К проблеме самоопределения русских на Украине) – Русские в ближнем зарубежье. М., 1994; Новая русская диаспора: перспективы развития. 1994–1995 гг. М., 1996; и др.

⁴ См.: Вынужденная миграция и права человека. М., 1998; Гриценко В.В. Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России. М., 1999; Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве – Отв. ред. д.н.н. К.С. Гаджиев, к.полит.н. Э.Г. Соловьев. М., 2006; Ионцев В.А. Международная миграция населения: Россия и современный мир. М., 1997; Исаков С. Русские в Эстонии. – Таллинн, 1997; Лебедева Н.А. Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. – М., 1997; Полоскова Т. Современные диаспоры: внутриполитические и международные аспекты. – М., 2002; Современные диаспоры. – М., 1999; Субботина П. Демографические перспективы русской диаспоры – Диаспоры. 1999. № 2–3; и др.

⁵ См.: Стрельченко С.В. Диаспора как субъект социально-экономических процессов (социально- философский наиболее общих тенденций в прошлом и настоящем) – Энергия. 2006. № 7. С. 65-68; Федерализм: Энциклопедия. – М., 2000. С. 159-160.

⁶ См., например: Алкаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. – М., 2005. С. 447; Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. – М., 2004. С. 104.

⁷ Safran W. Deconstructing and comparing diasporas. Diaspora, identity, and religion: New directions in theory and research. – Routledge, 2003.

⁸ Clifford J. Diasporas – Current anthropology. 1994. № 9(3).

⁹ См.: Тишков В.А. Этнология и политика: статьи 1989–2004 гг. – М., 2005.

¹⁰ Попков В. Феномен этнических диаспор. – М., 2003. С. 13.

¹¹ Семенов Ю.П. Этнос, нация, диаспора – Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 66.

¹² Федоров Н. Проблема этносоциальной интеграции иммигрантов из бывшего СССР в германское общество. – М., 1998. С. 37.

¹³ Арупионов С.А. Диаспора – это процесс – Этнографическое обозрение. 2000. № 2.

¹⁴ Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры – Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX- XX вв. Сб. статей. – М., 2001, с. 16.

¹⁵ Цит. по: Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс – Этнографическое обозрение. 2000. № 2.

¹⁶ Стрельченко С.В. Диаспора как субъект социально-экономических процессов (социально-философский наиболее общих тенденции в прошлом и настоящем) – Энергия. 2006. № 7. С. 65–68.

¹⁷ Cohen R. Global diasporas: An introduction. – N.Y., 1997, P. 22.

¹⁸ Cohen R. Global diasporas: An introduction. – N.Y., 1997, P. 191.

¹⁹ Safran W. Deconstructing and comparing diasporas. *Diaspora, identity, and religion: New directions in theory and research.* – Routledge, 2003.

²⁰ Safran W. Deconstructing and comparing diasporas. *Diaspora, identity, and religion: New directions in theory and research.* – Routledge, 2003, p.18.

²¹ Cohen R. *Global diasporas: An introduction.* – N.Y., 1997, P. 26.

²² Brah A. *Difference, diversity and differentiation – ‘Race’, Culture and Difference* – Ed. by J. Donald and A. Rattans. L., 1992; Brash A. *Cartographies of Diaspora: Contesting identities.* L. – N.Y., 1996.

²³ В частности, см.: Hettlage R. *Diaspora: Umrisse zu einer soziologischen Theorie – Identität in der Fremde* – M. Dabagg und K. Platt (Hg.). Bochum: Universitätsverlag, 1993. S. 75–105.

²⁴ Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. *Дiaspora как объект социологического исследования – Социологические исследования.* 1996. № 12.

²⁵ Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. *Дiaspora как объект социологического исследования – Социологические исследования.* 1996. № 12. С. 56.

²⁶ Там же.

²⁷ Bruneau M *Espaces et territoires de diaspora – Diaspora.* P., 1995.

²⁸ Sheffer G. *From diasporas to migrants – from migrants to diasporas* H *Diasporas and ethnic migrants: Germany, Israel, and Post-Soviet successor states in comparative perspective.* Frank Cass, 2003. P. 21.

²⁹ См.: *Материалы круглого стола «Этничность и диаспоральность»* – М., 1997.

³⁰ Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. *Дiaspora как объект социологического исследования – Социологические исследования.* 1996. № 12.

³¹ См.: Полоскова Т. *Современные диаспоры: внутривластные и международные аспекты* – М.: Научная книга, 2002.

³² Цит. по: Туманова А.А. *Крупнейшие диаспоры в мировых городах.* -Диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук. М., 2007. С. 20–24.

³³ Cohen R. *Global diasporas: An introduction.* – N.Y., 1997, p. 180.

³⁴ Подробнее об этом см.: Brubaker R. *Citizenship and nationhood in France and Germany.* Cambridge, 1992; он же. *Nationalism reframed: Nationhood and national question in the New Europe.* Cambridge, 1996.

³⁵ Арутюнов С.А., Козлов С.Я. *Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс* – <http://eursa.org/node/237>; Арутюнов С.А.

Дiaspora – это процесс – Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 77.

³⁶ Аствацатурова М.А. Возможности и пределы толерантности диаспор (теоретический аспект) – http://ippk.edu.mhost.ru/elibrary/elibrary/uro/v6/a6_18.htm .

³⁷ Armstrong J. A. Mobilized and proletarian diasporas – American Political Science Review. – 1976. № 20 (2).

³⁸ Esman M. Ethnic politics. Ithaca – N.Y., 1994.

³⁹ Попков В.Д. Феномен этнических диаспор – М., 2003.

⁴⁰ Попков В.Д. Некоторые основания для типологии диаспор – Библиотека Сайта социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (<http://lib.socio.msu.ru/>).

⁴¹ Хабибуллина Н.Н. Диаспора: сущность, социально-философские аспекты развития (на примере республики Бурятия) – Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Улан-Удэ, 2003. С. 55–56, 67.

⁴² Там же. С. 66.

⁴³ См.: Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / Под ред. Г.У. Солдатовой. М.: Смысл, 2002. С. 129.

⁴⁴ См., например: Гриценко В.В. Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России – М., 1999; Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию – М., 1999; Стефаненко Т.Г. Этнопсихология – М., 1999; Психология беженцев и вынужденных мигрантов: исследования и опыт практической работы – М., 2001; Вынужденная миграция и права человека – М., 1998; и др.

⁴⁵ Федоров Н. Проблема этносоциальной интеграции иммигрантов из бывшего СССР в германское общество – М., 1998. С. 36.

⁴⁶ См.: Очерки по культурной антропологии американского города – Отв. ред. Э.Л. Нитобург, В.А. Тишков – М., 1997.

⁴⁷ Тишков В.Л. Исторический феномен диаспоры – Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. статей. – М., 2001. С. 19.

⁴⁸ Шнирельман В. Мифы диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 28.

⁴⁹ Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1.

⁵⁰ Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003. С. 62.

⁵¹ Sfieffer G. From diasporas to migrants – from migrants to diasporas – Diasporas and ethnies migrants: Germany, Israel, and Post-Soviet successor states in comparative perspective – Frank Cass, 2003.

⁵² Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003. С. 272.

⁵³ Туманова А.А. Крупнейшие диаспоры в мировых городах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук. М., 2007. С. 18.

⁵⁴ Подробнее об этом см.: Tololyan K. Prefact – Diaspora. 1991. № 1; Tololyan K. The American modele of diasporic discourse – Diasporas and ethnle migrants: Germany, Israel, and Post-Soviet successor states in comparative perspective. – Frank Cass, 2003.

⁵⁵ Tilly C. Transplanted networks – Immigration reconsidered: History, sociology, and politics. – Oxford, 1990. P. 83.

⁵⁶ См : Попков БД Феномен этнических диаспор – М., 2003.

⁵⁷ Алкаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: Учебное пособие. – М., 2005, с. 85.

⁵⁸ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М.: КДУ, 2005, с.260.

⁵⁹ Лозаннский Э.А. Этносy и лоббизм в США. – М., 2004, с. 177.

⁶⁰ См.: Хабибуллина Н.Н. Диаспора: сущность, социально-философские аспекты развития (на примере республики Бурятия). Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Улан-Удэ, 2003. С. 26.

⁶¹ Лозаннский Э.А. Этносy и лоббизм в США. – М., 2004, с.110–111.

⁶² Лозаннский Э.А. Этносy и лоббизм в США. – М., 2004, с.100, 182.

⁶³ Лозаннский Э.А. Этносy и лоббизм в США. – М., 2004, с.173.

⁶⁴ См. Фостер Дж.Б. Откровенный империализм – «бремя белого человека»... – Пер. с англ. – М., 2007

⁶⁵ Лозаннский Э.А. Этносy и лоббизм в США. – М., 2004, с. 93

⁶⁶ См. Государственная экономическая политика США: современные тенденции – Ин-т США и Канады – М., 2002.

⁶⁷ Фостер Дж.Б. Откровенный империализм – «бремя белого человека»... – Пер. с англ. – М., 2007

⁶⁸ См. Рональд Рейган (1911–2004) – Библиотека Единой России: Лидеры. – М., 2006, с. 222–238.

⁶⁹ Лозаннский Э.А. Этносy и лоббизм в США. – М., 2004, с. 116–122.

⁷⁰ Подробно см.: Киссинджер Г. Дипломатия – М., 1997.

⁷¹ Фостер Дж.Б. Откровенный империализм – «бремя белого человека»... – Пер. с англ. – М., 2007.

⁷² Иванян Э.А. От Дж.Вашингтона до Дж.Буша. – М., 1991.

⁷³ Иванян Э.А. От Дж.Вашингтона до Дж.Буша. – М., 1991.

⁷⁴ Подробно см.: Киссинджер Г. Дипломатия – М., 1997.

⁷⁵ Лозаннский Э.А. Этнос и лоббизм в США. – М., 2004, с. 117–118.

⁷⁶ См. Меньшиков В.М. У потомков Гомера: Очерки о Греции. – М.: Мысль, 1988

⁷⁷ Подробнее об этом: Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: Арктогея, 1997, с. 193–213.

⁷⁸ Фурман Д.Е. О будущем «постсоветского пространства» – Свободная мысль. 1996. № 6, с. 36–50.

⁷⁹ Фруман Д.Е. О будущем «постсоветского пространства» – Свободная мысль. – 1996, № 6, с. 36–50.

⁸⁰ Исингарин Н. 10 лет СНГ. Проблемы, поиски, решения. – СПб, 2001.

⁸¹ Подробнее см. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М., 1998.

⁸² См. Исингарин Н. 10 лет СНГ. Проблемы, поиски, решения. – Спб., 2001, с. 92–98.

⁸³ Данилин И.В. Россия в интеграционных процессах на постсоветском пространстве: уроки, перспективы, трудности (ситуационный доклад) – Интеграционные процессы в современном мире: экономика, политика, безопасность. – М.: ИМЭМО РАН, 2007; Данилин И.В. – В сб. Диаспоры и разделенный народы на постсоветском пространстве. – отв. Ред. д.и.н. К.С. Гаджиев, к.полит.н. О.Г. Соловьев. – М., 2006.

⁸⁴ Диаспоры и разделенный народы на постсоветском пространстве. – отв. Ред. Д.и.н.К.С.Гаджиев, к.полит. н. О.Г.Соловьев. – М., 2006, с. 38–39.

⁸⁵ Исингарин Н. 10 лет СНГ. Проблемы, поиски, решения. – СПб, 2001, с. 98–100.

⁸⁶ См. Арбатов А.Г. Национальная идея и национальная безопасность – Мировая экономика и международные отношения. – 1988, № 5, с. 5–21; № 6, с. 5–19.

⁸⁷ Исингарин Н. 10 лет СНГ. Проблемы, поиски, решения. – СПб, 2001, с. 102–103.

⁸⁸ Подробнее об этом: Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. – М., 2001, с. 16–70.

⁸⁹ См.: Кочетов Э. Национальная безопасность и ее военная составляющая в геоэкономическом измерении (вопросы теории, методологии и прикладные аспекты стратегии «нелобового противоборства»: геоэкономическое противодействие в условиях глобальных трансформаций) – Безопасность Евразии. 2004. № 4(18). С. 271–328.

⁹⁰ Клименко А.Ф. Особенности интеграционных процессов в Азии и их влияние на безопасность в регионе – Военная мысль. 2003. № 6. С. 19–20.

⁹¹ Клименко А.Ф. Эволюция военной политики и военной доктрины Китая – Военная мысль. 2005. № 4. С. 2–17.

⁹² См.: Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 21 апреля 2000 г. № 706. Независимое военное обозрение. 2000. № 15.

⁹³ Матвеев А. Сценарии на заданную тему – Военно-промышленный курьер (http://www.vpk-news.ru/article.asp?pr_sign=archive.2008.235.articles.cis_02).

⁹⁴ См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом исполняющего обязанности Президента РФ от 10 января 2000г., №24. – Независимое военное обозрение. 2000, № 1, с. 6; Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г. – Сайт Министерства иностранных дел РФ (<http://www.mid.ru>)

⁹⁵ Подробнее о международных неправительственных организациях как акторах международных отношений см.: Цыганков П.Л. Теория международных отношений. – М.: Гардарики, 2002. С. 242–248.

⁹⁶ Калинина Н.В. Российская диаспора в странах СНГ (политические аспекты проблемы). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2002.

⁹⁷ Там же, с. 78–79.

⁹⁸ Далее приведены сведения об организациях российских соотечественников за рубежом по Базе данных об общественных организациях соотечественников за рубежом в 2010 году. – Архив Института стран СНГ. Опубликовано на сайте www.materik.ru.

⁹⁹ Чепурин А.В. Проблемы консолидации зарубежной российской общины. – Автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2009, 23 с.

¹⁰⁰ Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве – Отв. ред. д.и.н. К.С. Гаджисв, к.полит.н. Э.Г. Соловьев. М., 2006. С. 36–37.

¹⁰¹ Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве – Отв. ред. д.и.н. К.С. Гаджисв, к.полит.н. Э.Г. Соловьев. М., 2006. С. 61–43.

¹⁰² Подробнее об этом см.: Сафин И.Ф. Представительство этнических интересов в органах государственной власти: сравнительно-политологический анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Уфа, 2005. С. 14–15.

¹⁰³ Дубинками и слезоточивым газом по защитникам «Бронзового солдата» – <http://www.russkie.org> . 2007. 26 марта.

¹⁰⁴ Дьячков В. Самоубийственное русское непонимание – <http://rodina.lv/html> . 2007. 13 марта.

¹⁰⁵ Нет – украинизации телевидения и радиовещания! – <http://www.ruscimea.ru>, 2008, 27 марта.

¹⁰⁶ Шмаюн М. Массовая акция против приезда Буша и против НАТО проходит в Киеве – РИА Новости. 2008. 31 марта.

¹⁰⁷ Россия примет военные меры при вступлении Украины и Грузии в НАТО – РИА Новости. 2008. 11 апреля.

¹⁰⁸ Диаспоры и разделенный народы на постсоветском пространстве. – отв. Ред. д.и.н. К.С. Гаджиев, к.полит.н. О.Г.Соловьев. – М., 2006, с.51.

¹⁰⁹ Савченко О.А. Русская диаспора в Азербайджане: проблемы этнокультурного развития. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2002.

¹¹⁰ Калинина Н.В. Российская диаспора в странах СНГ (политические аспекты проблемы). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2002.

¹¹¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г. – Сайт Министерства иностранных дел РФ (<http://www.mid.ru>).

¹¹² Чепурин А.В. Проблемы консолидации зарубежной российской общины. – Автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2009, 23 с.

¹¹³ Материалы Всемирного конгресса соотечественников (24–25 октября 2006 г., Санкт-Петербург), Итоговый стенографический сборник, Издательство «Человек и здоровье», 2006. С. 256.

¹¹⁴ Журнал «Международная жизнь». 2006, № 11. С.18.

¹¹⁵ Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24 мая 1999 г. № 99–ФЗ (в редакции от 27 июля 2010 г.) – Сервер органов государственной власти Российской Федерации «Официальная Россия» (<http://www.gov.ru>).

¹¹⁶ Фурсов А. Неизвестный 68-й – Литературная газета. – 2008, 6–12 августа. № 32.

¹¹⁷ См.: Гаджимурадова Н.М. Особенности формирования и развития диаспор на постсоветском пространстве (на примере России и Закавказья). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2002.

¹¹⁸ См.: Савченко О.А. Русская диаспора в Азербайджане: проблемы этнокультурного развития. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2002; и др.

¹¹⁹ См.: Сейдов В.Г. Информационная деятельность зарубежных государств в СНГ // Информация. Дипломатия. Психология. М., 2002. С. 464–486.

¹²⁰ См.: Бубашвили Г.Э. Политика современных государств в отношении зарубежных диаспор (на примере Греции и России).

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2003.

¹²¹ Бинецкий А.Э. Лоббизм в современном мире. – М., 2004, с. 132–133.

¹²² Armstrong J. A. Mobilized and proletarian diasporas – American Political Science Review – 1976. № 20 (2).

¹²³ Бинецкий А.Э. Лоббизм в современном мире. – М., 2004, с. 133.

¹²⁴ Бинецкий А.Э. Лоббизм в современном мире. – М., 2004, с. 136.

¹²⁵ Подробнее об этом см.: Полоскова Т.В. Диаспоры в системе международных связей. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2000.

¹²⁶ Лобанов М.А. Российская диаспора в ближнем зарубежье как фактор продвижения национальных интересов России. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2008., с. 170–173.

¹²⁷ Подробнее об этом см.: Якунин В.И. Партнерство в механизме государственного управления – Социологические исследования. – 2007. № 2; O’Toole L. The implications for democracy in a networked bureaucratic world – Journal of public administration research and theory. – 1997. Vol. 7; Rhodes R., Marsh D. Policy network in British politics. A critique of existing approaches – Policy network in British government. – Oxford, 1992.

¹²⁸ Сайт Европейского русского альянса (<http://www.eursa.eu/questions>).

¹²⁹ Иванова О. Русские в Европарламенте. Наши соотечественники не только заселили Старый Свет, но и собираются влиять на его политику – Политический журнал, № 3 (180) – 21 февраля 2008 – <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=40&tek=7987&issue=215>.

**Российская диаспора
как фактор укрепления национальных интересов России
на постсоветском пространстве**

Компьютерная верстка
Т. Каракозова

Институт диаспоры и интеграции
(Институт стран СНГ)
119180, Москва, ул.Б.Полянка, д.7/10, стр.3
(Старомонетный пер., 10)

Подписано в печать 05.05.2011. Уч. п.л. 9,25
Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная
Тираж 500 экз.
Заказ №

Отпечатано в

